

П Е Т Е Р Б У Р Г С К И Й

Ф О Р У М

ЭССЕ

20-22/05 2026

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Фонд
ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА

МОЛОДЕЖЬ И ДЕТИ
НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРОЕКТЫ
РОССИИ

АССОЦИАЦИЯ
АНТРОПОЛОГОВ
И ЭТНОЛОГОВ
РОССИИ

Фонд
Экзекова

фонтанка.ру
ПЕТЕРБУРГ ОНЛАЙН

УДК 316.347
ББК 63.5
С23

Редколлегия:
А. В. Головинёв, академик РАН (ответственный редактор),
В. Н. Давыдов, канд. соц. наук (PhD),
Е. Н. Данилова, канд. ист. наук,
Е. В. Перевалова, д-р ист. наук

Эссе Петербургского Этнофорума. Вып. 1 [Электронный ресурс]. — СПб.: МАЭ РАН, 2026.

ISBN 978-5-88431-441-2

Сборник эссе участников Петербургского Этнофорума посвящен актуальным сюжетам теории и практики этничности, связанным с мониторингом, опытом и перспективами этнокультурного развития, состоянием межэтнических отношений, направлениями, задачами и методами этнографии, этнологии и антропологии.

УДК 316.347
ББК 63.5

ISBN 978-5-88431-441-2

© Коллектив авторов, Текст
© Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН

Содержание

Арушанян Мариэта Рафасловна	3	Коломиец Оксана Петровна	35
Баженова Жанна Михайловна	4	Комар Яна Владимировна	36
Балич Наталья Леонидовна	4	Красовицкая Тамара Юсуфовна	37
Барандова Татьяна Леонидовна	5	Лакунова Диана Руслановна	38
Григорьев Иван Вадимович	5	Ледяева Мария Юрьевна	38
Беляева-Сачук Вероника Александровна	6	Лобатюк Виктория Валерьевна	39
Борисов Андриан Афанасьевич	7	Лысикова Ольга Валерьевна	40
Васеха Мария Владимировна	8	Мазалова Наталья Евгеньевна	40
Викторин Виктор Михайлович	9	Манчын Экер-оол Маринович	41
Габдрахманова Гульнара Фаатовна	9	Мартынова Марина Юрьевна	42
Гедугов Мурат Сагидович	10	Молданов Тимофей Алексеевич	42
Головин Михаил Сергеевич	10	Молчанова Татьяна Вячеславовна	43
Головнёв Андрей Владимирович	11	Москалев Артемий Александрович	43
Гончаров Николай Сергеевич	13	Мухина Зинара Зиевна	44
Горбатов Леонид Васильевич	14	Никитин Доржа Олегович	45
Гребенюк Павел Сергеевич	14	Никонова Людмила Ивановна	46
Григорьева Виктория Георгиевна	15	Павлова Анастасия Олеговна	46
Гупцина Елена Геннадьевна	16	Перевалова Елена Валерьевна	47
Давыдов Владимир Николаевич	16	Пивнева Елена Анатольевна	48
Давыдова Екатерина Александровна	17	Пригарин Александр Анатольевич	48
Данилова Елена Николаевна	18	Псянчин Айбулат Валиевич	51
Дементьева Ксения Владимировна	19	Пушкарева Наталья Львовна	52
Демертер Надежда Георгиевна	20	Резван Ефим Анатольевич	52
Джапуа Зураб Джотович	20	Рудь Алексей Анатольевич	53
Джемакулова Нателла Владимировна	22	Сакович Анастасия Дмитриевна	55
Джиошвили Эльвира Александровна	24	Славнецкова Людмила Владимировна	55
Ермак Галина Геннадьевна	24	Смирнова Татьяна Борисовна	56
Ермолин Денис Сергеевич	25	Степанова Ольга Борисовна	57
Жидченко Александр Владимирович	26	Сушкова Юлия Николаевна	57
Завершинский Константин Федорович	26	Сысоева Мария Эдуардовна	58
Загребин Алексей Егорович	27	Тузиков Андрей Римович	58
Зинеева Заида Залимхановна	28	Туторский Андрей Владимирович	59
Зинурова Раушания Ильшатовна, Тузиков Андрей Римович	28	Федирко Оксана Петровна	59
Иванова Светлана Юрьевна	31	Фурсова Елена Федоровна	60
Караваева Дина Николаевна, Малич Анастасия Крепимировна	31	Хабибуллина Зиля Рашитовна	61
Касперович Галина Ивановна	32	Харитонов Игорь Николаевич	62
Киселев Александр Георгиевич	33	Харламова Юлия Александровна	63
Киселев Сергей Викторович	34	Цвижба Абзагу Геннадиевич	64
Киссер Татьяна Сергеевна	34	Черных Александр Васильевич	64
		Шпагин Сергей Алексеевич	65
		Шульга Марина Михайловна	65

Арушанян Мариэта Рафаеловна

старший преподаватель
Донецкий институт управления — филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы», Донецк, Донецкая Народная Республика
armarietta@yandex.ru

Армянский народ в России: быть собой среди своих

Я думаю, что самый интересный вопрос о диаспоре — это не «сколько их» и не «где они расселились», а вот какой: как человек умудряется одновременно быть гражданином одной страны и армянином до мозга костей? Не разрываясь, не притворяясь, не выбирая одно в ущерб другому.

Я знаю это не из книг. Я армянка — коренная, из семьи, где армянский язык, армянская память и армянское застолье были просто воздухом, которым дышишь. Но большую часть жизни я прожила не в Армении. Сначала — Украина. Потом — Россия. И вот я стою на этом странном перекрестке трех идентичностей, и ни одна из них не чувствует себя лишней. Ни одна не вытеснила остальные.

На Украине меня спрашивали: «Ты украинка или армянка?» — как будто нужно было выбрать. Я не выбирала. Я учила украинский язык с искренним удовольствием, пела украинские песни, любила эту землю — и при этом на Новый год у нас на столе была долма, а не оливье. Ну, и оливье тоже, честно говоря. Идентичность не делится на части — она складывается.

В России все повторилось в новом варианте. Русский язык мне был близок с детства — он у нас в семье всегда звучал наравне с армянским. Россия приняла легко, без ощущения чужеродности. Но вопрос «кто ты?» никуда не делся. И я снова отвечала: армянка. Просто армянка, которая сейчас здесь.

Я думаю, что самый честный ответ на вопрос об идентичности — это не «я принадлежу вот этой стране», а «я несу вот эту историю». Армянская идентичность — она не про паспорт и не про прописку. Она про память о геноциде, которую передают шёпотом и со слезами. Про Арарат, которого я никогда не видела из окна, но который стоит у меня внутри как что-то абсолютно личное. Про то, как бабушка солила сыр. Про особое чувство к любому армянину, встреченному в чужом городе, — моментальное, почти родственное.

И вот что я заметила за годы жизни в разных странах: армянская идентичность удивительно устойчива именно потому, что она не нуждается в территории. Армяне веками жили в рассеянии — после геноцида 1915 г. диаспора стала почти нормой существования народа. Это горькое обстоятельство выработало особый культурный иммунитет: умение быть армянином без Армении под ногами. Умение передавать себя через язык, через кухню, через истории за столом, через имена детей.

В России этот механизм работает очень хорошо. Армянские общины — живые, не музейные. Церкви, культурные центры, неформальные сети взаимопомощи. Мои знакомые армяне в Москве или Краснодаре не чувствуют себя чужими, но и не чувствуют себя растворившимися. Они именно как дома — со всем собой.

Но сейчас я хочу сказать о другом — о том, что происходит в обратную сторону. После 2022 г. в Армению приехало значительное число русских. Кто-то уехал из политических соображений, кто-то — из-за экономических обстоятельств, кто-то просто искал спокойного места, чтобы выдохнуть и понять, что делать дальше. Ереван внезапно наполнился русской речью, русскими кафе, русскими айтишниками с ноутбуками в коворкингах. Это стало заметным явлением — социальным, культурным и, конечно, политически чувствительным.

Армянское общество отреагировало по-разному. Одни встретили приехавших тепло — все-таки столетия общей истории, общий язык, общая культурная память. Другие — настороженно, особенно на фоне сложных российско-армянских отношений последних лет и карабахской трагедии. Это напряжение понятно и честно.

Но меня как человека, который сам прошёл через несколько переездов и несколько идентичностей, в этой ситуации поразило вот что: русские в Армении оказались в положении, которое армянская диаспора знает изнутри уже много веков. Ты живёшь не там, где родился. Язык вокруг другой. Традиции другие. И ты каждый день решаешь — как быть собой в чужом, пусть и дружественном, пространстве.

Это неожиданное зеркало. Русский человек, всю жизнь живший в стране, где его язык, его культура, его идентичность были по умолчанию «нормой», вдруг оказывается меньшинством. Не угнетенным — но именно меньшинством, которое должно встраиваться, учиться, объяснять себя. Именно это переживают армяне в России, украинцы в Польше, все диаспорные народы везде и всегда.

И вот что важно с научной точки зрения: этот новый опыт — русские в Армении — это не просто миграционная статистика. Это живой материал для понимания того, как работает идентичность в отрыве от «своей» земли. Как быстро формируются новые общины. Что люди берут с собой, а что оставляют. Как принимающее общество выстраивает границы между «своими» и «чужими» — и где эти границы со временем размываются.

Мне кажется, что многонародность как идея только тогда становится настоящей, когда она работает не в одну сторону. Не только «народы в России», но и «русские среди других народов». Не только принять чужого у себя, но и суметь быть чужим у других — с достоинством, с уважением, с готовностью учиться.

Я — армянка, которая жила на Украине и живет в России. И я смотрю на русских в Ереване с каким-то тихим узнаванием. Мы все в конечном счете решаем один и тот же вопрос: как остаться собой, когда земля под ногами — не твоя. И, кажется, именно в умении отвечать на этот вопрос — без злости, без потери себя, без высокомерия — и состоит подлинная культура межэтнического диалога.

Баженова Жанна Михайловна

к.и.н., с.н.с., ученый секретарь

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
bjannam@mail.ru

Особенности этнической идентичности представителей смешанных семей на Сахалине

Тезис о том, что суть национальной идеи России состоит в способности интегрировать разные народы в рамках единой общности, многократно доказан историей. Ярким примером служат представители смешанных семей острова Сахалин, имеющих в своем составе японцев, корейцев и русских.

Уникальность Сахалина обусловлена его островным и фронтальным положением, где происходило активное взаимодействие российской и восточноазиатских (Япония, Корея) цивилизаций. Сложные исторические процессы, изменения государственных границ, сопровождаемые большими миграционными волнами, превратили Сахалин в пространство, где произошло постепенное слияние японской и корейской общин с последующим включением в них русских культурных традиций через брачные союзы потомков японо-корейских семей с русскими.

При этом идентичность представителей таких семей носит подвижный, множественный и ситуативный характер: человек может одновременно ощущать себя частью корейской, японской и русской культур, легко переключаясь

между ними в зависимости от контекста («иногда я чувствую себя японкой, иногда корейкой, иногда — русской»). Эта гибкость идентичности воспринимается не как неопределенность и тем более не как маргинальность, а как культурное богатство и ресурс устойчивости. (Никто из опрошенных респондентов не противопоставил свою корейскую или японскую «кровь» российской идентичности — напротив, они служат взаимным дополнением).

Для представителей смешанных семей самоопределение строится не столько на языке и культуре, сколько на сочетании факторов: происхождении («кровь»), месте рождения и воспитания, физическом облике. Оно органично сопрягается с ярко выраженной региональной самоидентификацией: «островное бытие» породило особую «национальность» — «сахалинцы». («Когда я навещаю родственников в Японии, то всегда стремлюсь вернуться обратно на Сахалин. Здесь родина, друзья. Сахалинский менталитет отличается от менталитета людей из других регионов России. На Сахалине люди — необыкновенно добродушные, открытые, гостеприимные»).

Балич Наталья Леонидовна

к.с.н., зав. отделом региональной социологии, доцент
Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь
n.balich@mail.ru

Этнорелигиозная идентичность как основание культурно-цивилизационного единства восточнославянских народов

Этнорелигиозная идентичность представляет собой фундамент культурно-цивилизационного единства восточнославянских народов и подтверждает концепцию о том, что этнические и религиозные факторы являются ключевыми маркерами принадлежности к восточнославянской цивилизации. Особая форма самосознания объединяет культурные, языковые, религиозные исторические традиции восточных славян, а также ценности и нормы, которые формируют уникальный менталитет.

Рассматриваемый вид идентичности возник в уникальных географических, природных, исторических и социальных условиях. Свойственные ему признаки характеризуют языки и национальные культуры восточных славян. Устное народное творчество, бытовые традиции и обычаи (в том числе религиозные) составляют основу верований, национального характера и культурного кода, в соответствии с которым народы живут сегодня. Глубинное единство восточных славян складывалось не одно столетие, и сегодня принадлежность к восточнославянской цивилизации не имеет противоречий в этнических формах принадлежности.

Культурными маркерами принадлежности к восточнославянской цивилизации выступают не только соблюдение

православных традиций, но и отношение со стороны разных национальностей к православию и восточным славянам. Самобытность этнорелигиозной идентичности русских, белорусов, украинцев заключается в том, что даже неверующие представители этих народов сохраняют христианский тип мышления. Принципы соборности, взаимной ответственности, особое почитание блаженных, а также смысловые контексты словосочетания «Христа ради» воплощены не только в таинствах и богослужебной практике, но и в христианском миропонимании и отношении к ближнему, что является частью повседневной культуры и традиций. Из этнической ценности рода произрастает ценность коллективизма для восточных славян, что отражается в общей ментальной специфике понятийных систем языка (обращения, фразеологизмы, лексические параллели), поведенческих моделях, независимо от социального статуса, национальности, территории проживания.

Этнорелигиозная идентичность воплощена в национальном характере, представляющем исторически сложившийся интегральный (собирательный) и узнаваемый образ народа. Факторы формирования национального характера (географический, поселенческий, природный, примордиальный, религиозный, языковой, монументально-стили-

стический, оборонно-патриотический) характеризуются единообразием на территории Руси (например, единство стиля в литературе, искусстве, церковной архитектуре, богослужебной практике и др.). Все указанное способствовало развитию уникальной этнорелигиозной идентичности восточных славян, которая сложилась в далеком прошлом и прослеживается в настоящее время, несмотря на

выделение в качестве самостоятельных русской, белорусской, украинской национальностей.

Вопрос этнорелигиозной идентичности основан на выявлении объединяющих характеристик народов, представляет собой ключевой аспект социальной интеграции и играет важную роль в предотвращении межнационального разобщения.

Барандова Татьяна Леонидовна

к.с.н., доцент

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург
barandova-tl@ranepa.ru

Григорьев Иван Вадимович

к. филол. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
i.v.grigoryev@spbu.ru

Об этно(лингвистической) идентичности в условиях российского «цифрового многонационализма»

Процессы цифровой трансформации современного российского общества, управленческой практики многонационального государства, актуализируют рассмотрение и новых векторов теоретических дебатов в изучении функционирования в цифровой среде языковых и этнических компонентов социокультурной идентичности в меняющихся условиях многополярного мира, обновленных политических курсов России.

Идентичность — в широком понимании в качестве осознания принадлежности к социальной группе и культурно-бытовая самобытность — поддерживается языком, потому языковая политика и имеет важную роль в формировании и сохранении идентичности в многонациональных обществах. Из гуманитарных наук преимущественно этнолингвистика занимается изучением взаимосвязей между языками, культурами и этническим самосознанием, рассматривая именно язык в качестве основного, базового, маркера идентичности. Тем не менее нам представляется, что при изучении цифровизации формирующих элементов этнической идентичности в контексте многонациональных отношений (мультикультурализма) необходимо выстраивать фокус, изучая феномены, возникающие именно в ситуации пересечения факторов офф- и онлайн.

В научный оборот российских исследований этничности уже включаются и новые концепты, такие как кибер-этничность (Головнёв, Белоруссова, Киссер 2021; Камалова, Шакурова 2024), информационная этничность (Холопов 2021: 299), виртуальная этничность (неоэтничность) (Сичинава 2017; Poster 1998), транснациональная виртуальная этничность (Eriksen 2007: 5) и т. п., в рамках которых проявляется этнолингвистическая компонента цифровых форматов идентичности, в том числе ре/формирующей под влиянием обращения к контенту цифровых платформ, цифровых медийных коммуникаций и расширения спектра практик использования ИИ и нейросетевых продуктов. Отметим прежде всего, что из всех изученных публикаций ни в одной не были четко прописаны методологические рамки для работы с массивом эмпирики и, в частности, не задействован мультимодальный инструментарий, позволивший бы включить в рассмотрение

не только грамматические, но и фонетические, и иные модусы использования языка.

Мультикультурализм нами рассматривается не столько в его либеральном «глобальном» понимании, сколько как российский аналог понятия «многонациональности», фундирующей «русский мультикультурализм», который включает в себя ряд «цивилизационных» особенностей. Мы опираемся на ряд его отличительных признаков из сформулированных Н. К. Гасановой (Гасанова 2013: 63), среди которых базовым обозначается «мультикультуральность» российской нации как историческая данность, в которой выделяется «цивилизационная роль русского языка, вобравшего в себя в ходе многовекового взаимодействия все (письменные и бесписьменные) языки других народов России, и «значительная роль русской многонациональной культуры артикулированы психологически, социологически и житейски в модусе деликатного признания» (Гасанова 2013: 65).

Наличие постоянно проживающих в стране представителей 193 этносов, использующих в общении не менее 260 родных языков и их диалектов, при закреплении плюральной языковой политики в Конституции Российской Федерации (Ст. 26, п. 2, где сказано, что каждый народ «имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества») тем не менее не подрывает рефлексии над «российским мультикультурализмом» на основе русскоязычной лингвокультуры, не умаляет общественной ценности сохранения принципа «единство во множестве» и морали солидарного общества в реализации национальной культурной и языковой политики.

Представляется значимым введение в российское научно-аналитическое и методологическое пространство концепта, обозначенного как «цифровой мультикультурализм», который в свою очередь относится к пересечению этнолингвистического и социокультурного разнообразия с цифровыми технологиями, охватывая предоставляемые ими возможности для расширения самовыражения, неконфликтной межкультурной коммуникации, при этом рефлексиря проблемы «цифровых разрывов».

В рассмотрении российского научного дискурса и изданных публикациях не выявлены исследования, включающие пересечения аспектов этнолингвистической идентичности, киберэтничности и цифрового мультикультурализма в постановке исследовательских вопросов, и, несмотря на то что палитра этно/национальных языков в России включает более двух с половиной сотен (и больше, если учесть сообщества иностранных мигрантов), складывается впечатление, что исследователи мало обращают внимание на этнолингвистическую специфику

формирования виртуальной идентичности коренных народов.

Наиболее значимыми для предстоящих исследований представляются новые реалии, в которых включаются лингвистические ИИ-продукты и нейросетевое сопровождение образовательно-инклюзивных программ для разноязычных социальных групп, реализуемые на практике в аспектах сохранения и защиты этнолингвистической идентичности и недискриминационной национальной социокультурной политики.

Беляева-Сачук Вероника Александровна

к.и.н., PhD, с.н.с.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
belyaeva.veronika@gmail.com

Российское яководство. Культурный, продовольственный и туристический этнопроект

Яководство в мире распространено в узком ареале — это высокогорья Центральной Азии. Им занимаются жители десяти стран, в число которых входит и Россия. В нашей стране территориями традиционного разведения яков являются Бурятия, Алтай и Тува. В отечественном яководстве животных используют для получения мяса, молока и шерсти, из которой можно плести крепкие, не гниющие при контакте с влагой веревки. Яков также используют во время перекочевков, особенно в условиях высокогорья, как выючное и верховое животное. Таким образом, як является источником пищи, материала для изготовления предметов быта и средством передвижения, следовательно, он до сих пор занимает важнейшую нишу в жизни кочевников.

В настоящее время, в связи с относительно узким ареалом разведения яка, сохранение его имеет приоритетное значение для сохранения генетического разнообразия и развития в своей экологической нише. Яководство является экологически ориентированной отраслью животноводства, связанной с высокогорными пастбищами, где яки не составляют конкуренцию другим видам скота, что позволяет рационально использовать природные ресурсы. Як является также важным элементом экосистемы высокогорья и его исчезновение на территории его обитания может привести к дисбалансу локальной экосистемы.

Яководство становится этнопроектом, начиная с 1990-х гг., благодаря локальным инициативам и этнолидерам. Таким примером является Ошкуу-Саар Аракча-

евна Ооржак, руководитель ГУП «Моген-Бурен» (Республика Тыва), которая смогла сохранить поголовье яка после ликвидации совхоза и в настоящее время обеспечивает работой практически всех местных яководов. О. А. Ооржак старается также развивать туристическую индустрию благодаря яководству — с 2022 г. в Монгун-Тайгинском коожуне Республики Тыва проходит ежегодный праздник День яка и яководства, где можно увидеть скачки на яках, процесс седлания и выючения яка, посетить выставку ярмарку изделий народных промыслов, попробовать мясные и молочные продукты местного производства. Ошкуу-Саар Аракчаевна является учредителем местного частного музея «Драгоценность Моген-Бурена», экспозиция которого посвящена местному животноводству, прежде всего яководству.

Яководство остается не только хозяйственной деятельностью, но и интегральной частью жизни локальных сообществ, встроенной в культурную идентичность и обеспечивающую существенную часть продовольственной безопасности в труднодоступных высокогорных районах. Сохранение и развитие этой традиции требует сочетания этнокультурного развития, научной поддержки, экономических инициатив и адекватной государственной политики. Только при комплексном подходе яководство может не просто выжить, но и стать локальным драйвером устойчивого развития, сохранения языка и традиционных практик, укрепления продовольственной автономии и социальной устойчивости местных сообществ.

Борисов Андриан Афанасьевич

д.и.н., г.н.с.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск
a_a_borisov@mail.ru

Историческое коммуникативное пространство многонациональности России как национальной идеи¹

В становлении многонациональности России как национальной идеи немаловажную роль сыграли коммуникативные связи, которые складывались на протяжении веков в коммуникативное пространство между историческим государствообразующим центром и поликультурной и полиэтнической периферией. Еще древнерусские летописи отразили комплекс многочисленных контактов древнерусской княжеской власти и множества народов, окружавших их со всех сторон. Были среди них как славяне, так и финно-угры, а также тюрки. Кроме естественных в то время сообщений о столкновениях, нашлось место и для вполне прозаичных отношений между крещеным новгородцем и чудинцем-волхвом для «волхования» (ПВЛ). Интерес представляет, что славяне и финно-угры на Северо-Востоке и Северо-Западе Древней Руси в равной степени были подчинены князьям из Рюриковичей.

Военные коалиции со степными ханами тюрков, начиная с печенегов и половцев X–XII вв., подкрепленные династическими связями, являются хрестоматийными. Это помимо интенсивных многовековых торговых и культурных обменных связей, приведших к развитию ранней городской культуры на Руси, за что она прослыла в Скандинавии Гардарикой (Страной городов). Этот высокоразвитый городской конгломерат познакомился с кочевым улусом. Даже в лексику русского языка с тех пор вошел данный своеобразный термин, означающий открытую, ровную местность, необычность расселения и не характерный для оседлых славянских и финно-угорских пахарей и бортников подвижный образ жизни кочевых тюрков. Как не вспомнить повесть Льва Толстого о русском крестьянине Пахоме, подивившимся, как башкиры, сохранявшие свой кочевой быт и в XIX в., измеряли землю не в аршинах и верстах, а в сутках.

Такая историческая глубина и траектория развития национальной идеи подготовила Русь к еще более тесным

коммуникативным связям с Золотой Ордой, возникшей после завоевания Руси монголами. На открытость в культурном общении надстроилась религиозная веротерпимость монгольской политики. Победившие степняки не чурались своих новых подданных, охотно вступая в различные контакты. Даже возвышение Москвы после XIV в. и постепенное смещение геополитической гегемонии из Степи в лесостепную зону Руси не нарушило сложившейся системы культурного взаимодействия. Оно стало еще более глубоким. На русских землях возникли татарские улусные образования. Для русского человека было в привычку жить рядом с некрещеным басурманом и вместе с ним делить и тяготы государственных повинностей, и будни боевых походов. Так, они дошли и до сибирских просторов. После XVI в. Русь стала по-настоящему евразийской державой. Для поддержания внутреннего единства страны мало было административных и конфессиональных средств.

Коммуникативность между государствообразующим народом и другими, связавшими с ним свою историческую судьбу, народами на таком большом пространстве играла во многих случаях решающую роль. Грамотность была еще низка, и состояние письменной, тем более литературной, культуры находилось на ранних стадиях своего развития. Господствовала устная традиция коммуникации, для межнационального общения помимо русского, очевидно, использовались тюркские языки, взаимопонятные между собой. Почетное место занимало толмачество. В XVII в. в составе России оказались не только башкиры, сибирские татары, ногайцы, но и калмыки, а также частично народы Саяно-Алтая, якуты и даже народы Северо-Востока. Традиции различного рода тесной коммуникации также способствовали стремительному продвижению России до побережья Тихого океана. Особая многовековая культура взаимного общения стала одной из фундаментальных опор многонациональности России.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 на 2026 г. (проект НИР №124022500312-8 «Региональное управление Якутии в коммуникативном пространстве Российского государства: социальный аспект (XVII — начало XX в.)»).

Васежа Мария Владимировна

к.и.н., с.н.с.

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
maria.vasekha@gmail.com

Формы и особенности русской сибирской идентичности в Западной и Восточной Сибири

Анализ некоторых визуальных символов Сибири в нескольких сибирских регионах (Тюменская, Омская, Новосибирская, Иркутская, Кемеровская области и Красноярский край) позволяет проследить различные истории формирования образов Сибири и сибирских городов в крупнейших сибирских мегаполисах. Встает вопрос о существовании общесибирской (имеется ввиду объединяющая все сибирские административные единицы, области и края) идентичности и особенностях ее формирования.

Зачем сибиряки апеллируют к стереотипам о самих себе, ведь большая часть из них совершенно не соответствует образам современных сибиряков и сибирскому стилю жизни? Дело в позитивных стереотипах, которые сложились за пределами сибирской территории, о жителях Сибири как людях сильных духовно и физически, сметливых, стойких, умеющих жить в тяжелых условиях сурового сибирского климата и нетронутой, первозданной сибирской природы. Поскольку большинство потребителей сибирских виртуальных «лайков» и «психологических поглаживаний» — жители крупных сибирских мегаполисов, чей образ жизни практически ничем не отличается от образа жизни жителей других российских городов, то трансляция расхожих стереотипов о Сибири — это способ получить дополнительные бонусы к своему образу.

Как выяснилось, о Сибири и сибирском образе жизни до сих пор известно не так много как на территории России, так и за ее пределами, и в целом, используя ту или иную группу стереотипов, на идеи сибирскости можно сконструировать целый ряд новых фантазийных смыслов. Собственно, этим сегодня и занимаются литераторы, сценаристы и прочие деятели искусства, выставляя на передний план тот или иной сибирский стереотип. Так, бывший молдаванин, ныне популярный итальянский писатель Николай Лилин сочинил целый мир про этническую группу сибирских «уроков», построенный на стереотипах о криминальном прошлом Сибири и крайне противоречивых отрывочных представлениях о сибирских старообрядцах, заставив поверить в «историческую» фактологию своей истории ведущих европейских интеллектуалов. Сочинением новых сибирских миров активно занимаются российские писатели А. Бушков, В. Мегре, выставляя на передний край мысль о нетронутости экосистемы и эзотеризацию сибирских земель. Активно продают вовне «Сибирь кандалную» и отчасти скандальную (#сибирскийироничныйконцептуализм) некоторые сибирские художники, тем самым выходя на «международный уровень» (центры в Омске и Красноярске). Создатели сибирских сувениров, основанных на идентичности, наоборот, героизируют и романтизируют сибирский образ жизни. Знания о Сибири и сибирском образе жизни настолько скудны в мировом пространстве, что практически любая фантазия выглядит вполне состоятельной, как,

например, это произошло с романом и последующей голливудской экранизацией «Сибирского воспитания» уже упомянутого Н. Лилина.

Похоже, и сами сибиряки не очень представляют себе, что такое сибирский образ жизни, поэтому бросаются в две крайности: от попыток представить жизнь в Сибири как очень дерзкое, «морозное» приключение по преодолению климатических условий и «прокачки» сибирского духа (например, проект I*m Siberian) до трансляции сигналов о депрессивности и протестной региональной идентичности в русле самоиронии (например, появление «омского каламбура», #сибирскогоироничногоконцептуализма, ставшего надолго популярным лозунга новосибирской монстрации «Тут вам не Москва» и пр.). Вторая тенденция, очевидно, преобладает над первой по количеству проявлений негативных сибирских настроений практически во всех сибирских регионах, что можно объяснить снижением символического статуса (а за ним и экономического, политического, культурного и пр.) и роли Сибири и сибирских городов в жизни страны.

Желание «отстроиться», отделить сибирский образ жизни, например, от российского, чаще всего выражается в использовании самими сибиряками расхожих стереотипов, настолько широко известных и «читаемых», что ими могут легко оперировать и «приглашенные» не-сибиряки (например, вполне успешное конструирование «сибирской» концепции для новосибирского «Сибирского Молода» московским агентством). Верят ли сами сибиряки в развесистую сибирскую «клюкву»: медведей на улицах своих городов, валенки с ушанками, сибирских шаманов, перманентное собственное слияние с природной гармонией? Очевидно нет. Поэтому все эти стереотипы и транслируются в связке со здоровой самоиронией. Зачем же тогда сибиряки продолжают транслировать вовне психологию уверенного шапкозакидательства? Скорее всего, по причине отсутствия новых позитивных представлений о Сибири, сибиряках и сибирском образе жизни — то есть о себе самих. На рубеже XX–XXI в. появилось такое новое явление как протестная сибирская идентичность, однако трудно постоянно жить с ощущением, что Сибирь из края новых, неограниченных возможностей (каким она провозглашалась в период крупных советских «сибирских проектов») и уверенности, что «Российское могущество прирастает будет Сибирью», превратилась во второстепенную, практически не финансируемую центром территорию, рассматриваемую с позиции экстрактивизма. Общесибирская идентичность продолжает опираться на расхожие стереотипные представления как достаточно позитивные и легко «считываемые», а значит, и «продаваемые» вне Сибири, однако поиск актуальных позитивных представлений сибиряков о себе самих — вопрос ближайших десятилетий.

Викторин Виктор Михайлович

к.и.н., доцент

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань
victvic@mail.ru

Этнофактор и традиции, функции и судьбы этнологии: региональный аспект

Заметно, как динамично изменяются жизнь и наука, даже качество доступного фактического, полевого материала. В дискуссиях только намечается новое понимание этнологии. В частности, в вопросах назначения науки, ее предмета и методов, включая междисциплинарные связи и постижение собственно этнической субстанции. Последняя составляет «явление, которое, безусловно, существует, но неизменно ускользает сквозь пальцы, <...> проявляться повсюду, влиять на любые сферы жизни и деятельности человека, и в то же время его нигде нет». Эта мысль высказана этнологом С. В. Чешко и поддержана философом С. Е. Рыбаковым.

Однако оба автора оставили открытыми вопросы преобладания в этническом объективного или субъективного (добавим и переходное «диспозиционное», иначе лат. «хабитус», или греч. «эксиз»), индивидуального или коллективного (общинного). Хотя примерно ясны ведущие роли «индивидуального» в идентичности и «коллективного» в этническом бытии. С эффектом сплочения, частью безотчетного. Интересна в методологии схематика для группировки плотности информации в социальном и этническом (С. А. Арутюнов, С. В. Чешко).

Другая сторона вопроса — «откуда вообще взялось «этническое», из каких потребностей и сторон жизнедеятельности людей оно возникло, какова присущая только ему природная функция?» (С. В. Чешко). Где и как искать первые следы этнических общностей в дописьменной

истории и вообще ради чего «этническая сложность» была и есть в наличии.

Выделение для познания «категорий» снимает противоречие онтологического, т. е. бытийного и гносеологического, эпистемологического, когнитивного (В. А. Тишков) и открывает новые пути творческого синтеза в постижении этнического. Тогда непротиворечивыми и ситуативно-полезными оказываются в науке и «когнитивный поворот», и «онтологический ренессанс».

Несколько частных замечаний. Все более очевидно преобладание среди отчетливых традиций именно «вторичных», производных (К. В. Чистов) и важного для многих стран явления «неотрадиционализма» (В. В. Бочаров, В. А. Попов). Помимо этого, следует различать традиции, привнесенные в миграциях, и сложившиеся в новых природных и социальных условиях, как и переходные между ними. Что проявилось в нижневожско-северокаспийском регионе «позднего заселения».

Следует актуализировать и прикладную, практическую сторону этнического знания (у Ю. В. Бромлея и Р. В. Подольного она представлялась как «этноника»), которая тоже не проста. Тревожат извилистые и неустойчивые этничность и субэтничность в специальной операции войск «в-на» Украине и вокруг неё, как и ежедневный ущерб в антропологичности (даже вплоть до бесчеловечности от агрессивного национализма). Столкновение ценностей и оценок в этой связи налицо, но оно пока ещё, похоже, слабо изучаемо.

Габдрахманова Гульнара Фаатовна

д.с.н., зав. отделом этнологических исследований

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Республика Татарстан
medi54375@mail.ru

На обсуждение предлагается вопрос о смыслах идеи многонациональности России в условиях современной глубокой турбулентности. Его важность обусловлена тем, что геополитические реалии последних лет повлекли образование ситуации неопределенности, размывание привычной картины мира, дезинтегрированность значительного числа людей, необходимость пересборки ими самоопределений и жизненных ценностей. Большой вызов ставит на повестку дня проблематику способов научно обоснован-

ной оценки происходящих социальных изменений и эффективных ресурсов консолидации, смысловых оснований дальнейшего социально-политического развития российского общества. Его многоэтнический характер обуславливает необходимость понимания того, как представители многочисленных, разнообразных этнических общностей страны адаптируются к происходящей трансформации и каков потенциал этнических чувств для нормализации российского общества в современных реалиях.

Гедугов Мурат Сагидович

Руководитель обособленного подразделения АНО «Алашара», Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика

murat.gedugov@list.ru

Сохраняя народ — укрепляем Россию: системный опыт «Алашары»

Когда говорят о сохранении малых народов, чаще всего имеют в виду праздники, фестивали, издание словарей. Это важно. Но этого недостаточно. «Алашара» — международное объединение содействия развитию абазинско-абхазского этноса, основанное в 2011 г. Муссой Хабалевичем Экзековым, — строилась на принципиально иной логике: не разовые акции, а системная долгосрочная работа, рассчитанная не на одно поколение.

Абазины — коренной малочисленный народ России численностью около 44 тыс. человек, проживающий преимущественно в Карачаево-Черкесии. Абазинский язык признан ЮНЕСКО языком под угрозой исчезновения. Таких народов в России — десятки. И вопрос их сохранения — это не региональная проблема, а глобальный вопрос сохранения многообразия Российской Федерации.

Президент «Алашары» называет нашу организацию лабораторией социальных практик. И это точное определение того, чем мы занимаемся. Мы работаем по десяти направлениям одновременно: язык, культура, спорт, здравоохранение, гражданское общество, молодежь, семья, правовая защита, информация, издательство. И вопрос не в том, что мы хотим охватить все, а в том, что сохранение народа работает только как экосистема. Убери одно звено — цепь рвется.

Главная цель — изменить психологию человека. Превратить его из пассивного ожидающего в активного создателя. Для этого в каждом ауле мы создали общественные советы, женские советы, молодежные кружки, а также на базе нашего офиса организовали волонтерский корпус, который сегодня является крупнейшей волонтерской структурой республики. Это живые институты гражданского общества, которые сегодня самостоятельно выполняют ряд задач, нацеленных на сохранение и развитие абазинского народа. Подобной работой мы учим людей объединяться, самостоятельно анализировать проблемы общества и находить пути их решения.

За 13 лет мы объединили вокруг себя специалистов и энтузиастов во всех сферах и с их помощью реализовали и продолжаем сотни проектов. Это издание десятков книг, журналов, создание кружков народно-прикладного искусства, финансовая помощь ремесленникам, грантовые конкурсы для молодежи, социальные проекты в сёлах, развитие проектов в сфере искусственного интеллекта, организация языковых лагерей, фестивали абазинского языка, разработка инновационных методик по преподаванию абазинского языка для детей разных возрастов, съемка десятков документальных фильмов в области культуры и традиций, проведение сотен спортивных состязаний, тематических форумов, круглых столов, семинаров, творческих вечеров. Ну и, конечно же, проведение ежегодного масштабного международного культурно-спортивного фестиваля «Абаза», который собирает на своих площадках не менее 10000 участников и гостей.

Но главное для нас не цифры. Главное — то, что наша модель уже масштабируется. По образцу наших проектов в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Адыгее, а также в других регионах нашей страны запускают собственные инициативы. И это говорит нам о том, что мы можем считаться сегодня одним из флагманов эффективной национальной политики, чья модель может и должна быть применима среди других народов и регионов России.

И подытоживая. Сила России — в многообразии её народов. Потому что каждый народ — носитель уникального опыта и культуры, особой энергии и мудрости, неповторимого взгляда на мир и суперсилы. И чем полнее народы России смогут раскрыть свой потенциал, тем мощнее станет наше государство. Потому что свет от большого костра рождается из множества маленьких огней. А каждый народ России — это один из таких огней. И наша задача — не дать ни одному из них угаснуть, чтобы свет нашей страны был ярче, и сильнее для всех освещал путь к созидательному будущему.

Головин Михаил Сергеевич

к.полит.н., старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
msgolovin_kafpolit@mail.ru

Вопрос методологического преодоления дихотомии «примордиализм — конструктивизм» в российской этнополитологии: перспективы этносимволистского подхода

Политика государства в отношении различных этнических групп, народов и наций, а также осмысление этих процессов и феноменов в академической сфере являются одной из актуальнейших тем как для формирования политического курса любого современного государства, так и для дискуссии внутри академического сообщества. Зна-

чение этнокультурного фактора в исследовании формирования нации и дискурса тех политических акторов, идейным фундаментом которых является национализм, остается одним из крайне дискуссионных вопросов этнополитологии. Как известно, в теории национализма принято — конечно, крайне обобщая — выделять две

доминирующие традиции: примордиалистскую и конструктивистскую. В конце XX — начале XXI в. стал набирать академический вес такой подход как *этносимволизм*, главным выразителем которого считается английский исследователь Энтони Смит. Также, говоря о вкладе этносимволистов в теоретические дискуссии, можно отметить работы его ученика, Дж. Хатчинсона, который в своих трудах особое внимание уделяет фактору культурного национализма в формировании современных наций, а также публикации в журнале «Нации и национализм», созданном Э. Смитом в 1990-е гг., в рамках которых можно наблюдать за развитием дискуссии представителей различных подходов к исследованию этничности и национализма.

Кроме того, необходимо отметить, что акторы, формирующие националистический дискурс в различных странах, зачастую апеллируют именно к тому, что было названо Дж. Армстронгом «мифосимволическим комплексом» — чаще всего, в современной политической реальности это происходит в контексте противопоставления Другому, «чужим» ценностям, символам и культурным особенностям. Поэтому в этнополитических исследованиях представляется весьма эффективным сочетание конструктивистских и этносимволистских подходов не только для исследования процессов нациестроительства, но и для анализа формирования и инструментального применения дискурса политических акторов. Мобилизуя таким образом этничность, обращаясь к «древней» истории

своего народа, этнонационалисты культивируют идею исключительности «своих» и опасности «чужих» в конкретных социально-экономических и общественно-политических условиях (подробно подобные случаи рассмотрены, к примеру, в исследовании У. Альтерматта «Этнонационализм в Европе»). Также те, кого Дж. Хатчинсон в своих работах называл «культурными националистами», в условиях политической конкуренции делают особый акцент на цивилизационных основаниях и историко-культурной самобытности, которая конструируется, по сути, в контексте идеи «столкновения цивилизаций» (по С. Хантингтону), а не идей сосуществования и диалога культур. Ярким примером подобной стратегии в политической борьбе являются дискурсивные построения современных праворадикальных партий, которые актуализируют тему «несовместимости» культурных ценностей европейцев (как светских, так и христиан) и мусульман (прежде всего, мигрантов, прибывающих в европейские общества с целью дальнейшей интеграции).

Таким образом, использование теоретических наработок иных школ, нежели примордиализм и конструктивизм (к примеру, этносимволизма), способно, во-первых, расширить понимание исследуемого явления, будь то процесс нациестроительства или дискурс националистов; во-вторых, способствует развитию дискуссии внутри академического сообщества, выработке новых подходов, отказу от работы в рамках привычной методологической дихотомии.

Головнёв Андрей Владимирович

академик РАН, д.и.н., директор МАЭ РАН
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
andrei_golovnev@bk.ru

«Многояродность» и «коренной народ»: проекции смыслов

Результатом академических экспедиций XVIII в. стало самопознание России. Одновременно на просторах России родилась наука о народах (*Völker-Beschreibung*, народоведение, этнография), оказавшаяся самой почвенной для России и самой российской из наук. Российская академическая этнография сложилась на век раньше европейской эволюционистской антропологии, явившейся на свет в XIX в. Приоритетом России стала и появившаяся синхронно с народоведением идея многояродности (многонациональности, полиэтничности): академик И. Г. Георги выразил ее в своем фундаментальном «Описании всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежда, жилища, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей»:

Известно всякому сведущему о государствах и владениях, на земном шаре существующих, что нет на оном ни одного такого, которое вмещало бы в себя толь великое множество различных народов, как Российская держава (Георги 1799).

С тех пор эта формула, несколько видоизменяясь, сохраняется и воспроизводится в разные эпохи, несмотря на политические метаморфозы, в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации, претендуя тем самым на роль национальной идеи России.

Ключевое словосочетание высказывания Георги — «великое множество народов» — обобщенно или сокра-

щенно выражается как «многояродность». Это слово по-русски благозвучно и исполнено смысла, но не обрело широкого хождения из-за моды на иноязычную «научность». Распространен его греческий аналог — «полиэтничность»; встречается и «плюриэтничность», и составленная из разных языков «многоэтничность». В качестве основного определения принято понятие «многонациональный» (кстати, только в качестве прилагательного); его первая часть — славянизм, а вторая — латинизм (или германизм): от *patio(n)* — «нация». Сегодня у нас, как уже давно в Европе, слова с корнем «нацио» все чаще обозначают гражданскую (государственную) идентичность. Поэтому я предпочитаю органичное для русского языка слово «многояродность», например в выражении «Многояродная Россия», хотя без затруднения использую и синонимичный термин «многонациональный», обладающий официальным статусом.

Понятие «многояродность» — не неологизм; у него солидное досье в научной и публичной риторике: академик П. Б. Струве писал в 1914 г.: «Русское государство, <...> будучи многояродным, в то же время обладает национальным единством» (Струве 1914); основоположник евразийства Н. С. Трубецкой полагал, что совокупность народов является национальным субстратом Российской империи (СССР) и представляет собой «особую многояродную нацию» (Трубецкой 1995). Трубецкой как теоретик фонологии обладал тонким чувством язы-

ка, и его мысли звучат по-русски без ущерба для научности.

Выражение «многонародная нация» рассматривалось как альтернатива «многонациональному народу» при подготовке Конституции Российской Федерации 1993 г. В текст Основного закона вошел последний вариант, но полемика свидетельствует о соотносимости (альтернативности) этих словосочетаний. Позднее к понятию «многонародной нации» обращались многие эксперты, в том числе антрополог В. А. Тишков, политолог В. А. Никонов, правовед Ю. И. Скуратов и другие; в этой же проекции разворачивается концептуализация «российской нации» (инициатива разработки закона «О российской нации», формулировка федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в России (2014–2020 годы)»).

Слово «коренной» в отношении народов России применено в отечественной истории, по меньшей мере, трижды. Первый раз, в конце XVIII в., оно было отнесено к руссам. Свое знаменитое «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ставшее первым систематическим сводом народоведения, академик И. Г. Георги начинает фразой: «Древние руссы суть коренный России народ, которого имя только Россия на себе носит» (1799). Если учесть, что именно XVIII век был эпохой самопознания России, то обозначение руссов как народа, давшего стране имя, можно считать исходным и опорным определением понятия «коренной народ» (по смыслу «коренной для государства», «государствообразующий», «титularный»).

Второй вехой в истории понятия «коренной» стала эпоха «коренизации» 1920-х гг., сопровождавшая создание СССР как союза равноправных народов. «Коренизация» подразумевала создание для народов условий самобытности и самоуправления — национально-территориальных автономий (республик, коммун, округов), выдвижение на ключевые управленческие позиции «националов», внедрение национальных языков в школы, печать, делопроизводство. Синонимом «коренизации» была «национализация» (в частных случаях «украинизация», «белорусизация»), предполагавшая повышенное внимание к «националам», прежде всего крупным (многочисленным) народам, приобретшим благодаря революции национально-территориальную автономию (украинцы, белорусы, киргизы, татары, буряты и др.). Русские как «бывшая державная нация» (по выражению И. В. Сталина на XII съезде Компартии) оставались за рамками этой политики; более того, коренизация предполагала снижение статуса русских (бывших великороссов) в пользу других народов Союза. Таким образом, в 1920-е гг. выражение «коренной» распространялось на нерусские народы, главным образом многочисленные и титульные для национальных республик; тогда же в отношении малочисленных народов Арктики и Сибири, числом 26, сложилось определение «малые народы Севера».

Третье пришествие понятия «коренной» случилось в постсоветский период, когда в брешь, образовавшуюся после падения железного занавеса, хлынули западные веяния и заимствования. На этот раз слово «коренной» фигурировало как перевод испано-английского *indigenous* (от лат. *indigena* — «местнорожденный»)¹. Первоначально оно было отнесено к тем самым народам Севера, которые

прежде назывались «малыми». При этом слово «малый» было сочтено уничижительным и преобразовано в «малочисленный», а в понятие «коренной» вложено содержание термина *indigenous*, в соответствии со сложившимися к тому времени нормами международного права.

Наряду с позитивными следствиями этого трансфера, в позиционировании коренных малочисленных народов России, число которых вскоре выросло с 26 до 47, обозначились изъяны прямого заимствования: в конвенциях Международной организации труда (МОТ) и актах комиссий ООН *'indigenous'* определялись как «племенные и полуплеменные популяции (народы)», подвергшиеся иноземному завоеванию и колониальному подчинению. Это подходило заморским колониям европейских стран, но расходилось с российским опытом многовекового соседства и взаимодействия народов. Ни СССР, ни Российская Федерация конвенций МОТ не ратифицировали, поскольку считали основой отношений между народами внутри страны не колониализм, а партнерство. Однако конвенции были отвергнуты, но концепции восприняты, в том числе идеологема антагонизма между «коренными» и «пришлыми». Кроме того, в смеси отечественных и зарубежных установок обозначилось противопоставление «малочисленных» и «многочисленных» народов, первые из которых стали прочно ассоциироваться с «коренными», а вторым осталось недоумевать, почему превышение порога численности (50 тысяч) лишает их этого звания. На этой почве отмечены попытки сегментации больших народов на малые группы (коми-ижемцы, поморы) для обретения статуса «коренных».

Считаю профессиональной ответственностью этнографов изучение феномена российской многонародности и диагностики деструкций, вносимых в том числе «вирусами заимствований». Если России принадлежит мировой приоритет позиционирования и богатый опыт развития многонародности, то органичным видится не импорт, а экспорт теорий и практик; и любая экспертиза в этой области должна начинаться с обращения к собственным смыслам и ресурсам. В этом отношении понятие «коренной народ» надлежит вернуть его российские значения — все три вышеперечисленные, тем самым распространив его на крупные, средние и малые народы. Все народы России, имеющие корни на ее территории, — коренные, независимо от их численности. Рецепт отладки терминологической деформации считаю включение в лексикон науки, политики и массмедиа понятия «коренной» применительно ко всем этим народам. После фазы словесного привыкания последует взвешенная адаптация соответствующих правовых устоев, тем более что на региональном уровне она уже идет (например, в Карелии статус коренных закреплён правовыми актами как за венсами, так и за карелами и группами русских).

Это предложение ни в коем случае не означает понижения статуса коренных малочисленных народов (КМН). Их качества, заслуживающие особого внимания и отношения, определяются не малой численностью, а большими достижениями в сохранении своих этнических традиций — именно яркой самобытностью издавна выделяются коренные северяне и другие народы, вошедшие в официальный реестр КМН. Коренные малочисленные народы — особая категория населения, наделенная, помимо общих для всех прав и возможностей,

¹ Синонимами и историческими аналогами этого понятия являются термины *aborigen* (от лат. *ab origine* — «от начала»), *автохтон* (от др.-греч. *αὐτόχθων* — «туземец»). При общеупотребимости слова *indigenous* в разных странах используются и другие синонимичные обозначения: *natives*, *first nations*, *first peoples*, *hunter-gatherers*, *ethnic minorities*, *hill tribes*, *adivasi* и т. д. (Tomei 2005).

миссией сохранения этнокультурного многообразия человечества как его важнейшего достояния. В многом именно благодаря им само понятие «коренной» приобрело актуальность и ныне рассматривается как одно из существенных определений для всех народов. В этом смысле коренные малочисленные народы оказались «первой скрипкой» в ансамбле поборников сохранения и развития этнокультурного наследия.

В каком-то смысле мои сегодняшние предложения посвящены свободе научного слова. Часто ученые стремятся дать точные дефиниции, ограничивая значения понятий и терминов. Не припомню случая, когда им это удалось, поскольку обычно у каждого складывается своя трактовка, и в науке образуется очередная коллекция «узких значений». Моя рекомендация состоит, напротив, в расширении поля и свободе употребления родового для русского языка понятия «народ» и его производных — в выражениях «многонародность» и «коренной народ».

Гончаров Николай Сергеевич

к.и.н., н.с.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
nikola.gon4arov@yandex.ru

Дыхание Ледовитого океана

Труднодоступные, а тем более арктические территории могут восприниматься через метафоры пустынности, тишины и замедления. На сотни километров — ни души. Мерцающее присутствие человека возникает, теплится непродолжительное время. Затем снова наступает молчание, социальность рассеивается, уступая место холодному ветру. Малочисленная группа кочевников-оленеводов, редкий охотник или рыболов, бесконечно осваивающие бескрайние рубежи малоприветливых северных земель, — такие образы посещают воображение, решившееся направиться в подлунные владения Большой Медведицы. Еще могут пригрезиться пейзажи с крайне цепкими металлическими щупальцами, впивающимися в холод вечной мерзлоты и пронзающими ее до жидкого нефтегазового нутра или желанной руды иных полезных ископаемых. Масштаб индустриальной борьбы человека с природой оттеняет присутствие исконных арктических кочевников.

Пример арктической зоны Якутии показывает, что кипение жизни на Крайнем Севере возможно не только там, где бурлит промышленное освоение. Уравновешивая физическую сдержанность региона, Арктика открывает особую насыщенность социальной коммуникации разных этнических групп. Отношения якутов, эвенков, эвентов, чукчей, якутов, русских, проживающих в Северной Якутии, на протяжении истории носили разный характер. Борьба

за ресурсы приводила к вооруженным столкновениям. Смена политических режимов также обнажала больные места. Параллельно происходил процесс формирования единого пространства существования, вобравшего в себя богатство языка, хозяйственных практик, мировоззренческих картин. Лаконичность ресурсного разнообразия и ярко выраженная климатическая доминанта выступают мощными фильтрами, заставляющими людей придерживаться негласного свода правил. Дыхание Ледовитого океана не замораживает. Оно открывает возможности интенсивной коммуникации. Не только социальной. Находясь на Севере Якутии, видишь общность между открытостью тундры и жизнью человека. Они оба не ограничены горизонтом. Они устремлены дальше, за предел видимой черты. Там нет заборов и непреодолимых преград — нужно лишь быть готовым и чувствовать время. Дыхание Ледовитого океана материализует духовное и одушевляет материальное. Замораживая физические объекты, оно стимулирует пронизывание связей между ними как общий способ существования. Социальность пульсирует, сортируя все новые композиции, в которых переплетаются представители разных этнических групп. В полиэтничной среде границы не исчезают полностью, однако приобретают особое качество. Находясь внутри дыхания, границы обречены меняться.

Горбатов Леонид Васильевич

к.и.н., н.с.

Музей заповедник «Хуртуях тас», аал Анхаков, Республика Хакасия
gorbatovl@mail.ru

Этнопроекты Хакасии

Рассматривая тему значения этнопроектов для сохранения культурного наследия и развития межэтнического диалога в республике Хакасия, мы можем видеть такую картину. Хакасская автономная область была образована 20 октября 1930 г., много лет входила в Красноярский край; в 1990 г. была переименована в Хакасскую АССР, в 1991 г. — в Хакасскую ССР. В 1992 г. Хакасская ССР вышла из состава Красноярского края, получив наименование «Республика Хакасия». В 1926 г. в Хакасии проживало чуть более 120 тысяч жителей. Сегодня эта цифра составляет более 536 тыс. Если в 1925 г. от общего числа жителей коренное население составляло 50 %, то сейчас количество хакасов в республике составляет 11 %.

В Хакасии, как и в других национальных республиках, имеются инициативы, направленные на возрождение и развитие национальных культур, языков и обычаев. Они часто включают мероприятия по фольклорным фестивалям, образовательные программы по изучению родных языков, а также создание музейных экспозиций. Их уникальность заключается в интеграции научных подходов и местных традиций, что позволяет формировать не только культурное самосознание, но и способствует социальному единству между этническими группами. Очевиден факт, что идет рост интереса к изучению родных языков и традиций. Сложные миграционные процессы и смешанные браки усиливают процессы мультикультурализма, создавая динамичную этническую мозаику региона. Здесь мы порой наблюдаем моменты, похожие на интернализацию. Хакасская традиционная культура становится привлекательным фактором.

Данные Всероссийской переписи населения 2021 г. свидетельствуют о том, что хакасы остаются значительной

по численности этнической группой, однако их доля постепенно снижается. В то же время отмечается рост числа смешанных браков и увеличение мультикультурных семей, что отражает тенденцию к этническому взаимодействию и смешению. Кроме хакасов и русских, в республике проживают мелкие этнические группы, что обогащает культурный ландшафт региона.

Данные переписей населения с 1990 по 2021 г. показывают устойчивый рост этнического самосознания хакасов. Общественные и государственные этнокультурные программы стимулируют интерес к языку и традициям, что находит отражение в увеличении числа людей, идентифицирующих себя с хакаской культурой. Это свидетельствует о формировании гордости за свою национальную принадлежность и усилении роли этнических проектов в культурном возрождении.

Среди основных вызовов — ограниченное финансирование, которое сдерживает глубину и масштаб исследований. Сокращение числа носителей хакаского языка угрожает сохранению культурной аутентичности. Массовизация культуры ведет к унификации традиций, что вызывает снижение интереса молодежи. Вместе с тем активное развитие цифровых технологий и расширение партнерств между вузами и общественными организациями открывает новые перспективы для возрождения и интеграции национального наследия.

Этнопроекты играют важнейшую роль в объединении различных сообществ Хакасии, укреплении этнической идентичности и развитии межэтнической толерантности. Такие инициативы не только сохраняют культурное наследие, но и служат основой устойчивого социального развития и гармонизации общества.

Гребенюк Павел Сергеевич

д.и.н., в.н.с.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН, Магадан
grebenyuk.pavel@gmail.com

О пересечениях вокруг этничности

Междисциплинарные исследования народов сталкиваются с парадоксом: чем больше дисциплин участвует в их описании, тем труднее удержать единство понятийного языка. Как показывает практика, проблема не в нехватке терминов, а в том, что правила их согласованного употребления остаются неясными. В результате возникает не междисциплинарность, а терминологическая амальгама, в которой культура, язык, биология и политика оказываются неразличимо слиты.

Понятия «народ», «коренной народ», «этничность», «идентичность», «этнолингвистическая общность» и «по-

пуляция» не взаимозаменяемы. Одни из них описывают историко-культурные и социальные общности, другие — правовые статусы, третьи — аналитические единицы демографического, языкового или генетического порядка. Каждое из этих понятий работает в собственной системе координат, и подмена одного другим искажает смысл. Между тем подвижность этничности не делает её менее значимой: изменчивость не отменяет её исторической живучести.

Включение геномных данных в этот разговор лишь обостряет понятийную ситуацию. Геном — мощный

источник данных о происхождении, но на языке этничности напрямую он не говорит. Языки, культуры, идентичности и геномное происхождение изменяются независимо друг от друга. В этой связи каждую общность следует рассматривать в контексте её исторической траектории и не допускать механического переноса одних признаков в язык других описаний.

Ключевым узлом здесь оказывается задача атрибуции, когда нам необходимо соотнести конкретного исторического индивида с языком, этничностью, культурой или биологическим происхождением. Археологические данные, письменные источники, лингвистические классификации и геномные профили выступают как независимые линии свидетельств, и каждая из них обладает собственной разрешающей способностью и ограничениями. В таких случаях особую ценность приобретают исторические индивиды, помещённые в достаточно плотный археологический и документальный контекст, поскольку они позволяют проверять разные линии свидетельств не умозри-

тельно, а эмпирически. Но и тогда исторический индивид не выступает прямым представителем народа, а аналитической единицей, в которой пересекаются разные типы данных. Он может говорить на одном языке, принадлежать другой генетической линии и быть погребён в контексте третьей культурной традиции.

Из этого вытекает принцип: популяция не равна народу, языковая принадлежность не гарантирует общей генетической истории, а культурная практика не сводится к происхождению. Сила междисциплинарного подхода — не в объединении данных под общей крышей, а в умении выявлять, где они пересекаются. Там, где данные сходятся, возможна реконструкция; там, где они расходятся, — проявляются процессы, которые ни одна из дисциплин не улавливает в одиночку. Понятийная строгость нужна не для замены народа аналитической схемой, а для того чтобы разные дисциплины могли говорить о нём, не теряя за пересечением своих языков сам живой предмет описания.

Григорьева Виктория Георгиевна

к. искусствоведения, преподаватель фортепиано, концертмейстер
Амгинская ДШИ им. А. А. Черемных, с. Амга, Республика Саха (Якутия)
grigfolk@mail.ru

Об опыте работы по транскрипции эпических песнопений амгинских олонхосутов

По опыту собственной педагогической и творческой деятельности, считаю, что в целях организации системной работы для передачи опыта, переходящего от исполнителя к исполнителю, от поколения к поколению, необходимо деятельное участие в этом процессе исследователей и специалистов.

Самодетальный путь в наследовании эпических песнопений приводит к неточным воспроизведениям (искажению, упрощению, сокращению) исполнителями традиционных мелодий персонажей олонхо. Либо исполнение становится недоступным из-за сложности вокального интонирования, например секстовое и комбинированное терцово или квартовое тремолирование.

Для изучения освоения молодыми исполнителями олонхо традиционных эпических песнопений в течение 12 лет осуществляю транскрипцию импровизаций потомственных олонхосутов. Поделюсь опытом по транскрипции песнопений амгинских олонхосутов.

Выдающийся этнофор У. Г. Нохсоров и народный поэт К. Урастыров являются преемниками легендарного странствующего олонхосута Чээбия (1868–1931), ставшего сказителем под влиянием земляка Мэлэж Мэхээлэ (1852–1943), предшественниками последнего были его родственники. По этим данным можно предположить, что особенности песнопений в исполнении преемников имеют известные корни с середины XIX в.

1 этап. Поиск аудиозаписей У. Г. Нохсорова в НЦНМ им. Квитки в МГК 1945 г., радиоархиве НВК «Саха» 1949 г., и личных архивах — музыковед А. Е. Алексеева, отправившего по моей просьбе записи А. Г. Агапова 1958 г. и краеведа Е. Е. Пестерева, лично предоставившего аудиозаписи К. Урастырова.

2 этап. Расшифровка поэтического текста в сотрудничестве со знатоком олонхо А. Д. Софроновой, филологом А. И. Артемьевой и кандидатом филологических наук, лингвистом Ю. П. Борисовым.

3 этап. Нотирование образцов. Это чрезвычайно увлекательный период работы, предполагающий изложить древнюю музыкальную мысль более доступным, без чрезмерной кристаллизации, нотно-графическим решением.

4 этап. Анализ образцов песнопений. Аналитические работы способствовали выявлению: новых организационных форм на уровне сюжета; ладоинтонационных и ритмообразующих процессов, происходящих внутри разделов; новых оригинальных тембровых приемов. В результате появления новых нотаций и их интерпретации научное и исполнительское понимание жанра эпического песнопения значительно обогатилось.

5 этап. Учебная работа. Как научный консультант и концертмейстер занимаюсь с группой олонхосутов «Оллоон» в течение учебного года.

6 этап. Создание методического пособия, издание книг.

7 этап. Проведение практических семинаров.

Самым ярким практическим итогом стало фольклорно-цирковое представление по сюжету олонхо «Дьбырай Бэргэн» состоявшееся на Открытии национального праздника Ысыаха олонхо в 2024 г. в Амге, на котором молодежная группа «Оллоон» исполнила уникальные мотивы Нохсорова, Урастырова, Агапова на фоне сопровождения национальных музыкальных инструментов и электронной музыки.

Таким образом, впервые около пяти тысяч зрителей первой трети XXI в. на Ысыахе услышали восстановленные эпические песнопения приленского стиля носителей искусства странствующих олонхосутов XIX столетия.

Транскрипция аудиозаписей известных и мало известных олонхосутов для освоения музыкальной стилистики локальных традиций олонхо должна стать одной из приоритетных задач в деятельности районных Ассоциаций олонхо Республики Саха (Якутия).

Гущина Елена Геннадьевна

к.и.н., доцент

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Республика Татарстан
egguschina@mail.ru

В настоящее время одним из актуальных и востребованных направлений репрезентации и актуализации этничности являются самые разнообразные этнопроекты, «бум» которых мы наблюдаем. И без науки, без взаимодействия с учеными эти проекты могут превратиться в «клякву», собирая набор поверхностных стереотипов, искажая реальную культуру. Определенный «вызов» современности — восприятие традиции либо как застывшего музейного экспоната, либо как упрощенного сценического образа (что преобладает в визуальном поле).

Для решения проблем репрезентации этничности и сохранения этнокультурного наследия важна и нужна общественная инициатива, которая исходит из «жизни и практики». Это гарантирует, что проект будет интересен и важен реальному человеку, а не только ученым «в статьях» или чиновникам «в отчетах». Безусловно, крайне важна и государственная поддержка, которая позволяет сохранять и актуализировать культурное наследие. И это не только в плане материальной поддержки, но и признания важности такой работы на уровне стратегии развития страны.

На практике мы постоянно сталкиваемся с проблемой правильной и грамотной репрезентации и интерпретации традиционной культуры. Например, костюмы многих народных (а иногда и фольклорных) коллективов являются этнографически недостоверными, стилистически и художественно неправильными, не отражают уникальный национальный и региональный колорит. Традиционный народный костюм являлся одной из главных зримых составляющих культурного кода народа. Это особый язык культуры, который сейчас понимают и «переводят» чаще всего только специалисты. На решение этой проблемы и был направлен наш проект «Традиционный костюм

народов Казанского Поволжья», инициированный Ассамблеей и Домом дружбы народов Татарстана и поддержанный Раисом (Главой) Республики Татарстан Р. Н. Миннихановым. Участие в проекте приняли представители национально-культурных объединений Ассамблеи народов Татарстана, учреждений науки и культуры, представители издательского дела и мастера декоративно-прикладного искусства и творчества Поволжья. Целью проекта стало создание единого многоуровневого методического источника и при этом общедоступного материала, демонстрирующего особенности и многообразие традиционного костюма народов Татарстана — русских, татар, чувашей, удмуртов, мордвы, марийцев и башкир. Мы хотели показать вариативность костюмов и то, как в современном мире можно сделать максимально приближенный к аутентичному, «правильный» костюм. В рамках проекта по музейным образцам, материалам экспедиций и историческим источникам было воссоздано 45 костюмных комплексов и изданы два тома иллюстрированных каталогов. Проведенная исследовательская работа позволила систематизировать объекты материального наследия в республиканских музеях, включая школьные и сельские, в единое открытое информационное пространство. Выставка и каталог стали теми необходимыми и доступными широкому кругу заинтересованных лиц и специалистов методическими материалами.

Этнопроект живет и развивается, когда он «говорит» с современниками на понятном, но научно выверенном языке, отвечает на запросы общества и государства. Традиция не статична, она продолжает жить, в том числе и пока мы находим способы ее научного осмысления, практического воплощения и актуализации.

Давыдов Владимир Николаевич

к.с.н., PhD, зам. директора по научной работе

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
davydov@kunstkamera.ru

Этнопроекты и меняющаяся материальность Арктики

Этнопроекты являются важнейшей частью воспроизводства и трансформации этнической культуры. В современном мире этнопроекты превратились не только в мощный инструмент коммуникации, но и являются движущей силой обновления этничности. Они выступают результатом взаимодействия различных акторов и ведут к созданию новых практик и вещей.

Рассмотрим проблему взаимодействия человека с материальной средой в контексте реализации различных этнопроектов в Арктике. С одной стороны, идеологические, этнопроекты направлены на сохранение традиционного, консервацию, восстановление. Именно это зачастую декларируется их инициаторами в практиках взаимодей-

ствия местных сообществ с региональными и федеральными органами власти. С другой стороны, они являются мощнейшими двигателями изменений. Зачастую этнопроекты направлены именно на развитие определенных видов деятельности, промыслов, формирование навыков. Они задают основные векторы изменений вещей и внедрения новых практик и технологий. Примеров подобных инноваций в различных арктических сообществах довольно много. Можно назвать введение цеха по обработке шкур и строительство нового забойного пункта в с. Амгуэма на Чукотке. В разных местах новые технологии активно используются для обработки традиционных материалов.

Этнопроекты — это динамическое явление, они инициируют и поддерживают определенные направления изменения окружающих человека материальных объектов. Именно поэтому их важно рассматривать не в статике (оценивать итоги и результаты), а в динамике (видеть предпосылки их создания и перспективы развития). В рамках реализации этнопроектов могут создаваться и модифицироваться наборы материальных объектов, наполняющих и позволяющих реализовывать события. Важнейшими из аккумулирующих и создающих новую материальность событий являются этнические праздники, которые изобилуют новыми вещами и практиками. В рамках праздничного события динамика материальности наблюдается во всем: пище, национальных костюмах, декорациях для выступлений, новых технологиях света, звука, пространственного расположения непосредственных участников, аудитории, атрибутов. Одной из форм взаимодействия как с местным сообществом, так и с гостями выступают мастер-классы, когда их участники сами создают новые вещи. Отдельного внимания заслуживают этнопроекты в сфере этнотуризма, предполагающие создание пространств взаимодействия представителей местного сообщества и гостей, что задает определенный вектор изменений материальности, ведущий к появлению новых материальных форм (например, этностойбища с соответствующей атрибутикой, музеев и этномастерские, а также создаваемые и демонстрируемые в них вещи т. д.).

Важнейшими аспектами, на которые важно обратить внимание при изучении этнопроектов, являются их способы реализации во времени и пространстве: темпоральность и их охват на уровне населенного пункта, мест интенсивного использования в тундре и тайге, нескольких поселений, района, одного или нескольких регионов. Важным аналитическим инструментом является рассмотрение этнопроектов различного масштаба. Этнопроекты на местах — это не нечто абстрактное. Они всегда реализуются за счет инициатив конкретных людей. В контексте удаленности населенных пунктов Арктики конкретные сдвиги материальности — результат деятельности конкретных лидеров, которые своими действиями делали возмож-

ными конкретные шаги. Инициативы местных жителей нередко реализуются при поддержке государства и бизнеса. Особенность этнопроектов — это возможность их встраивания наподобие плагинов в различные инициативы и уже реализуемые инициативы.

В чем здесь проявляется роль этнического? В поиске местными жителями аутентичной самости, связанной с определенным образом жизни, традициями, практиками поддержания повседневных ритуалов, создания имеющих символическое и практическое значение вещей. Важнейшим мотивом реализации этнопроектов выступает сохранение старых и выработка новых форм. Другими словами, в их основе лежит идея творчества, основанного на локальных знаниях, практиках, навыках и технологиях.

Этнопроекты концентрируют в себе целый набор стратегий и используемых в рамках их реализации технологий. Они развиваются в рамках определенной темпоральности. Можно сказать, что этнопроект — это живой организм, способный рождаться, развиваться, а также идти на спад в случае нехватки ресурсов и угасания инициатив. Далеко не все этнопроекты следует рассматривать как сугубо позитивные. Часть инициатив не приводят к ожидаемому результату, затратны с экономической точки зрения и не способствуют интеграции и улучшению качества жизни локальных сообществ. Можно указать на многочисленные попытки возрождения оленеводства, реализуемые при государственной поддержке, а также за счет средств промышленных предприятий (например, Таймыр, Север Бурятии). В данном контексте некоторые проекты можно и нужно оценивать с точки зрения их эффективности, позитивного влияния на жизнь местных жителей.

Для любого проекта важна преемственность с предыдущими и будущими инициативами. Для жизни местных сообществ чрезвычайно важно наличие, поддержание и сохранение подобных связей. Иными словами, этнопроекты не должны быть чем-то изолированным и автономным от жизни локальных сообществ. Основная их задача — создавать условия для самореализации местных жителей и способствовать улучшению качества жизни.

Давыдова Екатерина Александровна

н.с.

Институт востоковедения РАН, Москва
davydova.ek.alex@yandex.ru

Российская этнополитическая семантика научной дипломатии

История понятий «нация», «народ», «коренной народ» в современном дискурсе — это не просто объект научного исследования социально-культурных антропологов, социологов, политологов и других представителей социально-гуманитарных наук, это поле битвы за мировоззренческий суверенитет. Для продуктивного согласования международных и национальных прав коренных народов России, статуса национальных меньшинств, самоопределения народов на уровне государств, а также международных, неправительственных и государственных организаций необходимо опираться на утвержденные научными (т. н. «мозговыми») центрами России четкое сформулированные определения. Исследование роли рассматриваемых понятий в науке и этнополитике находится в пространстве

одного из ключевых компонентов научной дипломатии — так называемой «науке в дипломатии» (*Science in Diplomacy* как помощь науки в достижении внешнеполитических целей).

Методология, доминирующая в западном академическом сообществе, базируется на парадигме культурной антропологии, сформированной в колониальный и постколониальный периоды. Ее ключевой изъян применительно к российскому материалу — это стремление редуцировать самый сложный исторический синтез к примитивной бинарной схеме «этнос — нация-государство». Если исследователи, получившие специальное образование в области культурной антропологии в рамках западной системы образования, разделяющие ее логические

и интеллектуальные построения и овладевшие ее отличительной методологией, затем приступают к исследованию нации, народа и коренного народа России, то для западных учёных это зачастую представляет собой исследование т. н. «русской нации» по лекалам этнического национализма.

Наше общество называет себя «русским» по духу по многим причинам, сформировавшимся с колыбели своего самосознания: из-за языка, на котором в детстве читались сказки, из-за «русской (образовательной) школы», с которой с гордостью отождествляют себя учёные, спортсмены, музыканты, актеры балета, театра и кино, не являющиеся этнически «русскими».

В современном медийном пространстве XXI в. особенно возросла необходимость в уточнении и разграничении двух понятий: «российская нация» и «русский народ». Это связано с тем, что в современной истории «русский народ» зачастую замещается и растворяется в тех случаях, когда точнее было бы назвать гражданина России — россиянином, самоопределяющимся этнически представителем одного или сразу нескольких коренных народов России.

С государственно-правовой точки зрения «российская нация» (или «российский народ») — это категория политическая и гражданская. Это совокупность всех граждан Российской Федерации независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности, объединенных общим государством, исторической судьбой и территорией. В данном контексте термин «россияне» (*Russian citizens*) является абсолютно легитимным и аналогичным политической нации, подобно тому, как «американцы» обозначают граждан США, а «китайцы» — граждан КНР.

Русский народ — это этнокультурная общность, являющаяся государствообразующим ядром России. Это «титальный народ» в списке коренных народов РФ. Это самобытная этническая группа, на основе языка и культуры, на которой строится государственная система образования.

Особого внимания требует дефиниция «коренного народа» (*indigenous people*). Здесь наука сталкивается с прямым вызовом дипломатии. В международном праве (Конвенция МОТ № 169) под коренными народами понимаются потомки жителей, населявших территорию до прихода колонизаторов, сохранившие традиционный образ жизни. Механический перенос этой постколониальной оптики на Россию порождает ложные аналогии.

Данилова Елена Николаевна

к.и.н., с.н.с.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
danilova@northarch.ru

Этнопроекты и коммуникация

Основная мысль моего эссе в том, что этнопроекты рождаются не из документов и грантов, а из живого общения людей, которые передают, принимают и обновляют традицию в процессе взаимодействия.

Если принять во внимание что этнокультурный потенциал — это исходный ресурс для этнопроектов, и по своей сути это то, что народ несет в себе как возможность продолжаться, обновляться, адаптироваться, не теряя при этом самого себя, то можно обозначить три основных его измерения. Первое измерение — память (что сохранено). Пожалуй, самый хрупкий ресурс, так как живет в конкретных людях, и когда уходят носители, уходит и она. Второе измерение — адаптивность (способность меняться). Это способность культуры реагировать на изменения, не разрушаясь. Третье измерение — трансляция (механизм передачи). Самое важное и самое уязвимое измерение. Культура жива, пока передается, причем не в учебниках и не в музейных витринах, а в живом контакте между людьми.

Для того чтобы этнокультурный потенциал перешел в деятельное состояние, необходима коммуникация. Без нее потенциал сохраняется как ресурс, но не реализуется как практика.

Применительно к этнопроектам можно выделить три типа коммуникации, каждый из которых выполняет собственную функцию. Горизонтальная коммуникация — обмен внутри одного поколения (фестивали, форумы, молодежные объединения, цифровые платформы) — обеспечивает распространение и актуализацию культурных смыслов в синхронном срезе. Вертикальная коммуника-

ция — передача между поколениями (наставничество, семейная преемственность, кочевые школы, мастер-классы) — является наиболее ответственным каналом, поскольку именно через него осуществляется воспроизводство традиции во времени. Разрыв этого канала носит необратимый характер. И третий тип — взаимодействие между различными этническими группами (совместные праздники, межрегиональные проекты, культурный обмен) — обеспечивает обогащение и обновление традиции за счет внешних контактов.

В данном контексте все этнопроекты представляют собой форму реализации этнокультурного потенциала через коммуникацию. По характеру соотношения традиции и обновления они могут быть разделены на три типа. Возрождение — направлено на восстановление утраченных элементов культуры: обрядов, практик, языковых форм. Реализуется через архивную работу, реконструкцию, формирование реестров и прочее. Обновление — предполагает продолжение традиции в новых формах при сохранении смысла: исполнение традиционного танца на современном празднике, применение традиционной орнаментики в актуальных художественных практиках, перенос обряда из тундрового в городской контекст. Инновация — создание новых культурных форм на основе традиционных элементов: этноблогинг, этномода, онлайн-обучение языку, межрегиональные сетевые сообщества.

Если коммуникационная цепь прерывается, этнокультурный потенциал не исчезает, однако утрачивает деятельный характер. Происходит его последовательная консер-

вация, а затем музеефикация. Культура сохраняется как объект описания и демонстрации, но перестает функционировать как живая система. Принципиально важно — потенциал без коммуникации превращается в архив, по сути, просто перестает действовать.

Из сказанного следует вывод: этнопроект успешен в той мере, в какой он создает пространство для встречи — людей, поколений, культур. При этом ключевым условием является приоритет действия над описанием (например, научить шить парку принципиально отличается от рассказа о парке; участие в обряде принципиально отличается от его наблюдения).

Таким образом, этнопроект — это не мероприятие, а процесс создания условий для непрерывной коммуникации, а главным ресурсом в нем выступают люди в контакте между собой.

Дементьева Ксения Владимировна

д.филол.н., проф.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
kdementeva@hse.ru

Ритуалы вместо диалога: репрезентация этничности в российских СМИ

В официальном медиадискурсе «многонародность России» — одна из ключевых национальных идей, имеющая историческую глубину (от имперской «страны народов» до советского «братства народов») и конкурентное преимущество в виде более 190 этносов. Однако эмпирические исследования региональных и федеральных СМИ рисуют иную картину.

Так, работы, посвященные медиа Мордовии (Дементьева 2006; 2021; 2023), фиксируют феномен, который можно назвать «постановочной идентичностью». Этническая тематика присутствует в газетах и на телевидении по большей части в формате праздников («Шумбрат, Мордовия» и др.), фольклорных концертов и отчетных мероприятий. Реальный интерес аудитории к такому контенту, как правило, невысок. Молодежь редко присваивает этничность как часть повседневности; исключения составляют отдельные дизайнерские проекты (например, украшения с мордовской розеткой), которые, однако, остаются точечными и не формируют массового тренда. То есть «многонародность» в региональных СМИ существует преимущественно как ритуальная обязанность. Рефлексии о том, что значит быть русским в полиэтничном регионе или как эрзянская идентичность вписывается в современный городской контекст, практически отсутствуют.

В исследовании медиаобраза Дальнего Востока в федеральных сетевых изданиях (Дементьева, Газизов 2025)

проанализировано более сотни публикаций. Основные медиальности макрорегиона — чиновники, топ-менеджеры госкорпораций, приглашенные эксперты-экономисты. Коренные народы в этом перечне практически отсутствуют. Не найдены интервью с представителями коренной национальности. О них вспоминают либо в контексте государственных программ поддержки, либо в материалах о редких животных — как о части ландшафта. Положительные фреймы (79 %) касаются экономики, промышленности, туризма; отрицательные (21 %) — стихийных бедствий, оттока населения. Ни те, ни другие практически не связывают Дальний Восток с его этнокультурным многообразием. Регион предстает как ресурсная база и инвестиционная площадка, а не как пространство сосуществования народов с собственной медийной субъектностью.

Сопоставление данных по Мордовии (региональные СМИ) и Дальнему Востоку (федеральные СМИ) обнаруживает разрыв. На уровне государственной риторики «многонародность» подается как фундамент российской цивилизации. В реальном медиапоток этническое разнообразие редуцируется до двух сценариев: «праздник дружбы народов» (без конфликтов, но и без содержания) и «проблема» (мигранты, межэтнические напряжения). Повседневная, неконфликтная, современная этничность в новостях практически отсутствует.

Деметер Надежда Георгиевна

д.и.н., в.н.с.

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
demetera@mail.ru

Особенности формирования идентичности цыган России

Проблематичность обеспечения этнокультурной политики многонациональной России заключается в том, что наряду с формированием общероссийской гражданской идентичности существует необходимость сохранения этнических культур. Можно раскрыть различные иерархические уровни существования цыганской общности с соответствующими формами многомерной идентичности — этническая группа, подгрупповые подразделения и метagрупповые объединения. Мозаика цыганских идентичностей (на групповом, подгрупповом или метagрупповом уровне) обусловлена общими рамками соответствующих общественно-политических образований, в которых проживают цыгане.

Цыгане как народ сформировались уже после выхода из Индии. Мы придерживаемся мнения, что это произошло в Византии. Только в державе ромеев совпали, наконец, все условия для консолидации разных племен в качественно новое образование. Относительно монолитные поначалу в этническом плане, они делились на более мелкие образования, отличающиеся друг от друга локальными особенностями культуры и быта. При этом, как правило, цыганские общины существуют в двух измерениях: как самостоятельные обособленные этнические общности и как интегральная часть общества в каждой стране. Два уровня идентичности, общины и общества не противоречат, а, наоборот, дополняют и обогащают друг друга.

Стоит коротко рассмотреть наиболее крупную по численности этническую группу так называемых русских цыган (*русска рома*), пришедших в Россию через Германию и Польшу в конце XV — начале XVI в. Диалект *русска рома* наполнен кальками из польского, немецкого, русского, белорусского языков, а заимствования от окружающих их

народов проявились как в материальной, так и в духовной культуре. По вероисповеданию цыгане этой группы в основном православные. В свою очередь, *русска рома* делятся на ряд локальных или региональных субэтносов. Например, в России: *смоляки*, *сибиряки*, *бобры* и др. Далее, эти субэтносы делятся на роды, название которых — это третья ступень в структуре идентичности. Таким образом, при идентификации личности выстраивается следующий ряд. В первую очередь отдельный индивидуум — ром, цыган, во-вторую — представитель этнической группы *русска рома*, далее следует указание рода. Фамилии в цыганской среде отводилась очень маленькая роль, она существовала прежде всего для общения с внешним миром.

Таким образом, в России мы можем наблюдать различные иерархические уровни существования цыганской общности с соответствующими формами многомерной идентичности — этническая группа, подгрупповые подразделения и метagрупповые объединения. Мозаика цыганских идентичностей обусловлена общими рамками соответствующих общественно-политических образований, в которых проживают цыгане. Так, период социализма оказал сильное влияние на процессы интеграции и их отпечаток на общую структурную идентичность цыган в РФ. Цыганская община СССР, например, оказалась на долгое время ограничена в пределах границ государства. Поэтому неудивительно, что, согласно опросу ВЦИОМ, гражданская (российская) идентичность является основной для 40 % цыган.

Процессы формирования и развития идентичности разных групп цыган находятся в неразрывной связи с процессами в социуме, в котором они реально существуют. В этой связи, с точки зрения этнополитики, представляется важным определение правового статуса цыган в России.

Ажануа Зураб Джотович

д.ф.н., академик Академии наук Абхазии, иностранный член РАН, президент Академии наук Абхазии
Академия наук Абхазии, Сухум, Республика Абхазия
zjar2016@yandex.ru

Об абхазо-абазинском этносе

Думается, учитывая всю серьезность и масштабность вызовов глобализации в современном мире, таким малочисленным народам, как абазини и абхазы, необходимо подумать о сохранении самого себя — своего языка и культуры, о сохранении и развитии тех ценностей, без которых невозможно представить полноценное развитие этноса. А мы — абхазы и абазини — можем гармонично вписаться в современные процессы только через глубину и красоту своего языка, традиционной культуры и исторического наследия. Потому профессор, почетный член Академии наук Абхазии Мусса Хабалевич Экзиков предпринимает

в этом направлении реальные и конкретные шаги, подчас совместно с АНА.

Ныне абазинский, абхазский языки, традиционная культура и сам абазинско-абхазский этнос в целом пребывают в реальной опасности на фоне сложного кризиса всей цивилизации в нашем высокотехнологическом мире. Это притом, что в Карачаево-Черкесской Республике абазинский язык имеет статус регионального государственного языка в числе языков субъектообразующих народов. По закону «О языках народов Российской Федерации (от 25 октября 1991 г.) в России все языки (этносы), проживаю-

щие на ее территории, объявлены национальным достоянием, историко-культурным наследием и находятся под защитой государства. А на территории Республики Абхазия абхазский язык обладает государственным статусом.

Словом, вызовы глобализации слишком серьезны и масштабны, машина времени мчится с такой скоростью, что если мы с вами — абазины и абхазы — не усилим динамику своей аналитической и практической работы в на-

правлении сохранения и развития родного языка и родной культуры сегодня, то завтра, возможно, будет просто поздно.

Мы говорим представителям абхазо-абазинского этноса, что именно совместными усилиями можем добиться желаемого успеха в этом действительно судьбоносном вопросе, вопросе сохранения и развития самого себя, своей идентичности, своего национального интереса.

Признание независимости Республики Абхазия

В череде важнейших событий в истории Абхазии решение руководства Российской Федерации от 26 августа 2008 г. о признании Независимости Республики Абхазия — по сути, значимости и масштабам — не поддается никакому сравнению.

Я ни на йоту не сомневаюсь, что реальное воплощение многовековой национальной мечты оказало колоссальное духовное воздействие на каждого абхаза, каждого гражданина нашей страны. Что же касается руководителей Российского государства Владимира Владимировича Путина и Дмитрия Анатольевича Медведева, их в Абхазии воспринимают как родных людей.

Именно 26 августа 2008 г. своим неожиданным для мира поступком, чрезвычайно смелым политическим решением, поддержав исторические устремления малочисленных, но стойких народов — абхазов и осетин, Россия, ярко продемонстрировала человечеству свою неспящую волю, дух и величие.

Помню, как мы прислушивались к каждому высказыванию Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина во время его пресс-конференций, выступлений и интервью. И в его взвешенных и объективных словах, принципиальных оценках находили предпосылки к этому нелегкому и очень ответственному решению. Мы долго и терпеливо ждали, мы надеялись — международное признание нашей Независимости неминуемо. Но продолжал тревожить вопрос: когда?.. Когда же Республика Абхазия начнет новый исторический отсчет как полноправный субъект мирового сообщества? Ответа на этот вопрос никто не знал. Но чувствовалось, что он зрел в стратегическом контексте международной политики.

Было очевидно, что с появлением Владимира Владимировича Путина во главе России поднялась с колен и встала во весь свой исполинский рост не только сама Российская Федерация: она подтолкнула к возрождению и сопредельные с ней страны, судьбы которых исторически переплетены с российским миром.

Для меня, как для человека науки, деятельность моих коллег, работающих в Абхазии и России, сочетается органично. Давними традициями и богатейшим научным наследием может гордиться российское кавказоведение. На

скрижалях абхазской науки и просветительства навечно останутся имена видных ученых российского происхождения — П. К. Услара, Н. Я. Марра, Н. М. Альбова, П. Е. Татаринова, А. Н. Введенского, Н. Н. Сметцкого, Г. Ф. Чурсина, А. Н. Генко, Н. И. Воронова, В. И. Стражева, Н. И. Вавилова, Г. П. Барача, А. А. Лукина, А. Н. Соловьева, Ю. Н. Воронова, Ю. М. Сухаревского, А. А. Колаковского, П. В. Бочкарева, Б. А. Лапина и многих других.

И в наши дни приоритетным направлением развития науки в Республике Абхазия является курс на взаимодействие с научным сообществом России.

26 августа 2008 г. сбылась заветная мечта абхазского народа, который и сегодня видит свое будущее и надежную защиту своей независимости в контексте всестороннего сотрудничества с Российской Федерацией — нашим стратегическим партнером и союзником.

Решительные действия Владимира Владимировича Путина и Дмитрия Анатольевича Медведева и последовавшие за ними законодательные акты явились прочным фундаментом дальнейшего развития Республики Абхазия.

На фоне всеобщего ликования, которое царило 26 августа 2008 г. во всех городах и селах нашей Абхазии, люди с благодарностью и теплом произносили имя Владимира Владимировича Путина. Его личную гражданскую роль в становлении Абхазского государства трудно переоценить. Она судьбоносна и значима.

Безусловный авторитет в Абхазии он завоевал и укрепил реальными последовательными шагами по выводу Республики Абхазия из состояния многолетней экономической изоляции, признанию ее Независимости и реализацией комплекса мер, направленных на дальнейшее развитие нашей страны.

Отношение обычных жителей Абхазии к лидеру мирового масштаба Владимиру Владимировичу Путину легко объясняется традиционно сформировавшимся мировоззрением и духовностью абхаза. Именно любовь к обычному человеку, простые, подлинные отношения между людьми лежат в основе нравственного кодекса абхазов Апсуара. И такое же отношение к людям не только исповедует, но и ежедневно демонстрирует российский лидер Владимир Владимирович Путин.

Об абхазском и абазинском языках

Абхазы относятся к автохтонным этносам Кавказа, этническая территория которых составляет исключительный локус, расположенный в северо-западной части Закавказья на склонах большого Кавказа и в Колхидской низменности. Республика Абхазия — суверенное государство, независимость которого признана Российской Федерацией и рядом других стран. Согласно Ст. 6 Конституции Республики Абхазия, государственный язык Республики Абхазия — абхазский. Русский язык наряду

с абхазским признается языком государственных и других учреждений. Абхазы близкородственны абазинам, убыхам и адыгам. Происхождение абхазов большинство исследователей связывает с группой древних племен, населявших северные районы Малой Азии — кашков и абешла. Областью расселения абхазо-адыгов с древнейших времен являлся весь Западный Кавказ и прилегающие районы Малой Азии вдоль Черноморского побережья и в глубь этой территории.

В течение всего XIX в. большая часть абхазов (вместе с другими горцами Кавказа) была вынуждена покинуть пределы родной земли. Ныне абхазы (общей численностью около 700 тыс.) проживают как на территории Республики Абхазия, так и за ее пределами: в Российской Федерации и в других странах бывшего СССР, в Западной Европе и в США, в ряде стран Ближнего Востока, и в особенности в Турецкой Республике, на территории которой численность абхазов достигает, по одним источникам, до 200 тыс. человек, по другим — около 500 тыс. Также несколько тысяч абхазов проживает в Аджарии.

Абхазский язык вместе с абазинским относится к абхазо-адыгской ветви северокавказской семьи языков. Не исключено, что древним языком абхазо-адыгской группы являлся и вымерший хаттский язык — язык аборигенного населения древней Малой Азии на рубеже III–II тыс. до н. э., генетически родственный с абхазо-адыгскими языками.

В суверенной Республике Абхазия для сохранения и развития абхазского языка проводится, можно сказать, много мероприятий. Например: во всех детских садах, школах (абхазских и неабхазских), колледжах и вузах изуча-

ется абхазский язык; в начальной школе все предметы преподаются на абхазском языке; также в средней школе и в Абхазском государственном университете ряд предметов проводится на абхазском языке; на абхазском языке выходят учебники для школ и вузов, научная литература, газеты и журналы; развивается художественная литература, журналистика; на абхазском языке работают учреждения науки, культуры, образования, театры, вещает телевидение, радио, другие средства коммуникации; учреждено государственное управление по языковой политике.

Однако при всем при этом ныне большая часть абхазов двуязычна. Преобладает абхазско-русское двуязычие: 78,8 % абхазов свободно владеют русским в качестве второго языка, а часть южных абхазов также мегрельским, число говорящих на грузинском языке в целом невелико. Аджарские абхазы, помимо родного и русского языков, владеют грузинским, а старшее поколение также и турецким. Для абхазов, проживающих в Турции, типично абхазско-турецкое, а для живущих в арабских странах — абхазско-арабское двуязычие.

Из всего этого следует, что ситуация с абхазским языком сегодня весьма неоднозначна и сложна.

Джемакулова Нателла Владимировна

руководитель отдела культуры

Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара», Санкт-Петербург
natella8620@mail.ru

Культурное наследие абазинского народа

В современном мире сохранение культурного наследия и традиционных ценностей становится одной из важнейших задач для этнических сообществ. Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара», активно работает над сохранением уникальности и самобытности народа, а также над развитием абазинской культуры и языка. Организация ставит перед собой ряд актуальных целей и задач, которые направлены на сохранение культурного наследия, стремится сохранить национальную самобытность, традиции и обычаи народа. Особое внимание уделяется поддержанию престижа традиционных ценностей абазинской семьи.

В рамках направления «Культура» наша организация ставит задачу сохранения традиционной абазинской культуры как феномена, имеющего значение не только для народа Абазы, но и для всего человечества в целом. Мы уверены, что нематериальное культурное наследие народа Абазы обогащает мировую культуру и способствует развитию межкультурного диалога. Миссия заключается в формировании условий для гармоничного развития каждого человека, создающая возможности для личностного роста и самовыражения, а также в укреплении духовных и культурных связей между людьми, возрождение этнокультурного единства абазино-абхазского народа по всему миру.

Сберечь культурное наследие народа — это не только работа по документированию традиций, но и активное вовлечение сообщества в осознание и практику своих обычаев. Важным аспектом этой работы является использование мелодий, танцев и песен, которые помогают людям помнить и ценить свои традиции. Есть понимание, что для сохранения культурной идентичности необходимо,

чтобы люди не только помнили свои традиции, но и активно участвовали в их возрождении. Музыка и танец играют ключевую роль в этом процессе, поэтому важно, чтобы старинные абазинские мелодии и танцы получили новое дыхание. Это позволяет не только сохранить, но и адаптировать наследие к современным условиям. Старинные инструментальные мелодии аранжируются в профессиональных студиях.

Организация реализует различные проекты, направленные на популяризацию абазинской культуры. Аранжируем песни, мелодии и не только для сохранения, но и для создания качественных треков, которые будут востребованы молодым поколением. Придаем особое значение подготовке музыкального материала для хореографов, которые занимаются постановкой абазинских танцев в государственных театрах нашего региона.

Для повышения престижа абазинских танцев и их интеграции в культурный контекст организацией и деятелей культуры важным форматом являются фестивали танца. Они могут включать мастер-классы и выступления профессиональных танцевальных коллективов и народных ансамблей. В программе обязательно первым номером демонстрируется абхазо-абазинский танец, вторым номером — танцы регионов. Активное вовлечение молодежи создаст благоприятную среду для развития и популяризации абазинской хореографии.

Танец всегда играл важную роль в жизни народа, служа не только развлечением, но и средством самовыражения, формирования характера и уважения к культуре. В этом контексте документальный фильм «Танцуй, как Дзыба!» становится значимым шагом в сохранении и популяризации абазинских танцев. Георгий Дзыба — выдаю-

щийся танцор и хореограф, который стал символом кавказского танца, оставив яркий след в истории хореографии. Он не только выступал на сцене, но и щедро делился своими знаниями с молодежью, вдохновляя их на успехи. Его подход к обучению сочетал высокие требования и поддержку, что способствовало раскрытию талантов его учеников. Мы верим, что созданный нами фильм станет источником гордости и мотивации для всех, кто стремится развивать и сохранять традиции абазинского танца.

За последних десять лет объединением «Алашара» было создано несколько документальных фильмов и художественный фильм «Три брата» на абазинском языке. В прошлом году был презентован документальный фильм «Абазинская традиционная свадьба». Этот проект стал результатом глубоких исследований абазинской культуры. Целью было не просто показать ритуалы, отражающие самобытность культуры, а раскрыть глубинный смысл, подчеркнув роль семьи, как основы, на которой строится будущее народа. В современном мире мы наблюдаем, как свадьбы становятся все более ориентированными на внешние атрибуты — убранство мест, платья невесты, сервировка столов. К сожалению, вместе с этим уходит и национальный колорит, а также те ценности, которые были в центре внимания наших предков. Свадьба — это не просто событие, это праздник рода, который сопровождается множеством обрядов: «Тацанадыбра» — ввод невесты в дом жениха, «Квнапыбра» — знакомство новой невестки со старшими мужчинами и женщинами рода, «НакьахI» — регистрация брака по мусульманскому обычаю, «Течара» — обычай гостевания жениха у родственников или друга до свадьбы и его возвращения домой. Каждый из них имеет свое мудрое смысловое значение. В фильме знатоки абазинских народных традиций рассказывают о сути обрядов, объясняя их значение, а постановочные кадры позволяют представить, как происходили те или иные действия в старину и что сохранилось до наших дней.

В условиях глобализации и культурного обмена, традиционные свадебные церемонии в России сталкиваются с вызовами, связанными с европеизацией обычаев. Важным шагом в решении данной проблемы является инициатива женсовета «Алашара» по разработке единого протокола ведения свадебной церемонии, который будет учитывать все требования правильного и традиционного проведения обрядов. Этот протокол станет основой для обеспечения преемственности культурных традиций в условиях быстроменяющегося мира. Для разработки единого протокола будут собраны все известные в нашем регионе абазинские ведущие, представители интеллигенции, культурные работники, а также старейшины и женские советы абазинских аулов. На этих встречах будет обозначена проблема и предложены пути её решения. Данная инициатива станет моделью объединения общества вокруг сохранения традиционных обычаев на свадьбах, позволит не только укрепить идентичность нашего народа, но и создать устойчивую основу для будущих поколений, сохраняя богатство и разнообразие традиционных обычаев.

Более того, для молодежи разрабатываются разные методические пособия. Одна из методичек содержит обширные материалы о традициях и обычаях, связанных со свадебной и послесвадебной обрядностью, этикете, а также отношении к старшим. Она ориентирована на школьников 8–11 классов и предназначена для использования на внеурочных уроках. Члены женсовета совместно с учителями проводят уроки, в которых обучают молодежь основам традиционной культуры, что способствует формированию у них уважения к своим корням и культурному

наследию. Другая методичка ориентирована на привитие традиций детям дошкольного возраста через театральные постановки. Этот подход позволяет сделать обучение более увлекательным и доступным для маленьких детей, что способствует лучшему усвоению информации и активному вовлечению в культурные практики. Театральные постановки на основе традиционных сюжетов в игровых формах обучения.

Большую роль в презентации и распространении знаний о традициях играют видеофильмы. Серия этнографических работ, разработанных отделом культуры «Алашары», включает следующие материалы: видеоролик о древнем танце «Абазта», фильм о традиционной абазинской свадьбе, ролик о послесвадебных обрядах, видеоролик, демонстрирующий уважительное отношение абазинского общества к женщинам. Благодаря такой активности второй год подряд «Алашары» входит в топ на VIII Всероссийском конкурсе лучших практик в сфере национальных отношений за создание фильмов-реконструкций традиций и обрядов абазин. Конкурс организован Ресурсным центром в сфере национальных отношений при поддержке Совета при Президенте Российской Федерации и Федерального агентства по делам национальностей.

С 2014 г. 23 июля отдел культуры международного объединения «Алашара» проводит фестиваль, посвященный Дню культуры народа Абазы, который привлекает множество гостей из различных уголков страны и Абхазии. В прошлом году на фестивале собралось рекордное количество участников — более 4000 человек. Это событие стало важной вехой в культурной жизни региона, способствуя сохранению и популяризации абазинских традиций. В дневной части мероприятия было создано этнокультурное пространство, где жители и гости могли не только насладиться праздником, но и глубже узнать о прошлом и настоящем культуры народа. Здесь были представлены павильоны с ремесленными изделиями, организованы мастер-классы по повязыванию национального башлыка, по рисованию, чеканке и другим традиционным ремеслам. Кроме того, на фестивале были представлены национальные блюда, приготовленные женским советом на специально выделенной фуд-корт площадке. Работа мини-музея традиционных экспонатов, а также выступления юношеских народных танцевальных коллективов из города Черкесска и абазинских аулов, создавали атмосферу единства. Звучали наигрыши заслуженных гармонистов Карачаево-Черкесской Республики и музыкальные номера артистов Республики Абхазия. Народные игрища «Абазы хьвмарра» дают возможность всем желающим продемонстрировать свои навыки владения национальными танцами. Во второй части фестиваля проходит праздничный концерт с участием звезд абазинской и абхазской эстрады. Это мероприятие не только сохраняет традиции, но и способствует их адаптации к современным условиям, создавая платформу для культурного обмена и взаимопонимания между различными этническими группами.

По инициативе руководства объединения «Алашара», реализуется проект «Песня года», который был признан самым популярным проектом в период с 2007 по 2013 г. Проект предоставляет уникальную возможность абазинским талантливым исполнителям продемонстрировать свои способности и получить заслуженное признание. На сегодняшний день значительная часть действующей абазинской эстрады составляют артисты, которые начинали свой путь именно на площадке этого проекта. Настало время обратить внимание на необходимость появления новых звезд, что является важным шагом в поддержке

абазинской культуры и музыкального наследия. Создание таких площадок способствует обогащению культурного ландшафта региона, появлению новых культурных лидеров, способных представлять абазинский народ на более широких форумах.

Организация «Алашара» продолжает свою работу по сохранению и развитию абазинской культуры, поддерживая традиционные ценности и укрепляя идентичность народа. Мы верим, что наше культурное наследие имеет огромное значение для будущих поколений и для всего человечества.

Джиошвили Эльвира Александровна

к.и.н.

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск, Республика Карелия
elvira-260893@yandex.ru

При изучении современных способов актуализации этничности, форм и практик репрезентации образа того или иного этнического сообщества нередко используется термин «этнопроект». Под этнопроектом понимается персонально мотивированная и/или коллективная инициатива, направленная на активизацию этничности (Головнёв и др. 2016; 2022). Необходимо добавить, что любой проект ограничен во времени, имеет определенную цель и показатели ее достижения; проекты также различаются по степени устойчивости — могут быть разовыми мероприятиями или встраиваться в планомерную работу с этнокультурным наследием. В последнее десятилетие росту числа социальных проектов, в том числе связанных с этнической тематикой, способствует развитие государственных и частных систем грантовой поддержки, способных профинансировать деятельность, которая раньше чаще всего велась на добровольных началах. К примеру, с 2017 г. действует Фонд президентских грантов, единый оператор государственной поддержки НКО в России, в 2021 г. был создан Президентский фонд культурных инициатив.

С. Ю. Белоруссова заметила, что в своей основе этнопроект зачастую опирается на представление о том, что является традиционным для сообщества, но в конечном итоге превращается в неотрадицию или инновацию, и формирует новое понимание «народной» культуры (Белорусова 2019). Эта мысль представляется важной, так как посредством анализа этнопроектов можно исследовать векторы освоения и способы репрезентации этнокультурного наследия, в том числе на низовом уровне. Выбор определенных объектов показа (вещей, традиций) в этнопроектной деятельности демонстрирует, что из традиционного востребовано сегодня, какие этнические символы становятся наиболее значимыми. В процессе реализации этнопроектов происходит, с одной стороны, трансляция и усвоение «традиционной» культуры, а с другой стороны — ее переформатирование, перемещение из одной культурной среды в другую и встраивание в современную действительность. Таким образом, этнопроекты играют роль в сохранении и использовании этнокультурного наследия, которое переходит в современный контекст в аутентичном виде, либо, получив новое осмысление, становится основой и источником зарождения новых традиций.

Ермак Галина Геннадьевна

к.и.н., в.н.с., зав. отделом этнографии, этнологии и антропологии
Институт истории, археологии и этнографии народов ДВО РАН, Владивосток
gaermak@yandex.ru

Дальний Восток. «Русская душа ушиблена ширью»

Дальний Восток — стратегический приоритет России в XXI в. Понимание социально-культурной ткани местного русского населения — ключ к успешной демографической и социальной политике. Если бы не ушибленная ширью русская душа (Н. А. Бердяев), то не приросла бы Россия Дальним Востоком. Благодаря миграционному движению русских людей на восток, «встречь солнцу», в орбиту российской государственности в конце XVII — начале XVIII в. вошли Забайкалье и Северо-Восточные территории Дальнего Востока, а в середине XIX в. — территории юга Дальнего Востока (Приамурье, Приморье и о. Сахалин). Освоив громадные пространства, русские приобрели новые фенотипические, лингвистические, культурные черты, сложившиеся под влиянием различных факторов: политики государства, природных условий, характера расселения, специфики хозяйства, интенсивно-

сти взаимодействия с представителями иноэтнического окружения.

Современное русское население Дальнего Востока — это совокупность субрегиональных и локальных групп, чья идентичность сформирована разным историческим опытом, экономикой и ландшафтом. На рубеже XX–XXI вв. политический и социально-экономический коллапс оказал репахующее влияние на формирование у населения Дальнего Востока России нового центростремительного вектора миграций. Впервые многовековое движение русских людей на восток «встречь солнцу» повернуло вспять на историческую этническую родину. Русская душа! Данные первой переписи Российской Федерации 2002 г. отразили рекордное уменьшение численности русского населения ДФО с 1989 г. — 876,1 тыс. чел. Но русские и сегодня составляют большинство населения региона. Среди них

потомки не только восточных славян, но и других народов — немцев, поляков, чувашей, мордвы, молдаван, эстонцев и др., у которых произошла смена этнического самосознания в пользу более многочисленного русского населения. Не случайно опросы общественного мнения фиксируют на Дальнем Востоке значительное число сложных идентичностей: русские-украинцы, русские-белорусы, русские-евреи, русские-немцы, русские-корейцы и др.

По данным Всероссийской переписи 2020 г. в субъектах ДФО в ответах на вопрос о национальной принадлежности были учтены разные варианты русской идентичности, в том числе идентичности старожиловских групп русского населения Дальнего Востока и Сибири: гураны (209), якутяне (140), чалдоны (103), семейские (54),

кержаки (40), староверы (34), нууча (12), русско-устыинцы (14). Сохранение данных идентичностей на разных территориях региона — это общественный запрос на коммеморацию этнической истории и этнокультурной памяти русских людей. Власть и бизнес часто воспринимают дальневосточников как мобильных, не привязанных к месту работников. Но этнолого-антропологическая оптика фиксирует мощные пласты старожиловской культуры и локального патриотизма, показывая, что именно русская культура является смысловым и организационным центром полиэтничного и поликонфессионального культурного ландшафта Дальнего Востока России, и это (региональные особенности русской души и русской культуры) необходимо учитывать в программах развития макрорегиона и закрепления населения.

Ермолин Денис Сергеевич

к.и.н., ученый секретарь

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
denis.ermolin@gmail.com

Репрезентация русской культуры в этнопроектах: между аутентичностью и эстрадой

Что представляет собой русская культура и каковы способы ее репрезентации? Принято полагать, что существует два основных подхода: аутентичный (или стремящийся к этому) и эстрадный. С нашей точки зрения, оба они имеют право на существование, однако нужно понимать, что они несут в себе разные смыслы и, как правило, вызывают разные реакции.

Аутентичная репрезентация стремится к максимальной достоверности и глубине. Она погружает зрителя или слушателя в подлинную атмосферу того или иного действия, раскрывает нюансы, делает акцент на деталях, показывая многогранность и сложность воспроизводимого элемента культуры, будь то исполнение песни с сохранением всех традиционных интонаций и мелодических оборотов или реплика костюма конкретной губернии (уезда, села). Аутентичность предполагает обращение к этнографическому подлиннику, кропотливую работу в фондах музеев и архивах. Такой подход, как правило, выбирают фольклорно-этнографические студии (профессиональные или любительские) для репрезентации какой-то конкретной локальной традиции или группы русского народа.

Знакомство с такими формами репрезентации требует от аудитории определенной подготовки, готовности к восприятию непривычной, с точки зрения современного человека, подачи вокала, танца, элементов обрядовых действий. Возможно, неподготовленному зрителю потребуются определенные усилия при знакомстве с аутентичными формами русской культуры в ее локальных вариациях. Необходимо понимать, что коллективы, которые занимаются подобными формами репрезентации, как правило, не стремятся угодить сиюминутным вкусам, а скорее наоборот — предлагают диалог и приглашают к осмыслению «исконной» русской культуры.

С другой стороны, с середины XIX в. существует *концертно-эстрадная форма* репрезентации русской традиции.

Она ориентирована на массовую аудиторию, на создание яркого, запоминающегося образа, который легко усваивается и вызывает положительные эмоции у зрителя. Эстрада, как правило, упрощает, стилизует, иногда даже гиперболизирует определенные элементы русской культуры, чтобы сделать их более привлекательными и понятными широкой аудитории. Это может быть стилизованный танец с яркими костюмами *a la russe* и энергичной музыкой, или популярная песня, использующая узнаваемые русские мотивы, но адаптированная под современные музыкальные тренды.

Эстрадная репрезентация, безусловно, выполняет порой неблагодарную, но важную функцию — она делает русскую культуру доступной, узнаваемой, привлекательной для широкого круга потребителей. Однако, при всей своей привлекательности, эстрада находится в одном шаге от того, чтобы скатиться к поверхностности, которая заключается в создании и воспроизводстве культурных штампов.

На наш взгляд, проблема заключается не в самом существовании эстрадного варианта, а в его абсолютном доминировании в массовой культуре и в том, каким образом он влияет на общественное восприятие. Когда эстрадная репрезентация становится единственным доступным образом русской культуры, она заведомо упрощает ее, лишая вариативности и глубины.

Важно понимать, что и аутентичный, и эстрадный варианты не являются взаимоисключающими. На наш взгляд, эстраде и популярным формам презентации культуры полезно черпать вдохновение из аутентичных источников, обогащаясь ими, а аутентичным формам необходимо находить новые форматы и аудиторию, не становясь «вещью в себе» и «элитарным клубом ценителей». В конечном итоге, репрезентация русской культуры — это постоянный процесс поиска баланса между фольклорно-этнографическим первоисточником и понятной современному человеку формой.

Жидченко Александр Владимирович

Д.и.н., в.н.с.

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
travel822@yandex.ru

2026 год в России указом Президента Владимира Путина объявлен Годом единства народов. Это решение отражает общую актуальность темы многонациональности и мультикультурности нашей страны. Пронся через века свою особую историческую цивилизационную миссию, наша страна сталкивается с новыми вызовами, с которыми может справиться только монолитное, сплоченное и консолидированное общество.

Более 190 народов и этнических групп, смешение многовековых локальных и общенациональных традиций создают уникальный культурный код современной России. Это основа гордости за свое Отечество как для современных россиян, так и для последующих поколений. Пережив немало социальных трансформаций в XX в., российский народ сумел сохранить не только свой многогранный этнический колорит, но и гармоничное отношение между различными народностями, населяющими нашу страну.

Многонациональность России как национальная идея имеет мощный исторический фундамент. Достаточно вспомнить Смутное время, когда суверенитет и дальнейшее существование страны было под угрозой, именно единство и сплоченность представителей разных социальных групп, разных народов, позволило спасти Россию. Перед подобными вызовами наше Отечество стояло и в 1812, и в 1941, и в 2022 гг. И всякий раз именно консолидация народов России становилась решающим фактором дальнейшего существования российской цивилизации.

Не случайно, именно отмечаемый 4 ноября День народного единства как праздник, который еще раз напоминает об этническом многообразии Российской Федерации, с каждым годом становится все более близким каждому жителю нашей страны, обретает новые традиции и формирует общероссийскую идентичность.

Завершинский Константин Федорович

Д.полит.н., проф.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
zavershinskiy200@mail.ru

Народы России в политико-культурном измерении: между политическим единством и этнокультурным многообразием

Значимости политико-культурных измерений достижения, поддержания политического единства, формирования общенациональной гражданской идентичности на основе этнокультурного многообразия народов России посвящено множество работ зарубежных и отечественных авторов в предметной области социально-философских, социально-политических и антропологических исследований. Вместе с тем, несмотря на активные дебаты в публичном и академическом пространстве современной России о цивилизационном подходе, призванном, как полагают многие исследователи, преодолеть интерпретационные дихотомии сохранения этнокультурного многообразия и формирования единой политической идентичности, проблемы достижения теоретической ковариантности в исследовании этих процессов достаточно часто редуцируются к частным критическим репрезентациям влияния институционального наследия советского этнотерриториального федерализма, политико-либерального мультикультуралистского дискурса 1990-х годов или артикуляции традиционных духовно-нравственных оснований подобного единства, его этнокультурного ядра и этнографическим констатациям важности политико-правовой защиты самобытности этнической идентификации и уникальности российских этнических общностей. При этом проблемными остаются вопросы о темпоральной динамике базовых нарративов «единства народов» в политической памяти российской цивилизации.

При изучении этих процессов и ее базовых нарративов важно учитывать эволюцию и динамику временных режимов политической памяти российского социополитического сообщества, которые определяют и переопределяют трактовку «единства многообразия» народов России, так или иначе связанной с динамикой полиэтнической, многосоставной государственности и эволюции нарратива народного единства, специфики комплексности и исторической вариативности этого нарратива в имперской, советской и постсоветской политике памяти.

Рассмотрение влияния символических структур временных режимов политической памяти российской цивилизации (процессов «традиционирования», «артикулирования», «управляемости» этнополитическими процессами) на специфику процессов легитимации «единства народов России» позволяет провести сравнительный анализ природы существующего, на наш взгляд, конфликта имперского и советского нарративов «народного единства», практик сакрализации гражданского патриотизма в современной политической памяти российской цивилизации. Изучение теоретических и методологических вопросов, связанных со спецификой темпоральной динамики нарративов «народного единства» в национальной памяти современной России, имеет важное значение для понимания процессов, обеспечивающих «удержание прошлого» в настоящем и пролонгирования его «в будущее» в политико-культурной эволюции российской цивилизации.

Загребин Алексей Егорович

д.и.н., проф., директор ИЭА РАН
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
zagreb72@izh.com

Этнокультурные традиции и традиционная культура: определение и неопределенность

Вопросы о теории традиции, истории терминологии и методологии этнокультурной преемственности занимают ключевое место в этнологии и антропологии с середины XX в., когда процессы модернизации коснулись культур практически всех народов России, окончательно завершился «деревянный век» материальной культуры, а железный конь пришел на смену крестьянской лошадке. Примерно тогда этнологами был негласно определен предел «традиционности», и в названиях диссертаций зазвучало магическое словосочетание — «на материалах конца XIX — начала XX в.». Неожиданно для себя, участники многих этнографических экспедиций советского периода, отправлявшиеся на Кавказ, в Поволжье, на Урал и Сибирь за впечатлениями об успехах культурной революции и ликвидации отживших традиций, наблюдали весьма неординарные явления. Так, П. И. Кушнер и его товарищи, желавшие изучать передовой быт послевоенной колхозной деревни в Тамбовской обл., обнаружили наряду с увлечением соцсоревнованием бытование культа местной «святой», к которой не гнушались обращаться за советом и помощью в битве за урожай председатель-коммунист, живший с ней на одной улице. Примеров такого рода можно привести множество, но говорят они в целом об одном, что несмотря на накопленный исследовательский опыт, нестандартные подходы к её определению, традиция, в том числе этнокультурная, сохраняет свою многообразность и исследовательскую неопределенность.

Изучение народных традиций, по устоявшемуся мнению, позволяет реконструировать не только бытование культурных форм, хозяйственных укладов, но и социальные процессы. В самом общем смысле под традицией понимается механизм трансляции культурной идентичности, обеспечивающий передачу норм, ценностей, моделей поведения и символических форм от поколения к поколению. Этот функционально сложный механизм, связывающий прошлое с настоящим, представляет собой обширную тему для дискуссии: традиция устойчива и изменчива, нормативна и вариативна, институциональна и ситуативна. Традиция — не фиксированный набор элементов, а динамическая система смыслов, поддерживаемая коллективной памятью и социальными задачами воспроизводства этничности.

В отечественной этнологии принято рассматривать традиции в качестве структурных компонентов этнокультурной системы, обеспечивающих ее целостность. Традиционная культура во многом формирует и маркирует этническую идентификацию, закрепляя способы взаимодействия с природной и социальной средой.

Изучение традиций опирается на комплекс исследовательских процедур, важную роль в которых играет контекстуальный анализ, позволяющий рассматривать традицию как часть более широкой системы социальных отношений, экономических практик и символических структур.

В настоящее время совершенствование разных сторон материальности и виртуализация многих процессов

усиливают ощущение утраты традиций и ухода от ранее принятого. Изменяются историко-культурный и социальный контексты, привычные ранее модели трансформируются, но чаще всего сохраняют этнокультурную основу — в разных коммуникативных формах, и передаются от адресата к адресату, и несмотря на семиотическую неоднородность, по сути и образу ориентируются на традицию. В этой связи вариативность и изменчивость является не отклонением, а отличительной чертой традиции. Каждое исполнение обряда или локальная версия культовой практики — это не искажение, а способ её существования в конкретном социокультурном контексте.

Представление о традиции как о «пережитке» давно исчерпало себя. Текущая современность не разрушает традиционные формы, а создает приемлемый для времени вариант. Традиционные ремесла интегрируются в креативные индустрии, обрядовые практики получают новые функции в сфере культурной политики, элементы этнической символики становятся ресурсом региональной идентичности в условиях глобализации. Традиция выступает не антиподом современности, а ее необходимым компонентом.

Большое значение имеет российский опыт, где взаимодействие государственных институтов и этнокультурных традиций исторически было закреплено в правовых актах. Этнокультурное многообразие является одним из залогов устойчивого развития. Языки народов России, нематериальное культурное наследие и исторически сложившиеся механизмы межкультурного взаимодействия являются достоянием, требующим особого внимания.

В современном мире этнокультурные традиции представляют собой ресурс устойчивого развития. Жизненный цикл традиций определяется не их архаичностью или статичностью, а скорее функциональностью. Традиции сохраняются, когда они востребованы сообществом, выполняют социально значимые функции и способны адаптироваться к меняющимся условиям. Они уходят, когда перестают быть частью коллективных практик. Даже в этом случае «неопределенность» способна перейти в «определенность», благодаря работе этнологов и антропологов, сохранивших знание о традиции и готовых поделиться этим знанием, если к нему возникнет интерес.

Исследования в области этнологии и социокультурной антропологии и позволяют представить научное понимание социальных процессов в целях формирования эффективных управленческих решений. Изучение традиций является основой для построения научно обоснованных моделей развития территорий, прогнозирования социально-экономических изменений. Поэтому вопросы сохранения/восстановления этнокультурных традиций не сходят с актуальной политической повестки Российской Федерации, объединяющей 194 народа, сформировавшихся в пределах одного государства, но сохранивших понимание ценности своих культурных традиций.

Зинеева Заида Залимхановна

К.И.Н., В.Н.С., доцент

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
им. Х. Х. Хапсирокова, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика
zineeva_zaida@mail.ru

Этнопроект в науке и практике: от грантовой поддержки к институту культурной безопасности

Введение:

разрыв между финансированием и достоверностью

Этнопроект сегодня стал базовым инструментом реализации государственной национальной и культурной политики. Гранты Президентского фонда культурных инициатив (ПФКИ), федеральные и региональные программы поддерживают сотни инициатив: от цифровых архивов и просветительских порталов до этнотуристических маршрутов и образовательных платформ. Однако между объемом финансирования и уровнем научного сопровождения сохраняется системный разрыв. Оценка эффективности проектов зачастую опирается на количественные метрики (охват аудитории, число мероприятий, отчетные показатели), тогда как фактологическая точность, источниковедческая добросовестность и соответствие историко-культурному контексту остаются вне обязательного контрольного контура.

В условиях реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года (Указ Президента РФ № 858) и объявления 2026 года Годом единства народов России преодоление этого разрыва перестает быть исключительно академической задачей. Оно становится условием обеспечения культурной безопасности, сохранения исторической памяти и укрепления межнационального согласия.

Две системные проблемы отраслевой практики

1. Отсутствие обязательной источниковедческой верификации публикуемого контента.

Текущие регламенты грантовых конкурсов и приемки этапов работ, как правило, не включают требование о независимой экспертизе историко-этнографических мате-

риалов до их публикации в открытом доступе. В результате легитимизацию получают тексты, опирающиеся на непроверенные или искаженные первоисточники. Это создаёт риски тиражирования исторических мифов, снижает доверие к государственным программам поддержки культуры и прямо противоречит п. 38(в) Стратегии-2036, предусматривающему «защиту исторической правды, противодействие фальсификации истории».

2. Риск стереотипизации и упрощения культурных нарративов в просветительской среде.

Этнопроекты, ориентированные на молодежную аудиторию, нередко балансируют между популяризацией и упрощением. При отсутствии научно-методического сопровождения сложные историко-правовые традиции, обрядовые практики и языковые особенности сводятся к поверхностным клише. В условиях цифрового распространения такие материалы быстро закрепляются в массовом сознании, затрудняя последующую коррекцию и создавая фон для бытового непонимания. Этнопроект должен трансформироваться из формата отчетной активности в институт обеспечения культурной безопасности. Финансирование должно быть неразрывно связано с соблюдением стандартов научной этики, источниковедческой точности и уважения к исторической памяти коренных народов и малых этнических групп. Это напрямую соответствует задачам п. 49 Стратегии-2036 («экспертное и научное обеспечение деятельности органов власти») и принципам Указа Президента РФ № 287 «О создании Президентского фонда культурных инициатив», определяющего поддержку проектов в сфере культуры как инструмент укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

Зинурова Раушания Ильшатовна

д.с.н., проф., зав. кафедрой

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Республика Татарстан
rushazi@rambler.ru

Тузиков Андрей Римович

д.с.н., проф., зав. кафедрой

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Республика Татарстан
an.tuzikoff@yandex.ru

Россия как «историческое государство»

При всей внешней схожести с западным миром у нас принципиально иная межнациональная и межконфессиональная ситуация. Наппи национальные и миграционные проблемы напрямую связаны с разрушением СССР, а по сути, исторически — большой России, сложившейся в сво-

ей основе еще в XVIII в. С неизбежно последовавшей за этим деградацией государственных, социальных и экономических институтов. С громадным разрывом в развитии на постсоветском пространстве.

С распадом страны мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах — и за гранью гражданской войны, причем именно на этнической почве. Огромным напряжением сил, большими жертвами эти очаги нам удалось погасить. Но это, конечно, не означает, что проблема снята.

Историческая Россия — не этническое государство и не американский «плавильный котел», где, в общем-то, все так или иначе — мигранты. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшие всю историю России, было совместным делом многих народов. Достаточно сказать, что этнические украинцы живут на пространстве от Карпат до Камчатки. Как и этнические татары, евреи, белорусы...

Многовековое сосуществование множества народов на территории России стало возможным благодаря положительной комплиментарности русских и этносов Сибири и Великой степи, их природной совместимости (А. Н. Гумилев).

Российский опыт государственного развития уникален. Мы многонациональное общество, но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной. Дает колоссальные возможности для развития во многих областях. Однако если многонациональное общество поражают бациллы национализма, оно теряет силу и прочность. И мы должны понимать, какие далеко идущие последствия может вызвать попустительство попыткам разжечь национальную вражду и ненависть к людям иной культуры и иной веры.

Гражданский мир и межнациональное согласие — это не один раз созданная и на века застывшая картина. Напротив, это постоянная динамика, диалог. Это — кропотливая работа государства и общества, требующая очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить «единство в многообразии». Необходимо не только

соблюдение взаимных обязательств, но и нахождение общих для всех ценностей. Нельзя насильно заставить быть вместе. И нельзя заставить жить вместе по расчету, на основе взвешивания выгод и затрат. Такие «расчеты» работают до момента кризиса. А в момент кризиса начинают действовать в обратном направлении.

Уверенность, что мы можем обеспечить гармоничное развитие поликультурной общности, опирается на нашу культуру, историю, тип идентичности.

Русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар... Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой-чужой» определяется общей культурой и общими ценностями.

Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. В основе православия, ислама, буддизма, иудаизма — при всех различиях и особенностях — лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда. Эти ценностные ориентиры невозможно чем-либо заменить.

Мы не забываем о своей этнической принадлежности и вере. Но при этом мы осваиваем культурный код, с помощью которого мы становимся гражданами России. Государства не отдельного народа или нации, а государства-цивилизации, которое способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий. Поэтому сейчас мы реализуем новый проект: Цивилизационные ценности в структуре российской гражданской идентичности студенчества.

Для России с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Татарстан является одной из самых многонациональных территорий России — представители свыше 173 национальностей проживают на территории республики. Национальный состав населения Республики Татарстан подтверждается переписью населения и остается в 2025 г. стабильным. Из общей численности населения республики по данным Росстата, составляющей 4019606 чел. (2025), татары составляют около 53,6 %, русские — 40,4 %, чувашки — 2,3 %, удмурты — 0,5 %, мари — 0,4 %, узбеки — 0,4 %, таджики — 0,3 %, мордва — 0,3 %, башкиры — 0,3 %. Численность этнических групп приведена для подтверждения значимости отношений между их представителями.

Любой ответственный политик, общественный деятель, руководитель понимает, что гражданское, межконфессиональное и межнациональное согласие является одним из главных условий самого существования нашей страны. Распад большой страны — СССР — произошед не столько потому, что мы не построили обещанный коммунизм, не столько по неудовлетворенным потребностям в экономической сфере, не столько по неравенству прав различных групп населения. Реальными триггерами разрушения стала межэтническая и межконфессиональная напряженность, создавшая риски для взаимодействия на-

родов, при подталкивании как зарубежными идеологическими проектами, так и амбициями национальных региональных элит внутри страны.

Сегодня в мире копятся межнациональные и межконфессиональные риски в проявлении национализма, религиозной нетерпимости радикальных группировок и течений. Они подтачивают даже благополучные государства и разделяют общества. Поэтому для нас как региона с устойчивыми социальными взаимодействиями народов, традиционно проживающих в Среднем Поволжье, важно культивировать опыт конструктивных отношений этнических групп.

Исследовательские проекты, в фокусе которых стоят этнокультурные процессы мы проводим с 1999 г. Исследование «Современные этнокультурные процессы в молодежной среде» (рук. Р. Н. Мусина, 1999), показало всплеск этнической, религиозной, языковой идентичности молодежи на волне «парада суверенитетов», исследование «Этнические стереотипы и границы межкультурного понимания» в Приволжском Федеральном округе (рук. А. М. Зинуров, 2002) выявило роль позитивной этнической идентичности в статусе личности. Риски перерождения этнической идентичности в те или иные дискриминационные формы, стали стимулом разработки целого ряда государственных проектов регулирования отношений между народами (например, с помощью культурологиче-

ской оценки мировых религий и совместного участия населения в народных и религиозных праздниках народов, проживающих в Поволжье). В 2000-х гг. выявлены региональные и этнические особенности этнической идентичности. Данные особенности обусловлены статусом этнической группы (тительность, количество), а также активным влиянием социальных институтов на этническую идентификацию молодого поколения (семья, СМИ, образование, религия).

Само по себе осознание своей этничности еще не означает, что у молодых людей выражено стремление к национальному доминированию или гиперболизации этничности. Однако, как свидетельствуют результаты исследований межкультурного взаимодействия (А. М. Дробичева, Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Н. М. Лебедева), существенное усиление этнического компонента в структуре идентичности по сравнению, например, с гражданственностью свидетельствует о гиперболизации этничности. Следовательно, она становится той основой, через которую личность пытается не только сохранить, но и повысить свой статус. Поэтому не исключено перерождение позитивной этнической идентичности в те или иные дискриминационные формы.

Исследования, проведенные авторским коллективом в 2010-е гг. «Идеологический дискурс экстремизма: видимое и невидимое» (Гузиков А. Р., Зинурова Р. И., 2010), «Социокультурные особенности молодежного экстремизма» (Гузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А., Гаязова Э. Б., 2015) позволили выявить источники и динамику настроений молодежи, провести мониторинг потенциала экстремизма и разработать программы его профилактики в молодежной среде, чтобы потенциальный экстремизм не стал реальным со всеми негативными последствиями.

Исследовательский проект «Социальное картирование этноконфессиональных и миграционных рисков современной городской агломерации» (Зинурова Р. И., Гузиков А. Р., 2021) реализован при поддержке РФФИ (Российского фонда фундаментальных исследований). Социологические данные подтверждают, что до 50 % опрошенной молодежи негативно настроена к представителям этнических групп, которых традиционно не относят к народам Поволжья и воспринимают в общественном мнении как «чужих». Напряженность в отношении «новых поселенцев» связана с латентными опасениями возрастания рисков: в сфере миграционной политики; в сфере политических отношений; в сфере трудовой деятельности; в сфере социальных отношений; в системе образования. Исследование позволило выявить, что мигранты заняты в сфере транспорта (преимущественно мигранты из Средней Азии), на крупных промышленных предприятиях (не только выходцы из Средней Азии, но и работники из Турции, Китая). Результаты проекта показали, что крупные городские агломерации являются центрами цивилизационного престижа и притяжения для мигрантов. Мигранты, приехавшие в поисках заработка, приносят с собой свою культуру, ценности, активно включаются в трудовую деятельность. Зачастую это

оценивается местным населением как определенные факторы риска, в том числе и из-за трансформации привычной для них социальной структуры.

Для создания механизма управления рисками территориальными органами власти, мы произвели картирование территорий агломераций по критерию большей подверженности рискам с мелким пространственным масштабом. Каждая группа этноконфессиональных рисков оценивалась количественно, их распределение было представлено на карте города. Карты этноконфессиональных рисков позволили выявить территории выраженного риска и принимать управленческие решения нейтрализации рисков региональными органами исполнительной власти.

Ведущим параметром негативных отношений является отсутствие ориентации на российские ценности. Результаты, полученные авторами исследовательских проектов «Социология этноконфессиональных отношений в городах Республики Татарстан» (Гузиков А. Р., Зинурова Р. И., 2020), «Тренды миграции и миграционные риски в российских агломерациях» (Зинурова Р. И., Гузиков А. Р., Алексеев С. А., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З., 2020) оказались эффективны при разработке образовательных программ, направленных на формирование позитивного отношения к мигрантам, на их успешную адаптацию в российском обществе, формирование конструктивных межэтнических взаимодействий.

Образование — институт цивилизованной интеграции и социализации, в том числе и мигрантов. Привлекательность образования и его ценность — мотиватор интеграционного поведения и нормального трудоустройства. Главный критерий — их готовность освоить наши культуру и язык.

В 2024–2025 гг. при поддержке фонда Потанина авторами реализована образовательная программа «Проектирование кросс-культурной образовательной экосистемы магистратуры в контексте миграционных процессов». Результативность программы мы видим во взаимодействии двух вузов Уфимского государственного нефтяного технического университета и Казанского национального исследовательского технологического университета КНИТУ в области академической, социально-культурной, гражданской адаптации иностранных студентов.

Незапланированный результат для реализации проекта возник из-за совпадения периода выбора темы и подготовки заявки для участия в конкурсе Фонда Потанина с событиями 22 марта в Крокус-Сити Холле (г. Красногорск), что привело к реактивному переосмыслению органами власти Российской Федерации миграционной политики. Для команды проекта это потребовало тщательного анализа информации по адаптации мигрантов, в том числе прибывающих для обучения в российские вузы, что сопровождается получением учебной визы. Было важно не поддаваться нагнетанию общественного мнения, связанного с пребыванием иностранцев в российских вузах, ужесточением контроля за пребыванием и деятельностью студентов-иностранцев в России. Этот пример показал, как легко и мгновенно можно разрушить отношения между людьми и народами.

Иванова Светлана Юрьевна

д.ф.н., проф., зав. кафедрой философии и этнологии гуманитарного института
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
isu-socf@yandex.ru

Патриотические основания политического проекта будущего России как многонациональной державы

Актуальность рассмотрения патриотизма как основания национальной идеи и ценности, интегрирующей полиэтническое российское общество, определяется задачами консолидации народов России в условиях обострившегося кризиса международных отношений и возрастания геополитических угроз. В настоящее время определяется новый статус России в мире, актуализируется проблема цивилизационного самоопределения страны и каждого ее жителя, в этой связи необходим анализ идеологических оснований интегративных процессов в этнополитической и этнокультурной сферах российского общества.

Практика общественно-политической жизни по-новому высветила потребность в научном анализе всего того, что влияет на формирование и укрепление патриотизма в качестве основы позитивной идентичности в полиэтническом российском обществе. Патриотизм представляет собой особо значимую ценность, так как является

основой единения и социального согласия в полиэтническом социуме, условием сохранения его самобытности в ситуации геополитического кризиса и коренной трансформации системы международных отношений.

Закономерным является нынешний рост значимости патриотизма как реакции на негативные изменения в международных отношениях, ценность патриотизма возрастает, он мобилизуется государством как важнейшее средство, способное сплотить все слои полиэтнического и поликонфессионального российского общества в сложной кризисной ситуации. Решение данной задачи способно содействовать купированию рисков роста национализма, этноцентризма и экстремизма в нашей стране.

Поиск и обоснование ценностных, смысловых и идеологических компонентов патриотического основания, на котором сформируется позитивный политический проект будущего России, представляется актуальной научной и практически значимой задачей.

Караваяева Дина Николаевна

к.и.н., с.н.с., доцент
Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет, Екатеринбург
dina.karavaeva@bk.ru

Малич Анастасия Крешимировна

магистрант
Уральский федеральный университет, Екатеринбург
nastya.malitch@yandex.ru

Этно versus «предпринимательство» в Дагестане: спорт, родовой туризм и шиитские практики

Проект исследования проблематики идентичности и границ (включающем работу по проблемам ренслайзации, трансформации гендерных ролей, фронта, спорта и идентичности — в ракурсе этнологии и визуальной антропологии) в современном Дагестане основан на полевых материалах Кавказской этнографической экспедиции ИИА УрО РАН и УрФУ 2021–2025 гг. (рук. Д. Н. Караваяева)

Жизнеспособные этнопроекты *рождаются в симбиозе работы «сверху» и «снизу»*, как результат региональной политики, экономической необходимости, взаимодействия местного сообщества и символического обмена. Три яркие модели этнических проектов в регионе развиваются в плоскости спорта, туризма и процесса возрождения горных «родовых» сел, религиозной идентичности и ее «празднования». Кейсы в разной степени демонстрируют, что «эффективный» этнопроект вырастает из дефицита формальных институтов и заполняет лакуну за счет личного

авторитета (тренер/старейшина), реципрокного обмена (меценатство как возврат долга), символической работы с наследием (традиция). В дагестанском случае такие проекты работают не вопреки, а благодаря сложной конфигурации идентичностей — локальной, этнической, конфессиональной (как суннитской, так и шиитской), общероссийской.

1. В Южном Дагестане спорт становится «социальным амортизатором» и альтернативным каналом социализации молодежи в условиях экономической периферии. Полевые наблюдения перекликаются с концепцией этноспорта, которая рассматривает традиционные физические активности как институциональную форму сохранения идентичности. При этом устойчивость спортивной сферы на локальном уровне обеспечивается не столько бюджетным финансированием, сколько гибридной моделью кооперации: муниципальная поддержка, частное меценатство успешных выходцев из села, коллективные усилия джама-

ата, организованные тренерами-энтузиастами. Меценатство здесь выступает в качестве восстановления социального долга, конвертация экономического капитала в символический. Отправившийся в город спортсмен, добившись успеха, спонсирует родную команду («подарил форму наш воспитанник»), тем самым подтверждая принадлежность к сообществу. Успешные карьеры разворачиваются в «Росси» (миграции в Москву, Санкт-Петербург и др.), спортсмены становятся чемпионами, попадают в сборные. Тренер, пользующийся безусловным доверием, становится узлом, аккумулирующим социальный капитал, замещая отсутствие формальных институтов. Живая кооперация, основанная на доверии, реципрокном обмене и локальном авторитете, оказывается здесь эффективнее формальных программ. В дагестанском случае спорт превращается в «пламенный котел»: в Махачкале и крупных селах тренировочные залы собирают выходцев из десятков сел и разных этнических групп (аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков и др.). Спортивная организация здесь моделирует общероссийскую логику сосуществования: соревнуясь и кооперируясь внутри одной команды, молодёжь учится работать за пределами границ тухума, села, района. Парадокс Дагестана в том, что при условии доминирования сельского уклада, исламского фактора, работающего на обособление, именно спорт демонстрирует центристские эффекты: через всероссийские соревнования, государственные награды, идентификацию себя как части российской спортивной нации.

2. Аварское высокогорное село Старый Сивух в Гумбетовском районе Северного Дагестана было переселено, а затем заброшено в конце XX в.; ныне восстанавливается. Данный пример позволяет проанализировать, как сообщество, разделённое административной границей и вовлечённое в затяжной земельный конфликт, обращается к культурному наследию. Последнее выступает не просто как совокупность артефактов прошлого, но как ресурс легитимации присутствия и ключевой инструмент символического и физического возвращения на покинутые территории. Ранее исследователи фиксировали необратимые процессы переселения горцев на равнину, ведущие к деградации уникальных форм горской культуры (Карпов, Капустина 2011). Однако полевые материалы последних лет свидетельствуют об интенсификации

обратного движения — возрождении дагестанцами некогда заброшенных селений. Данный феномен представляет собой сложное переплетение прагматических и ценностных аспектов. С одной стороны, это стремление местных сообществ к экономической выгоде в условиях высокой сельской безработицы (туризм как новая форма занятости); с другой — актуализация морально-этических мотивов: «возвращение к истокам», конструирование идентичности, поиск «новой» роли традиции в модернизационных процессах. Особый интерес вызывает трансформация отношения к земле и ресурсам в контексте переосмысления «деревенскости», «горянкости» и локальности. Возвратная миграция не просто восстанавливает исходные состояния, но продуцирует новые формы социальности, экономического и культурного взаимодействия.

3. Шииитские практики Дербента в суннитском окружении — ещё один феномен, совмещающий процессы актуализации идентичности и этнического предпринимательства. Дагестан — единственное место компактного проживания шиитов в России (30–40 тыс. в Дербенте, ядро — азербайджанцы и лезгины). В условиях мощной суннитской реисламизации 1990–2020-х гг. шиитская община использует траурные ритуалы Ашуры и паломничество на гору Шалбуздаг для сохранения и демонстрации своей идентичности. Ашура — поминальные шествия с барабанами, знамёнами, ритуальными ударами, чтением мерсий — становится площадкой конфессионального единства и «противовеса» суннитскому большинству, а также внутреннего соперничества. Паломничество к святыню Эренлар на Шалбуздаге, организуемое жителями шиитского села Мискинджа, ежегодно собирает десятки тысяч паломников, в том числе из Ирана и Ирака, и представляет собой синтез доисламских и исламских практик. Шиитская община использует транснациональные связи с Ираном и Ираком для легитимации своих практик, одновременно дистанцируясь от туристического «обмирщения» Ашуры. Этот кейс показывает, как религиозное меньшинство через ритуалы конструирует идентичность, противостоящую доминирующему религиозному нарративу, и превращает сакральную географию в инструмент символического присвоения пространства.

Касперович Галина Ивановна

д.и.н., г.н.с.

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь
galina-kasperovich@yandex.ru

Этнокультурный потенциал русских Белоруссии

В формировании этнокультурного потенциала русских важное значение имеют культурные традиции, которые передаются из поколения в поколение и определяют особенности социализации личности, её ценностные ориентации. В традиционных нормах поведения русских заложен гуманистический принцип уважения к человеку, его достоинству, нравственные требования: доброжелательность, гостеприимство, уживчивость. О человеке, который хорошо усвоил свои традиции, говорили как о знающем, блюдущем житейские обычаи, вежливым. Этнокультурный потенциал русских Беларуси опирается на близкое родство языка и культуры русского и бело-

русского народов, общность их происхождения, вероисповедания, длительность проживания в едином государстве.

Русские занимают вторую по численности позицию в национальной структуре населения. В 2019 г. в Беларуси проживали 707 тыс. русских (7,5 % от всего населения республики). До конца 1980-х гг. их численность и удельный вес постоянно увеличивались, что связано с миграцией в республику специалистов и квалифицированных рабочих, принявших активное участие в восстановлении хозяйственного комплекса и его промышленном развитии. С 1999 по 2019 г. количество русского населения Беларуси

сократилось на 435 тыс. человек (в 1,6 раза). Отток русских был связан с последствиями Чернобыльской аварии, разрушением Советского Союза и возвращением на прежние места жительства. Уменьшение численности русских в определенной степени объясняется также превышением показателей смертности над рождаемостью, развитием процессов адаптации и интеграции в белорусскую полиэтническую общность. Особенностью Беларуси является высокий удельный вес межэтнических русско-белорусских браков. Так, численность и доля домохозяйств, состоящих из белорусов и русских в общем числе разнонациональных домохозяйств составила в 1999 г. 1360444 человека (59 %).

Русские республики имеют высокий образовательный и социальный статус. По данным переписи 2009 г.,

практически каждый третий из них имел высшее, 36 % — среднее специальное и профессионально-техническое образование. В системе этнической идентификации, межкультурной коммуникации русских первостепенное значение имеет русский язык, который наряду с белорусским является государственным. Согласно данным переписи населения 2019 г., 96,8 % русских назвали его родным (белорусский — 2,9 %). Русский язык используют в ситуации семейного общения 97,2 % русских, 71,0 % белорусов, 52,4 % поляков, 89,1 % украинцев, 96,6 % евреев (2019 г.), фактически он является связующим звеном в полиэтнической среде.

Этнокультурный потенциал русских Беларуси является важным компонентом стабильного и безопасного развития Союзного государства России и Белоруссии.

Киселев Александр Георгиевич

д.и.н., в.н.с., зав. отделом истории и этнологии

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск
kiselev1954@mail.ru

Историко-этнографическая карта Югры: окружной конкурс проектов

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) предлагает проект окружного Конкурса по созданию «Историко-этнографической карты Югры».

1. Этнопроектирование допустимо определить как инструментальную часть национальной политики в сфере образования. Национальная политика — отнюдь не только решения центральных и региональных властей. Те или иные меры, даже обретшие силу закона, могут осуществляться через деятельность акторов на местах, а их эффективность во многом зависит от того, насколько учитываются местные интересы, в том числе и запросы локального социума. Окружная «Концепция развития этнокультурной системы образования» предусматривает проектирование поддерживающей культурные традиции коренного населения образовательной среды.

2. Поскольку наш проект адресует общепрообразовательной средней школе, отметим три обстоятельства:

а) актуализацию задачи пропаганды этнографических и исторических знаний в связи с выходом в свет в 2024 г. 8-ми томной «Академической истории Югры»;

б) выделение в информационном письме Петербургского этнофорума в качестве ракурсов этнопроектирования его киберэтничности и цифровизации;

в) увлечение подростков и молодежи ИТ сферой.

Названные разнородные обстоятельства и установки имеют общий знаменатель — побуждают нас обратиться к организации Конкурса по проектированию электронных средств обучения и пропаганды научных этнографических и исторических знаний, а именно мультимедийной «Историко-этнографической карты Югры» — оригинальному продолжению созданных в Обско-угорском институте

прикладных исследований и разработок «Диалектологического атласа обско-угорских и самодийских языков» и «Литературной карты Югры».

Методологической основой проектирования этой карты является концепция культурных ландшафтов, органично соответствующая культурной доминанте коренных малочисленных народов Севера — единству Природы и Человека; организационной практической основой — привлечение к работе над созданием такой карты тех, для кого она составляется — самих учащихся и их учителей.

Наш проект предусматривает:

1) проведение окружного конкурса на лучшие предложения: а) программной оболочки, б) дизайна, в) репрезентации информационного наполнения, а именно нанесения на карту округа нескольких предметных слоев применительно к отдельным этно-локальным группам и территориям: верования, фольклор, обычаи и традиции, занятия, особенности жилища, костюма и т. д., места важных культурных и исторических событий;

2) создание объединённого авторского коллектива ученых, учителей и учащихся, ИТ специалистов — разработчиков конечного продукта — «Историко-этнографической карты Югры»;

3) в качестве важного результата — формирование и развитие качеств, требуемых федеральным государственным образовательным стандартом, а именно: самостоятельности, критического мышления, коммуникабельности, ценностного сознания, творческого подхода к делу, патриотизма — любви к своему краю и Отечеству, уважение к культуре и духовным ценностям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

Киселев Сергей Викторович

к.ю.н., доцент, министр

Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия, Петрозаводск, Республика Карелия
kis_sv@mail.ru

Этнокультурный компонент как основа развития региона

Республика Карелия — многонациональный субъект Российской Федерации, где в мире и согласии проживают представители 113 национальностей. Коренные народы республики — русские, в том числе этнолокальные группы коренного русского населения — поморы, заонежане и пудожане, карелы и коренной малочисленный народ Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации — вепсы.

Такое языковое и культурное многообразие является ключевым фактором устойчивого развития территории.

В Карелии создана вся необходимая инфраструктура для успешной реализации общественных инициатив, которые вносят значительный вклад в развитие как отдельных поселений, так и всей республики.

Местные инициативные группы, глубоко погружённые в уникальную этнокультурную специфику Карелии, активно включаются в совместную работу с Правительством Республики Карелия и органами местного самоуправления, направленную на повышение качества жизни граждан.

Прежде всего это практики инициативного бюджетирования, которые направлены на раскрытие потенциала малых территорий, вовлечение местного населения в процессы принятия решений и улучшение условий проживания, — «Программа развития территориального общественного самоуправления» и «Программа поддержки местных инициатив».

При реализации проектов на территориях проживания коренных народов республики обязательно учитывается национальный и этнокультурный компонент, что позволяет сохранить уникальные культурные особенности народов Карелии, обогатить общественные пространства

элементами, связанными с традиционной культурой, языками и народными промыслами.

Республика Карелия является получателем средств федеральной субсидии на поддержку экономического и социального развития вепсов, которые используются, в первую очередь, в местах традиционного проживания и хозяйствования этого народа — Рыборецкое, Шокшинское и Шелтозерское вепские сельские поселения Прионежского муниципального района.

С использованием средств субсидии созданы этнопарки, организованы курсы изучения родного языка, установлены двуязычные указатели и вывески. Ежегодно проводятся традиционные вепские праздники и мероприятия, посвященные культурному и историческому наследию вепсов.

Значительный вклад вносят некоммерческие организации. Они реализуют проекты, направленные на улучшение социальной инфраструктуры, сохранение историко-культурного наследия и привлечение внимания к потенциалу удаленных уголков Карелии.

Одним из ключевых инструментов поддержки деятельности НКО является конкурсный отбор «Гранты Главы Республики Карелия», среди направлений поддержки которого этнокультурное развитие карелов и вепсов республики и сохранение наследия Русского Севера.

Таким образом Республика Карелия служит наглядным примером гармоничного сочетания традиций и современного подхода к развитию территорий. Эффективное сотрудничество государственных институтов и гражданского общества позволяет региону сохранять свое уникальное культурное и языковое многообразие.

Киссер Татьяна Сергеевна

к.и.н., зам. директора по научно-организационной работе

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
tkisser@bk.ru

Ямал как лаборатория этнопроектов

Ямал — территория, на которой традиция и современность существуют не в противоречии, а в удивительном, органичном синтезе. Ненцы, ханты и селькупы — три коренных народа полуострова — давно перестали быть лишь «хранителями старины». Сегодня они являются лидерами по части этнокультурной самореализации, генерирования и передачи другим энергии этничности. Именно эта энергия — живая, деятельная, воплощенная в конкретных людях и их инициативах — составляет суть того, что принято называть этнопроектом.

Понятие «этнопроект» в его ямальском измерении охватывает чрезвычайно широкий спектр инициатив. Это

и экономические предприятия, и культурные начинания, и образовательные программы, и цифровое блогерство. Их объединяет одно: в основе каждого — персональная воля конкретного человека, который использует свой этнический потенциал как ресурс для самореализации и общественного продвижения. Именно здесь наука пересекается с практикой: исследователь фиксирует и осмысляет то, что живет и действует само по себе, независимо от академических категорий.

Ямальские полевые материалы дают яркие примеры этнопроектного мышления. Михаил Окоэттго из Сеяхи начал аграрные эксперименты в тундре еще в 1995 г. —

и сегодня его теплицы с картофелем, огурцами и клубникой, питаемые солнечными батареями, стали известны по всей Российской Арктике. Предприниматель Петр Худи выстроил бизнес, закупая в Скандинавии синтетические арканы и искусственные сухожилия для шитья — товары, которые оказались функциональнее традиционных аналогов, при этом оставаясь частью исконного хозяйственного уклада. Оба случая демонстрируют один и тот же механизм: этнический опыт становится точкой входа в современную экономическую реальность, а не барьером на ее пути.

Молодое поколение действует иначе, но в том же направлении. Некоча Окоттэто, победитель конкурса «Воспитатель года», создала ненецкие комиксы «Помощница Неко» — обучающий журнал с дидактическими карточками и орнаментальными прописями на ненецком языке. Примечательно, что сама она выросла в Салехарде, вдали от тундры, плохо знала родной язык — и именно это незнание, поначалу болезненное, стало стимулом к созданию продукта, который поможет другим детям. Этнодизайнер Олеся Яптик создала бренд «Мутра», соединив традиционные ненецкие орнаменты с современными техниками бисерного дела, тщательно соблюдая смысловые коды каждого узора. Мастерница Ольга Сэротэтто шьет ненецкие ягупки на заказ, экспериментируя с орнаментом, вернулась после учебы в поселок Яр-Сале, чтобы передавать свое умение детям. Каждая из этих историй — не просто биография, но полноценный этнопроект со своей концепцией, нишей и аудиторией.

Отдельного внимания заслуживает феномен этноблогерства как формы этнопроекта в цифровой среде. Интернет превратился в площадку, где этничность воспроизводит и презентует себя с особой интенсивностью. Студентка Елена Тоярова ведет блог о хантыйских традициях, черпая материал из рассказов бабушки. Хант Дмитрий Кельчин создал блог, посвященный талантливой молодежи коренных народов Ямала — своеобразный «ямальский Forbes». Через такие проекты молодые люди не просто сохраняют культурную память — они формируют образ своего народа, создают новых героев и точки притяжения для этнической идентификации.

Особенно показателен пример Елены Худи из поселка Новый Порт, чей блог «Ненка — Ленка» демон-

стрирует профессиональный подход к культурному просветительству. За два года она опубликовала более 900 постов — частота, нетипичная для персональных блогов и свидетельствующая о систематической работе. Елена занимает принципиальную позицию по отношению к культурной достоверности: «Я не люблю, когда культуру подстраивают под современные тенденции, наоборот, я могу тренд подогнать под свою культуру». Каждый материал проходит проверку у бабушки, и только после тестирования публикуется. Центральное место в блоге занимает языковая мотивация: билингвальная структура публикаций, интерактивные форматы вовлечения аудитории в языковую практику. Этот этнопроект соединяет строгую приверженность аутентичности с использованием современных медиаформатов.

Иной тип этноблогера представляет Афанасий Тэсида — оленевод из Гыданской тундры, работающий на Тазовском месторождении и избранный депутатом районной Думы. Его блог с аудиторией свыше 3000 подписчиков конструирует образ «современного ненца», укорененного в культуре предков, но свободно ориентирующегося в современных институтах. Тэсида систематически описывает традиционные практики — устройство чума, изготовление малицы, выделку шкур, — но при этом показывает избирательность модернизации: снегоходы дополнили оленьи упряжки, но не заменили их; спутниковый интернет пришел в чумы, но чум остался теплее палатки. Особое место занимают посты о роде Тэсида, реконструирующие родовую историю с начала XIX в. Этот этнопроект выполняет функцию культурной дипломатии, демонстрируя возможность органичного сосуществования традиционного природопользования и индустриального освоения Арктики.

Наука в этом контексте выполняет важнейшую функцию — не только фиксирует происходящее, но и легитимизирует его, вводит в широкий исследовательский и общественный оборот. Полевые материалы с Ямала убедительно показывают: этнопроект — это не конструкция сверху и не реликт прошлого, а живая практика настоящего. Именно в пересечении науки и этнической самодеятельности рождается то, что исследователи называют новой этнографией — наукой не об уходящем, а о живом и деятельном.

Коломиец Оксана Петровна

к.и.н., в.н.с.

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН, Анадырь, Чукотский автономный округ
okkolo@mail.ru

Коренные народы Чукотки — ядро развития региона (от декларации к этнопроектированию)

Исследование жизни коренных малочисленных народов Чукотки рисует сложную, противоречивую, но далеко не безнадежную картину современного положения этих народов. Демографические трудности, миграционный отток, проблемы в традиционных промыслах и языковой сфере — всё это реальные вызовы. Однако именно в этом контексте становится очевидным: будущее Чукотки неразрывно связано с её коренными народами, и они должны стать не просто объектом государственной заботы, а цент-

ральным субъектом долгосрочной стратегии развития региона.

Почему именно коренные народы? Во-первых, демографический тренд неумолимо выдвигает коренное население на первый план: процент пришлого населения неуклонно уменьшается, а доля коренного возрастает. Во-вторых, именно коренные народы продемонстрировали удивительную устойчивость в периоды кризисов. Наиболее устойчивыми оказались те оленеводческие хозяйства,

в которых сохранялись традиции — кочевая семья, ездовое оленеводство, «старый» образ жизни. Традиционный уклад содержит в себе механизмы выживания и адаптации, которые не удалось заменить никакими технологическими новшествами.

Традиционные промыслы — морской зверобойный промысел, рыболовство, оленеводство, охота, ездовое собаководство — продолжают играть жизнеобеспечивающую и культуuroобразующую роль. Особенно показателен пример с. Лорино, где при поддержке промысла действуют звероферма, мини-завод по переработке мяса морзверя, мехпошивочная мастерская. Это модель, достойная тиражирования: традиционное природопользование становится основой для развития сопутствующих производств, внедрения новых технологий и создания рабочих мест.

Однако для того чтобы коренные народы действительно стали ядром стратегии развития, необходима не только фиксация успешных практик, но и их системное осмысление и масштабирование. Именно здесь на сцену выходит понятие этнопроекта. Применительно к Чукотке, актуальны этнопроекты, направленные на экономическое развитие общин (переработка продукции морзверобойного промысла, оленеводческие кооперативы), проекты в сфере языковой ревитализации (школьные программы, радио- и телепередачи на родных языках), социальные проекты (поддержка кочевых семей) и про-

екты, регулирующие отношения с промышленными компаниями.

Что же должно измениться на Чукотке, чтобы этнопроект заработал как реальный стимул развития? Прежде всего, необходимо преодолеть законодательные барьеры, требуется адресная поддержка семейного уклада, учитывающая кочевой и полукочевой образ жизни. Нужно развивать производственную инфраструктуру общин, создавать условия для коммерциализации продукции традиционных промыслов. Необходимо распространять лучшие модели взаимодействия с недропользователями, при которых промышленные компании становятся партнерами коренных сообществ, а не внешней силой, разрушающей традиционное природопользование.

Коренные народы Чукотки обладают исторической памятью о жизни в арктических условиях, современным мировоззрением и этнокультурной идентичностью, дающей силы для существования. Долгосрочная стратегия развития Чукотки не может строиться вокруг вахтовых поселков или ресурсных проектов — она должна исходить из того, что коренные народы — это не проблема, а субъект развития. А этнопроект, понятый не как разовая грантовая заявка, а как системный научно обоснованный инструмент, становится тем мостом, который соединяет стратегическую декларацию с повседневной практикой устойчивого развития арктического региона.

Комар Яна Владимировна

к.и.н., с.н.с., доцент

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
komaryna2006@gmail.com

Многояродность России как национальная идея: взгляд из Донбасса и Новороссии

В 2025–2026 гг. в рамках проекта РНФ «Этнокультурные ландшафты Донбасса и Новороссии: многообразие наследия и потенциал развития» (№ 25-18-01040) мы провели ряд экспедиций в ДНР, ЛНР, Запорожскую и Херсонскую области. Более 60 интервью, десятки сёл и городов, семейные архивы, памятники, музеи. Но главное — живая повседневность людей, которые никогда не знали государственной границы между «своим» и «чужим» по этническому признаку.

В Мариуполе, Сартане, Бердянске, Володарском, Геническом мы работали с греками, болгарами, украинцами, русскими, армянами. Люди говорили о войне, памяти, детях, хлебе. И почти никто — о «межнациональных проблемах». Потому что в их картине мира этническое многообразие — не идеология, не проект сверху, а воздух.

Идея многояродности России работает не тогда, когда ее декларируют, а когда ее проживают. Наши респонденты — потомки болгарских переселенцев XIX в., греков Приазовья, казаков, советских инженеров — не выбирали «быть многояродными». Они просто жили рядом, строили дома, женились, поминали предков на разных языках. И эта укорененность оказалась сильнее попыток разорвать связи в 2014–2022 гг.

В чем конкурентное преимущество России как «страны народов»? На мой взгляд, в том, что у нас этничность

редко становится эксклюзивным политическим флагом. В Донбассе и Новороссии не встретишь «чистых» этнических анклавов. Я видела культурные ландшафты, где греческая церковь, русская школа, болгарский фольклорный ансамбль и украинская хата существуют не как «музей дружбы народов», а как рабочий механизм выживания и развития.

СССР предложил идеологему «семьи народов» — с пафосом, но и с реальной школой, университетами, интернациональными стройками. Сегодня этот опыт нужно не копировать, а переосмыслить. Многояродность как национальная идея — это не про экзотику и не про лозунги. Это про признание того факта, что русская культура исторически существует не вместо других, а вместе с ними. И что сила России именно в этой способности: не унифицировать, а соединять потенциалы разных традиций в общее пространство жизни, труда и памяти.

В моих интервью женщины из Горловки и Енакиево рассказывали, как в бомбоубежищах рядом оказывались люди с разными фамилиями и языками. И никто не спрашивал «кто ты по нации». Спрашивали: «ты живой?» Мне кажется, в этой простоте и есть самое глубокое основание национальной идеи многояродности. Она не требует специальных доказательств. Она требует только одного: чтобы мы не забывали об этом.

Красовицкая Тамара Юсуфовна

д.и.н., г.н.с., проф.

Институт российской истории РАН, Москва
tkrasovitskaya@mail.ru

Хотя в рамках Программы научных исследований, направленных на укрепление общероссийской идентичности, выполнен проект «Критический анализ концепта неокolonизма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития» (2023–2025 гг., руководитель — д.и.н. проф. Д. А. Аманжолова, исполнители — академик В. А. Тишков, д.и.н. проф. Т. Ю. Красовицкая и др.), изданы сборник статей, две монографии, 84 статьи, результаты исследования доложены на 39 международных и всероссийских научных конференциях, конкретно-исторический аспект научного осмысления модного нынче неокolonизма только начинается. Принято решение продлить работу на три года, расширив хронологические рамки и конкретизировав современные ему политические действия и их результаты.

Историческая ситуация всегда несет в себе свои шансы, свои ограничения и свои риски в схватке современных вызовов. Обе стороны указанной проблемы: и именуемые «имперскими экспертами», и активисты концепта неокolonизма понимают исторический процесс *модернизации и как обновление на старой основе, и как процесс, организуемый и решаемый*. Идеологические конструкции, возникавшие в результате распада империй, показывали, что управлять людьми как раньше с помощью традиционных теорий и их практик стало затруднительно. Искалась более удобная конструкция, позвавшая бы повышать социальный или символический статус в ходе присоединения к чему-то долговечному. Для аналитиков важным остается пристальное внимание к культурам как набору сохраненных навыков и опций в рамках жестокой власти над территориями, осваиваемыми элитами. Теория ныне модной интерпретационной исследовательской стратегии превращает дискуссии вокруг неокolonизмальных штудий в «толкотню на методологическом поле». Цели, каждой стороной видимые по-разному, обуславливают характер борьбы: жесткий и многообразный.

Особенности социокультурной жизни различных народов, ценности их этнической психологии, поведенческие системы влияли на модернизационные замыслы элит. Влияние авангардистских концептов и практик на их политические проекты, на смысл и целеполагания властей как в Москве, так и на этнических территориях ни у нас, ни за рубежом не получили исторической оценки. Оценка этого влияния остается уделом искусствоведов и литературоведов, их взглядом из «кулис», причем второго ряда. Теряется специфика смысла авангарда, хотя с первых дней его языком кричали газетные тексты, плакаты, листовки. «...Вместе с людьми митинговали и ораторствовали дороги, деревья и звезды. Воздух из конца в конец был охвачен горячим тысячеверстным вдохновением», — писал в 1956 г. Б. Пастернак. Лидеры авангарда стремились потрясти, шокировать, эпатировать бывшую империю, и им есть чем гордиться. Самому духу авангарда — дерзкому, революци-

онному до воинственности, отчаянно претендующему на новизну, борьбу как за свободу в реальности, так и за право свободного мышления преобладать в новых формах искусства, философии, а, главное, социальных организациях, которые отразят новый индустриальный мир. Авангард моделировал новый язык, новую психику, нового человека, новую культуру, новое общество, принимая вид целого ряда развернутых комплексов: «революция и культура», «искусство и революция», «революция духа», «революция жизни», «революция слова», «революция языка» и другие, бунт против традиции; глубокие изменения в восприятии пространства и времени; формирование ключевой идеи — идеи общества, наконец, грандиозные замыслы по перекройке общества, культуры и человека.

Прагматик Луначарский, до 1917 г. посещающий художественные салоны и выставки в Париже, видел: авангардисты выдвигают Россию в число стран, определяющих уровень мировой цивилизации. Славу ей ковали поляк Казимир Малевич, русские Василий Кандинский и Михаил Ларионов, итальянец Иван Пуни, украинцы Александра Экстер и Александр Архипенко, армянин Георгий Якулов, еврей Марк Шагал, Натан Альтман, Лазарь Лисицкий и др. Для того чтобы свести богатейшую палитру авангардных идей, движений, людских талантов к черно-белому марксизму в большевистском изводе, прагматика выводилась на передний план, сам термин «авангард» брал из коммунистической системы смыслов опыт поведения. О богатстве этнокультурных авангардных практик народов многоязыкой евроазиатской империи мало известно из практики в советских структурах власти (Наркомпросе, например).

На разных окраинах возникали «полезные структуры», притягивающие к себе ресурсы и институты. Спринтерский характер нацмодернизма осваивал средства бури и натиска. Еврейская сборка авангарда Культур-лигой в Киеве с падением черты оседлости открыла возможности и таланты многих лидеров авангарда, в Витебском феномене на границе этой черты отразилась острая борьба К. Малевича и М. Шагала, аналогичная по значимости борьбе Лоренцо с Савонаролой, свою глубину обрели действия грузинских и армянских авангардистов в Закавказье, эмигранты из столиц раскрыли халатный авангардизм Средней Азии, бакинский и белорусский авангардизм и пр. Если внимательно читать этот «правдивый протокол текущего безумия» (А. Бенуа), то советский исторический нарратив 1920-х гг., его содержание, акторы и механизмы конструирования авангардистов преследовали отличные от *пресловутых классовых целей*, сами марксисты воспринимались еще не влиятельной политической силой, а малообразованными угрюмыми радикалами, не расстававшимися с маузерами, но и они не оставляли места в историческом контексте домыслам о новом колонизализме для народов в новом современном государстве.

Лакунова Диана Руслановна

М.Н.С.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
anzva86@gmail.com

Традиция как живая формула единства

В каждом ритуале, от ритуального застолья до обряда первого шага ребенка, заключена не только память предков, но и ответ на вопрос: «Кто мы сегодня?» Традиционные практики не являются застывшим музеем прошлого, это действующий механизм, который ежедневно подтверждает связь между поколениями, историей, территорией и смыслом совместной жизни.

В многонациональной России ритуал всегда выступал универсальным языком соседства. Календарные обряды, свадебные церемонии, семейные обычаи — все они при всей внешней несхожести строятся на общих ценностях: уважении к старшим, заботе о детях, гостеприимстве, памяти о предках. Эти смыслы не разделяют, а соединяют народы в единое культурное пространство. Именно поэтому формула «народы, традиции, ценности» становится объяснительной моделью для истории России: через нее мы понимаем, как сохранялось внутреннее единство при внешнем многообразии.

Однако сегодня этнокультурное наследие сталкивается с вызовами. Урбанизация, цифровизация, унифи-

кация быта упрощают или даже вытесняют сложные обрядовые комплексы. В таких условиях ключевым условием сохранения традиции выступает сам ее носитель, то есть человек, который не перекладывает заботу о памяти на музей или государство, а воспроизводит ее в повседневной жизни. Именно от его осознанного, а не инерционного желания зависит, останется ли обряд живым или превратится в пустую формальность, в дань обычаю, за которой уже не стоит внутреннего содержания. Важно подчеркнуть, что сохранение своей этнической идентичности сегодня не требует самоизоляции, а устойчивость локальной традиции возможна только в диалоге с общероссийской гражданской идентичностью. Многие обрядовые практики адаптируются к современным условиям: празднование национальных календарей в городских парках, семейные ритуалы, вплетенные в общегосударственные памятные даты, молодежные этнопроекты, работающие через социальные сети. Это не размывание, а творческое переосмысление наследия.

Ледяева Мария Юрьевна

аспирант

Томский государственный университет, Томск
ledyaeva_96@mail.ru

«Коренной народ» в евразийском пространстве

Любите Родину. Любите народ русский.

Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины.

Пусть эта любовь научит полюбить и все человечество.

Н. К. Рерих, 1939 г.

В природе существует такой феномен, как добрососедство. Скажем, одно дерево лучше уживается с другим в зависимости от условий. Корни деревьев, трав, цветов при пересечении образуют лес. Впрочем, вне зависимости от данных нами определений, многое существует и будет продолжать существовать объективно: «Имя не есть поименованная вещь».

В алтайском языке существуют несколько терминов, обозначающих «народ»:

1) *калык* — народ, как общность людей с присущими им чертами (пример: «Кажы ла *калык* ангылу» — каждый народ особенный);

2) *албаты* — а) исторически — данник; б) народ, как общество, население (про русских говорят «орус *албаты*»; «*Албатым* эзедип айтканы» — из сказанного моим народом); также в словаре встречаем в отношении какого-либо этноса употребление «калык» и в скобках указано «албаты»), а «ас албатылар» — малые народы. В древнетюркском

словаре *alban* [монг. *Alba(k)*] обозначает повинность, а также присутствует слово *bod* в двух значениях — как тело, туловище, стан, фигура, и как племя, род.

3) *Эл – јон* — население государства. Примеры из русско-алтайского словаря: «Алтайцы» — мн. алтайлар, алтай *калык*; Карелы — карел *калык* (албаты); «Коренной народ» — *ос калыктар*; народ ж. албаты, калык, калык-јон; *эл-јон*; «российский народ» — Россиянын *калыгы*; (население) *эл-јон*; эрзя ж.; собир. эрзялар (мордва укту *калыктын бир бөлүгү*); язык эрзя эрзялардын тили; Албаты јон — много людей. На Алтае меня представляли во время знакомства «эрзя кижй», буквально — эрзянский человек, поскольку я эрзя.

В эрзянском языке «народ» обозначается как «сымераське», где «сыме» — «род, поколение», а «раське» также имеет значение «потомков», «народа», «племени». Неродной или чужой в русско-эрзянском словаре обозначен отдельным термином «асодавикс». При этом для обозначения некоторых народов используются определенные термины, так, например, чувашин на эрзянском — «ветьке», русские — «рузт». Данные сведения открывают вопросы и этимологического, и исторического плана. Именование «другого» часто была извне в зависимости от языка, положения в обществе, места расселения.

Очевидно, учитывая этнические процессы, конечно, есть ареалы, где одни этносы исторически проживали и формировали свою культуру жизнеобеспечения этноса последние тысячелетия. То есть мы понимаем, что правомерно называть, скажем, ижор (тех, кого мы сейчас знаем, как ижор) коренным населением северо-запада России, так как они формировались на северо-западе с довольно давних времен, то есть «пускали корни». Можно говорить, что ижоры и их предки — коренное население этих земель, скажем, а не теленгиты, которые, если мы говорим о «корнях», пускали свои «корни» и расширяли их на юге современной Сибири, на севере современной Монголии, хотя и в ходе миграционных процессов, и в других территориях.

Словом, и эрзя, и ижоры, и алтайцы, и татары, и кумандинцы (перечислены современные этнонимы), и чуваш, и мари — коренные народы современной России, если мы хотим оставить за основу термин «корень», который подразумевает как бы основу, но, если мы примем во внимание, что этот термин из ботаники, важно понимать, что один корень всегда имеет «придаточные».

В зависимости от природно-климатических условий формировались и особенные типы традиционных заня-

тий, а значит, так или иначе, определение каждого этноса как коренного на определенной территории позволяет ему, во-первых, благодаря многовековому опыту данную территорию сохранять по возможности в благопристойном виде, во-вторых, осмыслять себя коренным на определенной локальной территории, позволяет в принципе сохранять свою культуру, себя как народ, передавать историю через эпос, предания, передавать опыт через труд и ценности. Психологически легче сознавать свои корни локально и уже впоследствии — общегосударственно.

Корни наших народов переплетены, знание истории, безусловно, не позволит считать эвенов коренным населением земель современной Нижегородской области, при этом можно считать их коренным народом Евразии в принципе и впоследствии — России в частности. История формирования этносов и их контактов объемна, каждый чувствует свои корни, уважает их, зачастую пуская свои собственные в новом месте, а мысль уважения, направленная в корни предыдущих и предстоящих поколений, формирует настоящее и паритетные межэтнические отношения.

Лобатюк Виктория Валерьевна

к.с.н., заместитель директора по научной работе Гуманитарного института
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург
vlobatyuk@yandex.ru

Русский народ исторически формировался не просто как этническая общность, но как самостоятельная цивилизация, объединяющая множество культур и ландшафтов единым духовным кодом. Сегодня эта цивилизационная самобытность проходит проверку на прочность в условиях глобальной трансформации. Процесс создания универсального культурного эталона неизбежно ведет к размытию этнической памяти и вытеснению локальных кодов из повседневной жизни. Угроза исчезновения тысяч языков и насаждение глобальной массовой культурой единых моделей поведения представляют собой прямой вызов русскому миру, чья сила всегда заключалась в умении впитывать и творчески переосмыслять иное, не теряя собственного лица.

Ключевым ресурсом для сохранения цивилизационной матрицы в этих условиях становится наследие фольклора. Массовая культура через кинематограф и мультипликацию создаёт эмоционально насыщенные, но унифицированные образцы «нормального», разрывая преемственность поколений. В ответ на это выкристаллизовывается потребность в создании собственного визуального и смыслового пространства. Именно здесь и раскрывается цивилизационная самобытность русского народа. Мы наблюдаем не просто реставрацию старых форм, а актуализацию фольклорных мотивов в современной анимации, моде и дизайне. Русский народный

костюм, языческая символика и архетипы сказок перестают быть музейным артефактом и становятся живой альтернативой унифицированным стандартам глобализма, формируя ту самую этнокультурную идентичность, которая позволяет отличить «свое» от чужеродного.

Однако самобытность требует осознанного подхода. Фольклор русского народа — это сложное переплетение смыслов (языческих, христианских, исторических и т. п.). В условиях информационной войны и глобальной трансформации именно образование становится критическим институтом фильтрации и осмысления этого наследия. Преподаватель в университете или школе выступает уже не просто транслятором фактов, а проводником, отделяющим ценностное ядро традиции от манипулятивных трактовок. Только через глубокий анализ сюжетов и символов в академической среде можно выработать устойчивость к внешним вызовам.

Таким образом, цивилизационная самобытность русского народа в XXI в. зависит от способности перевести фольклорное наследие из статуса архивной записи в статус живого ресурса гражданской идентичности. Образовательное и культурное пространство должно стать той средой, где традиция переосмыляется как действенный инструмент строительства будущего, сохраняющего историческую глубину и внутреннее многообразие перед лицом глобального унифицированного шаблона.

Лыскова Ольга Валерьевна

к.и.н., д.с.н., доцент, проф.

Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, Саратов

Этнокультурный туризм как механизм актуализации, сохранения и трансляции наследия российских регионов

Любовь к Родине начинается с путешествий по ней. Современный российский туризм многогранен, он тесно связан с такими социальными феноменами как традиционные ценности, этнокультурная идентичность, человеческий капитал, качество жизни.

В 2025 г. развитие туризма в российских регионах сформировало многоплановую картину: количество турпоездов по стране оценивается в 94–97 млн, что соответствует росту на 5 % по сравнению с 2024 г. Главными драйверами становятся такие виды туризма как этнокультурный, событийный, экологический, гастрономический, промышленный.

Этнокультурный туризм занимает особое место в типологизации видов туризма, он сопряжен со многими другими видами и формами туризма, но имеет свои характеристики и особенности. Культурное своеобразие и самобытность народов лежат в основе искреннего интереса туристов и путешественников к этнокультурному туризму.

Современный туризм позволяет человеку знакомиться с этнокультурным многообразием России, осваивать новые социальные роли, качественно изменять свою жизненную стратегию. Научные исследования этнокультурного туризма имеют концептуально важное значение для развития туристического потенциала российских регионов, актуа-

лизации, сохранения и трансляции наследия коренных народов, последовательного развития межкультурного диалога. У каждого российского региона своя особая архитектура этнокультурного пространства, приоритетные задачи и проекты, под которые собираются команды профессионалов и единомышленников. Именно они развивают туризм, способствуя сохранению традиционных ценностей и этнокультурной идентичности.

Как приоритетное направление этнокультурный туризм включает поездку в места проживания совокупности людей, имеющих самобытную духовную и материальную культуру, располагающих уникальным наследием, которое раскрывает особенности региона. Основными формами этнокультурного туризма являются этнографические музеи-заповедники, выставки и экспозиции, посвященные национальной культуре, этнографические деревни и локация, театрализованные праздники, фестивали, этнические туры. Появляются и новые форматы, связанные с особенностями истории, традициями, реальными людьми или фольклорными персонажами.

Многочисленные примеры конструктивных практик этнокультурного туризма в российских регионах позволяют с оптимизмом смотреть на его развитие в сквозной перспективе: прошлое — настоящее — будущее.

Мазалова Наталья Евгеньевна

д.и.н., с.н.с.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
mazalova.nataliya@mail.ru

«Петербургская мифология»: масштабирование этнопроекта

Петербургская мифология — уникальное, неповторимое фольклорное и художественное явление, которое определяет самобытность культуры Санкт-Петербурга и является одним из факторов формирования культурной идентичности петербуржцев.

Исследование петербургской мифологии может быть представлено в виде этнопроекта с использованием концепций «экономики впечатлений» и проектного масштабирования. Под масштабированием этнопроекта следует понимать процесс значительного увеличения масштабов и направлений этнопроектирования. Масштабирование процесса этнопроектирования осуществляется в следующей последовательности: проект — программа — портфель проектов.

Основная цель этнопроекта — в едином выставочном (культурном) пространстве провести «соположение» различных видов искусства: визуальный — художественную фотографию, видеопрезентацию, кукол (ДПИ), иммерсивного театра, вербального — нарратива городского фольклора для создания «объединенного произведения искус-

ства», «единого произведения искусства» (Gesamtkunstwerk), что поможет представить особенности петербургской мифологии и создать сложный художественный образ Петербурга.

Первый проект существовал как научно-выставочный проект «Современный северный европейский город: визуальный образ и слово» (МАЭ РАН), он состоял из художественной фотографии, видеопрезентаций и нарративов петербургской мифологии. На основе проекта была разработана учебно-образовательная программа «Управление проектом: выставочное пространство как инновационный продукт» в СПбГЭУ.

В 2018 г. проводился выставочный проект «Северный город. Образ и Слово» (МАЭ РАН и Объединение кукольников Санкт-Петербурга), в котором были представлены ДПИ-куклы; графика — художественная фотография; аудиовизуальная — видеопрезентация, а также вербальные (тексты).

В 2022 г. проект «Легенды и предания Санкт-Петербурга» (автор Н. Е. Мазалова) был впервые признан

объектом нематериального культурного наследия РФ и вошел в «Антологию народной культуры» 100 ключевых объектов нематериального этнокультурного достояния народов РФ.

На основе этого проекта в Доме народного творчества и досуга проводились выставки художественной фотографии, работ народных художников, иммерсивные спектакли на тему «Петербургская мифология», интерактивно-образовательный квест «Санкт-Петербург. Легенды и предания» с демонстрацией интерактивного фильма в полнокупольном кинотеатре.

Развитие проекта «Петербургская мифология» может быть следующим: размещение фотовыставок с текстами в гостиницах, с использованием новейших компьютерных технологий, полнокупольных кинотеатров с просмотром

фильмов, проведение спектаклей кукольного, иммерсивного театра, в культурных, торгово-развлекательных центрах Петербурга, аэропортах, вокзалах и др. Все это позволит туристам глубже знакомиться с культурным кодом города.

Выставочную услугу можно классифицировать как особый вид креативного экономического предложения — впечатления. Проекты, входящие в «портфель» этнопроектов «Петербургская мифология», следует классифицировать как инновационные. Экономическая сторона управления инновационными этнопроектами и их масштабирование заключается в возможности самостоятельного установления цены предложения инновационного продукта, обеспечивая постоянные доходы и управляемое развитие этнопроектов.

Манчын Экер-оол Маринович

Полномочный представитель Главы Республики Тыва в Верховном Хурале (парламенте)
Аппарат Главы Республики Тыва, Кызыл, Республика Тыва
e.manchyn@yandex.ru

Народы-атомы и народы-молекулы

«Коренные малочисленные народы России — это этнические общности, которые проживают на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняют традиционный образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, осознают себя самостоятельными этническими общностями и насчитывают в России менее 50 тысяч человек» (ФЗ «О коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ»).

Моя мать по роду своего отца относится к тувинскому роду «хертек». Если покопаться в истории, хертеки восходят к кераитам, по одним сведениям монголоязычным, по другим источникам — тюркоязычным врагам Чингисхана. Последний одолел их в многолетнем противоборстве, в связи с чем кераиты исчезли, но на территории нынешней Тувы с тех пор появились хертеки (возможно, этноним появился в результате соединения слов «кераит» и «ук» (происхождение), т. е. первоначально было «кераит-ук», позднее — «херт-ук», а затем стало звучать уже как «хертек».

Примерно таким же образом появился тувинский род «иргит». В XI в. многочисленное племя меркит враждовало с тайчиутами, в том числе с входившим в его состав родом «киат», из которого происходил отец Темучина Есудей-маадыр. Потерпев сокрушительное поражение от Чингисхана, меркиты загадочным образом исчезли, зато появился род «иргит». Возможно, поначалу потомки остатков народа меркит именовались «меркит-ук» («происходящие от меркитов»), со временем превратившись в «иркут», от которого пошла именоваться река Иркут, в бассейне которой находились их родовые кочевья. У бурят есть род «эхирит», и я не исключаю, что он тоже произошел от остатков меркитов.

Иргиты в настоящее время живут в Туве вдоль всей границы с Монголией, и в числе прочих разводят яков (сарлыков), а яководство — это один из видов традиционного хозяйствования, наряду с оленеводством, овцеводством и коневодством — кочевыми видами животноводства.

И вот что интересно! Где хертеки, там и иргиты, а где иргиты, там рядом всегда найдется хоть несколько семей хертеков. В связи с последним наблюдением у меня недавно родилась такая этнологическая гипотеза (если хотите — прозрение!).

В глубокой древности (хронологию которой ещё предстоит установить) появляется некий народ (а может племя или род), настолько автономный, самодостаточный, оригинальный, что мы его можем условно назвать «народ-атом». В ходе исторического взаимодействия он соединяется с другими «народами-атомами», и появляются уже самые разнообразные «народы-молекулы». «Народы-молекулы», подчиняясь неким законам «этнографического сродства», могут как создавать более крупные этнообразования, так и распадаться на более мелкие. Что-то аналогичное химическим соединениям: щелочи, кислоты, радикалы, основания.

Помню, в далеком советском детстве, я жил в советском бараке, и в нашем советском дворе играла советская детвора: русские, тувинцы, башкиры, украинцы, буряты, а также загадочные саамы. Все это мы выяснили, сидя на крыше сарайчиков, принадлежащих всем обитателям нашего барака. Мы по очереди опрашивали друг друга и дошли по кругу до Лёхи Хайдаршина. И вот Лёха на одном дыхании выпалил: «У нас папа татарин, мама тувинка, а мы с Элькой (его старшая сестра) — хакасы». Весь двор, прислушивавшийся к нашему диспуту, так и грохнул от хохота.

А сейчас я вполне серьезно думаю, что Лёха сделал гениальную оговорку-догадку о том самом законе этнографического сродства народов. Я немного знаю хакасский язык, чуть меньше татарский, и на основе этого имею смелость заявить, что хакасский язык на 70 % состоит из слов, родствененных татарским, и на 30 % из слов, родственным тувинскому.

Мартынова Марина Юрьевна

д.и.н., г.н.с., проф., заслуженный деятель науки РФ
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
martynova@iea.ras.ru

Инжиниринг этничности через управленческие стратегии (примеры из российского и международного опыта)

В последние десятилетия в России, с ростом значимости рыночных отношений, прикладное значение этнологии/антропологии существенно расширилось и разнообразие сфер практического применения этнологических/антропологических знаний возросло. Сегодня уже никто не воспринимает этнологию как науку об экзотических народах. Параллельно с преобразованиями социальной действительности происходит пересмотр ее предметной области, связей и отношений с другими отраслями знания, а также прикладных функций. Хотя общеизвестно, что этнология имела практическую направленность даже тогда, когда она еще не сложилась как особая дисциплина. И в те времена работы ученых были ориентированы на изучение «туземных народов» с целью выработки способов управления ими. В наши дни этнология/антропология также помогает управлять обществом. Многие концептуальные наработки широко дискутируются и в то же время оказываются востребованы властью.

Несмотря на то что среди ученых, занимающихся этнической проблематикой, нет единого мнения относительно того, насколько этнические исследования должны быть привязаны к политике и на каких сферах пересечения этничности и политики следует сосредоточить исследовательский интерес, изучение этнических сообществ и этнополитических проблем во многих странах мира, в т. ч. и в России, перестало быть сферой только научного интереса. Сегодня этнологическая экспертиза стала частью политического менеджмента. Надо сказать, что жанр докладных записок для различных государственных структур был весьма востребован и в советское время. Правда, тогда они не печатались. Об их высоком научном

качестве можно судить по востребованности старых текстов сегодня. ИЭА РАН издал архивные материалы в нескольких сборниках научных экспертиз по народам Севера и Сибири.

В наши дни в условиях гласности многие экспертизы публикуются. Можно сказать, что жанр прикладных и экспертных научных разработок по неотложным этническим проблемам утвердился и завоевал общественное признание. Аналитические материалы, подготовленные нашими специалистами, поступают в министерства и ведомства страны. Среди позитивных примеров изданий, ориентированных на практику, можно назвать серию аналитических докладов «Исследования по прикладной и неотложной этнологии». С 1990 г. опубликовано около 240 брошюр, важных для прогнозирования межэтнических отношений и профилактики конфликтов.

В публикациях Сети этнологического мониторинга и РНЦ находят отражение особенности этнического состава, демографические характеристики, миграционные процессы, культурная инфраструктура населения, положение этнических меньшинств, деятельность общественных и политических организаций, социальный и этнический состав политических движений, их влияние на массовое сознание и др. Особое внимание уделяется этнополитической ситуации в различных регионах России. Публикуемые этнологами материалы находят применение в деятельности политиков и политологов, социологов и экономистов, журналистов, органов законодательной и исполнительной власти. ИЭА РАН внес серьезный вклад в научное обеспечение многих вопросов государственной политики и управления в этнической сфере.

Молданов Тимофей Алексеевич

к.и.н., н.с.
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск
moldanov@gmail.com

В нашей стране живут представители 190 народов. Мало кто из нас знает их все — Россия огромна. Процветание и развитие здесь возможны только тогда, когда люди умеют договариваться и чувствовать общую судьбу.

Как сделать так, чтобы мы — представители разных культур и соседи по одной земле — действительно ладили друг с другом? Надо познакомить нас друг с другом и показать, в чём мы похожи. Различия часто видны сразу, а вот научиться замечать общее — это уже задача. Иногда кажется, что некоторые народы неохотно открывают свою культуру: «здесь тебе покажем, а здесь не покажем». Чаще всего это не скрытность, а бережное отношение к своим

корням, уважение к наследию. Не всякую святыню и не всякую память стоит выставлять на всеобщее обозрение. Однако у такой защиты есть обратная сторона: риск непонимания на стыке культур, а в долгой перспективе — угасание самих традиций.

Каждый народ заинтересован в том, чтобы его культуру уважали. Однако уважение не может родиться врозь — его можно строить только всем вместе. Самое главное — не прятать сокровища разных традиций по закромам, а показывать их друг другу, вместе создавать возможность для других людей узнать о наших традициях, об особенностях той культуры, к которой мы принадлежим. Помогать другим

народам рассказывать о себе и своем наследии. Уважать законы тех культур, земли которых мы посещаем — от Чукотки до Северного Кавказа.

Этнические фестивали, настольные обучающие игры, образовательные проекты и школьные уроки о культуре соседей — это тот вклад, который поможет людям по чуть-чуть понимать друг друга.

Важно различать терпимость и солидарность. Терпимость — это когда я оставляю соседа в покое. Солидар-

ность — когда я защищаю его право носить традиционную одежду, говорить на своём языке или проводить свои традиционные праздники. Это уважение к своей культуре и культуре других.

Настоящая солидарность — это совместная работа над общим будущим, где каждый узнаёт свой почерк в общем узоре. И тогда люди перестанут бояться, что кто-то «рас-топчет» их традицию, потому что она станет живой.

Молчанова Татьяна Вячеславовна

к.и.н., доцент

Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург
molchanova_tania@mail.ru

Несмотря на то что в настоящее время существует обширное количество научной и учебной литературы, в которой разъясняется сущность обсуждаемых понятий, каждый автор (ученый) оставляет за собой право давать собственную интерпретацию категорий. Терминологическое творчество присуще и политическим деятелям. В качестве примеров укажем работу И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.), в которой термин «нация» представляется через следующие категории:

- общность языка;
- общность территории;
- общность экономической жизни;
- национальный характер.

При этом в работе пояснялось, что ни один из указанных признаков, взятых по отдельности, недостаточен для определения нации. Более того — достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, и нация перестает быть нацией.

Примечательно, что после того как в 1953 г. в Китае было опубликовано полное собрание сочинений И. В. Сталина на китайском языке, данное им определение стало широко

цитироваться в Китайской Народной Республике. Однако китайским коллегам фактически сразу стало понятно, что сталинское определение нации не соответствует китайской действительности и его следует модифицировать. В частности, выдающийся китайский антрополог Фэй Сяотун (1910–2005) вводит понятие *чжунхуа миньцзу* (китайская нация). Согласно его позиции, в ранний период истории образовалась общность *хуаяся*, которая «подобно катящемуся снежному кому, увеличивалась в размерах в результате поглощения окружающих его иноплеменников».

Таким образом, китайская терминология для определения термина «нация» убрала европейский формат ее соотношения с государственным компонентом. Если в русском языке продолжал существовать ряд терминов, обозначающих этнические общности (такие как народ, нация, национальность, этнос и др.), то в китайском языке они традиционно передаются словом «миньцзу». В 1953 г. Мао Цзэдун относительно определения термина «нация» дал четкие указания: «научный анализ возможен, но в политическом отношении не нужно разделять на нацию, народность и племя».

Москалев Артемий Александрович

Патриотический клуб «Синергия.Сокол», Москва
victory0@yandex.ru

Когда говорят, «Россия — страна народов», часто это звучит как строчка из отчета или лозунг для праздничного концерта. Но если отбросить казенщину, многонародность — это, пожалуй, единственная наша реальная «идея», которую не придумали в кремлевских кабинетах. Она просто есть. Как Уральские горы или разлив Волги.

В советское время из этого сделали конструктор: «дружба народов» работала как технология управления. Но сейчас-то мы видим, что корни глубже. Российская империя была не плавильным котлом, а скорее лоскутным одеялом. И парадокс в том, что это одеяло держалось не только на насилии. Татары и калмыки, народы Кавказа и финно-угры — у каждого своя память, свои обиды, но есть и странное, труднообъяснимое умение жить в одной широте. Переселенцы с Вятки и казахи в степях Оренбуржья за пару поколений начинали понимать друг друга без перевода — не потому что язык учили, а потому

что степь, зима, сенокос и начальник-самодур одинаковы для всех.

Конкурентное преимущество? Оно не в экономике. Попробую объяснить. В мире, где набирают силу этнические чистки и границы по принципу «один народ — одно государство», Россия выглядит арханкой. Но в этой арханке — наш шанс. Мы привыкли к тому, что сосед может говорить на другом языке и молиться иначе. Для европейца это часто вызов. Для русского из Башкирии или дагестанца из Нальчика — норма. У нас нет «культурного однообразия» как ценности. И это, как ни странно, снижает внутреннюю напряженность. Тот, кто вырос в многоголосье, меньше боится чужого.

Другой момент — «потенциалы разных народов». Звучит как штамп, но за ним стоит простая вещь: татары без своей предпринимательской хватки, северные народы без уникального опыта выживания в вечной мерзлоте, че-

ченцы со своим кодексом чести — все это ресурсы, которые не перекачашь по трубе. И когда говорят о «российской нации», важно не переживать эти культуры в фарш. Российская идентичность работает, только если она многослойная. Я могу быть русским и при этом понимать, почему для моего соседа ингушского происхождения важен «Аьлла» (обычай взаимопомощи). И это понимание не размывает мою русскость — она делается сложнее, объемнее.

Сейчас, на фоне СВО и санкций, много разговоров о «единстве». Но единство, построенное на страхе перед внешним врагом, ломкое. А то, что выросло из бытового соседства — из общей беды, из совместного восстановления после паводка, из банальных школьных выпускных

в маленьком городе, — вот это работает. Вспомните Донбасс: там десятилетиями жили бок о бок и не думали о «титულной нации». Пока не пришёл внешний удар.

Проблема в другом. Эту идею многонародности у нас либо превращают в советский ритуал («сабантуй дружбы»), либо отдают на откуп националистам всех мастей. Но если честно: России нечем заменить эту многонародность как национальную идею. Либерализм? Не прижился. Державность? Пустой звук без живого наполнения. А вот «страна, которую мы удержали, потому что разные народы решили остаться вместе» — это не лозунг, это исторический факт. Только говорить о нём нужно без фальши. И без попыток сделать кого-то «равнее».

Мухина Зинара Зиевна

д.и.н., проф.

Старооскольский технологический институт (филиал) НИТУ «МИСИС», Старый Оскол
mukhiny@mail.ru

Фундаментальной основой национальной идентичности является сохранение ценностей традиционной культуры народа, транслируемых через историческую память. В 2023 г. во всех вузах РФ был введен курс «Основы российской государственности» (ОРГ), в котором особое внимание уделяется представленным на Этнофоруме ключевым темам. В концепции курса ОРГ указывается на необходимость наряду с классическими методиками образования использовать разные форматы взаимодействия, в том числе исследовательский, проектный и диалоговый подходы.

В Старооскольском технологическом институте (филиале) НИТУ «МИСИС» на кафедре гуманитарных наук создана Лаборатория по изучению истории и культуры Оскольского края, в работе которой принимают участие преподаватели, студенты, краеведы, а также все, кто интересуется региональной историей и краеведением. Особое внимание уделяется повышению уровня информированности молодежи о значении традиционных ценностей, самобытной культуре края. В рамках деятельности лаборатории и реализации проекта «Наш общий дом — Россия» издаются монографии по местной истории и научный альманах «Оскольский край», проводятся мероприятия (круглые столы, встречи с краеведами, конкурсы, «музейные уроки», выставки мастеров декоративно-прикладного искусства, мастер-классы с народными мастерами, выступления фольклорных ансамблей региона и др.).

Оскольский край, как и Белгородчина — это уникальный регион с многовековой историей, переплетением

и взаимопроникновением различных культур. И сегодня этнографы называют Белгородчину «заповедником народного костюма». До наших дней сохранились три варианта комплексов традиционного русского народного женского костюма из тех четырех, что были распространены в России. Женщины с. Роговатое и в настоящее время являются хранительницами старинного понёвного костюма, используемого в качестве образца современными мастерами-игрушечниками, создающих как глиняные игрушки, так и тряпичные куклы в традиционной одежде. Исследования региональной сельской культуры свидетельствуют о том, что появляется тенденция моды на традиционную одежду. Так, например, традиционный поневный костюм женщин конца XIX в., сохранившийся в сундуках местных жителей с. Роговатое, пользуется спросом не только у участников местного фольклорного ансамбля, но и у молодых женщин, идущих на сельскую свадьбу, участвующих в других местных семейных и общественных праздниках. В повседневную и праздничную трапезу в селах включают кушанья, приготовленные по старинным рецептам, как, например, роговатовская «кятанка».

В Старом Осколе сохранились названия слобод, которые когда-то были отдельными поселениями, но в конце 1950-х гг. вошли в состав города и стали условными районами города: Стрелецкая, Пупкарская, Казацкая, Ездоцкая, Ямская, Ламская и другие слободы, названия которых связаны с историей освоения территории Белгородской области в XVII в. и защитой южных границ государства, они часто назывались по роду службы первых жителей.

Никитин Доржа Олегович

Президент Ассоциации КМНС Сибири тувинцев-тоджинцев «Тос-Бору», председатель
Община «Пор-Бажын», Кызыл, Республика Тыва
krk_tx@mail.ru

Хранитель земли тоджинцев — многогранное служение Доржа Никитина

В сердце Азии, среди суровой, но прекрасной природы Тоджи и Тере-Холя, живет народ, чья жизнь тысячелетиями была неотделима от оленя, яка и ритмов кочевий. Тувинцы-тоджинцы — одни из тех, кому удалось пронести свою уникальную культуру сквозь XX век, но кто в XXI веке столкнулся с новыми вызовами: утратой сакральных мест, забвением диалектов и недоступностью качественной медицины для кочевников. Человеком, который не просто говорит о проблемах, а системно меняет реальность, является Доржа Олегович Никитин — Президент Ассоциации КМНС Сибири тувинцев-тоджинцев «Тос-Бору» и председатель общины «Пор-Бажын».

Социальный прорыв: здоровье кочевников — приоритет государства

Одним из самых ярких и жизненно важных достижений Доржа Никитина стало заключение исторического соглашения с Министерством здравоохранения Республики Тыва. Благодаря его настойчивым ходатайствам, оленеводы, яководы и чабаны — люди, чей труд проходит в экстремальных условиях отдаленных пастбищ, — получили возможность лечиться стационарно в Республиканской больнице № 2. На первый взгляд, это просто бюрократическая формальность. Но за ней стоит спасение жизней, возможность для кормильцев семей пройти полноценную диагностику и терапию без многомесячных очередей и отрыва от промысла. И здесь Доржа выступил не просто просителем, а искусным переговорщиком, сумевшим объединить интересы регионального исполкома партии «Единая Россия» и Агентства по делам национальностей. Это пример зрелой, прагматичной политики, где лоббирование интересов малого этноса приносит реальный социальный эффект.

*Сакральная география:
проект «Сохранение культовых мест»*

2023 г. стал знаковым: община «Пор-Бажын» под руководством Никитина выиграла Президентский грант. Проект по сохранению культовых мест Тере-Хольского района — это не просто установка стендов. Это кропотливая антропологическая работа. Доржа Олегович сумел систематизировать уникальные знания о 38 сакральных объектах — горах, перевалах, источниках, где духи-хозяева местности требуют особого ритуала.

Что сделал проект? Он передал молодежи и всем желающим «код поведения»: как поднести *далган* (муку) или *чалбарыг* (молитвенные слова), как попросить удачи на промысле. Установка информационных стендов на пяти культовых хребтах превратила стихийное почитание

в осмысленное действо. А участие в конкурсе «Священные легенды родного края» позволило увековечить топонимы и предания, иначе канувшие бы в лету.

Мобилизация традиций:

«Наследие предков» против суровых морозов

Грант 2024 г. «Наследие предков» раскрыл Доржа Никитина как блестящего этнографа-практика. Он не просто показал зрителям экзотическую обувь *мойтак* или овчье пальто *негей тон*. Он продемонстрировал забытую инженерную мысль предков.

Зрители проекта увидели полный цикл рождения одежды: выкурка кожи дымом, окрашивание отваром коры лиственницы, выделка шкуры ягненка для шапки *хураган кежи борт*. Но ключевой момент — исторический контекст. Доржа Олегович убедительно доказал, что именно *мойтаки* и *негей тоны* спасали бойцов-тувинцев и их сослуживцев в лютые морозы на фронтах Великой Отечественной. Узнав о свойствах этой экипировки, советские заводы начали шить альтернативные бурки и офицерские полушубки. Проект восстановил справедливость: победа ковалась не только оружием, но и мудростью кожевников Тувы.

Цифровое сказание: «Легенда земли Тувы»

Нельзя сохранить культуру, не слыша ее голоса. Новый проект Доржа Никитина — «Закладка-легенда тувинцев-тоджинцев» (2025 г.) — это мост между арханкой и технологиями. Идея гениальна в своей простоте: на памятных местах или предметах размещается QR-код, ведущий к аудиозаписи. Но это не просто «аудиогид». Это лингвистическое богатство: легенды звучат на четырех диалектах — тере-хольском, эрзинском, монгун-тайгинском и, конечно, тоджинском. Сегодня, когда молодые тоджинцы все чаще переходят на литературный тувинский или русский, услышать предание на родном говоре предков — значит пережить глубокое культурное потрясение, ощутить неразрывную связь времен.

Заклучение

Доржа Олегович Никитин — редкий тип лидера, который одинаково успешно действует в кабинетах власти (добиваясь медицинских соглашений), в тайге (обучая обрядам на перевалах) и в цифровом пространстве (с QR-кодами). Его деятельность — это триединый подход: тело (лечение оленеводов в больнице), материя (возрождение древних технологий шитья *мойтак*) и дух (фиксация сакральных легенд). Это человек, который не позволяет суровому времени стереть очертания родины тоджинцев с культурной карты России.

Никонова Людмила Ивановна

д.и.н., в.н.с., проф.

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, Саранск, Республика Мордовия
congress7@list.ru

Этнопроект в науке и практике: на примере изучения традиционной культуры мордовского народа

Изучение самобытной этнической культуры мордовского народа Российской Федерации — важное и актуальное направление региональной и отечественной этнологической науки. Это обусловлено тем, что мордва является крупнейшим народом финно-угорской языковой семьи в нашей стране, сумевшим сохранить богатейшее культурное наследие и национальное самосознание. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность мордовского населения России составляет 484 450 человек.

Мордовский народ принадлежит к числу дисперсно расселенных этносов, что стало причиной активных работ этнографов с целью освещения проблем его расселения, вопросов традиционного хозяйства, культуры и быта. Первыми регионами исследования мокши и эрзи стали Самарская и Оренбургская области (1986), затем Пензенская область (1991), Башкортостан (1997). В 2001 г. изучение мордовской диаспоры получило новое продолжение и обрело современное содержание в рамках научного проекта «Мордва России» (рук. — д.и.н. проф. Л. И. Никонова). Концептуально данный проект был расширен за счет включения в сферу научных интересов ученых института вопросов, связанных с характеристикой общественных и семейных отношений, этнокультурной адаптации представителей мордовского народа, сохранением традиций в материальной (жилище, пища, одежда) и духовной (народные знания, обряды и праздники) культуре, анализом современных социально-экономических и культурных преобразований системы их традиционного жизнеобеспечения. С 2001 по 2018 гг. было организовано и проведено более 25 экспедиций (рук. — д.и.н. проф. Л. И. Никонова) по Алтайскому, Красноярскому, Пермскому, Хабаровскому краям, а также Кемеровской, Камчатской, Иркутской, Саратовской, Тюменской, Свердловской, Курганской, Челябинской, Омской, Томской, Новосибирской, Московской, Рязанской, Владимирской, Калининградской областям, Чувашской Республике, Республике Татарстан, Республике

Хакасия, Республики Саха (Якутия), Арктике, Республике Крым и Севастополь и др.

Результатом исследований стало издание ряда коллективных монографий в серии «Мордва России», выпущенных в период с 2007 по 2025 гг. Основные выводы, сделанные авторами серий монографий хранящихся в библиотечном фонде и свободном доступе НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (см. сайт: niign.ru), имеют большое значение для дальнейшего изучения традиционной культуры мордвы в целом по России и за рубежом, дают опору и толчок другим исследователям при изучении народов любого региона.

Высокая значимость проводимой этнографами института работы по изучению мордовской диаспоры нашла отражение во включении проекта «Мордва России» в перечень мероприятий государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия», реализуемой Министерством по национальной политике Республики Мордовия в соответствии с Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации. Реализация проекта играет большую роль в сохранении и дальнейшем развитии национальной культуры мордовского народа. Книги серии «Мордва России» многократно побеждали в номинациях «Лучший издательский проект», «Лучшая научная монография», «Лучший учебник, учебное пособие» на Всероссийских и Международных конкурсах (2010–2018) и др.

Единение — тесная связь, основанная на общности взглядов, целей, интересов; сплоченности, солидарности. В этнографическом смысле единение — это процесс объединения, слияния, взаимодействия различных этнических групп, имеющих общие цели и интересы, в единую общность на принципах равноправного партнерства и уважения. Единение может успешно идти только при полномочном национальном, этнокультурном многообразии. Серия книг «Мордва России» выполняет эту сложную задачу.

Павлова Анастасия Олеговна

Член Экспертного совета, Проектный офис развития Арктики,
член Русского географического общества,
Санкт-Петербург
nastya-pr@mail.ru

Позвольте мне затронуть тему исторической самобытности и понятие «коренные малочисленные народы Севера», поскольку я специализируюсь на народах Арктической зоны Российской Федерации.

КМНС представляют собой уникальные этнические группы, которые на протяжении веков успешно адаптиро-

вались к суровым условиям многолетней мерзлоты. Их образ жизни глубоко интегрирован в арктическую экосистему: оленеводство, охота, рыболовство и собирательство всегда обеспечивали им выживание. Традиции передаются из поколения в поколение, формируя самобытную культуру, основанную на уважении к природе.

На протяжении тысячелетий восточнославянское общество расширяло свои границы, интегрируя в себя различные группы людей, занимающихся охотой, собирательством и скотоводством. Неоднократно власти и ученые возвращались к изучению и попыткам преобразовать жизнь КМНС. Однако среди всех народов, входящих в состав Российского государства, именно северные этносы оказались наиболее устойчивыми к реформам и переосмыслению своей культуры и образа жизни.

Классификация «народы Севера» и «малые народы или коренные народы Севера» была официально утверждена в 1920-е гг. Национальная принадлежность этих народов определялась государственными органами на основе традиций, лингвистических и этнографических данных. Хотя ни один из этих критериев не был отчетливо сформулирован, сама практика выделения заполярных собирателей и оленеводов в отдельную категорию никогда не подвергалась сомнению.

С 1990-х гг. в стране велась разработка комплекса законов и нормативных актов, которые охватывают вопросы природопользования и защиты традиционной хозяйственной деятельности. КМН в первую очередь защищены Конституцией: государство гарантирует им права в соответствии с общепризнанными принципами и нормами

международного права, международными договорами РФ. Кроме того, конституционная норма дополнена частью, устанавливающей государственную обязанность защищать и гарантировать культурную самобытность всех народов и этнических общностей страны.

Сегодня к КМН по законодательству относятся 47 народов, численность которых составляет менее 50 тыс. человек. В Арктической зоне проживает порядка 19 народов.

По данным последней Всероссийской переписи населения, в 2010–2021 гг. численность 30 этносов Дальнего Востока, Сибири и Урала сокращалась. Положительная демографическая ситуация наблюдалась только у 11 народов, в числе которых ненцы, долганы, эвенки, чукчи и ханты. Также был отмечен структурный рост населения с помощью языками малых народов, что свидетельствует о росте этнического самосознания.

В то же время существует и другая тревожная тенденция. Глобализация, с одной стороны, способствует размыванию традиционных оснований этнической идентичности, включая унификацию повседневных практик и распространение массовой культуры. С другой, приводит к гетерогенизации этничности по объективным (смешанные браки, миграция, урбанизация) и субъективным причинам.

Перевалова Елена Валерьевна

А.И.Н., г.н.с.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Первого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
elena_perevalova@mail.ru

Этнопроект в науке и практике (по материалам исследований коренных народов Таймыра)

Полуостров Таймыр — один из наиболее показательных примеров того, как этничность живет и воспроизводит себя в современных условиях. Пять коренных малочисленных народов Севера — долганы, ненцы, нганасаны, эвенки и энцы — составляют почти треть населения Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края. Каждый из них обладает своей самобытностью, своим набором традиций и ценностей. И каждый сегодня существует не просто как историческая данность, но как активно действующая сила, воплощенная в конкретных людях, инициативах и проектах.

Понятие «этнопроект», введенное в научный оборот исследователями МАЭ РАН, обозначает персонально мотивированную инициативу, направленную на активацию этничности. Ключевое слово здесь — «персонально». Наблюдения в ходе ЭтноЭкспедиции на Таймыре в 2021 г. убедительно показали: этничность проявляет себя прежде всего не в массовых движениях, а в личных творческих усилиях конкретных людей. Интервью, анкетирование, включенное наблюдение, кибермониторинг — все примененные методики неизменно указывали на связь очагов этничности с референтными личностями, с теми, кого можно назвать этническими лидерами нового типа.

Эти лидеры действуют в самых разных сферах. Сергей Сизоненко (долганин) — депутат, вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока — создал ненецкое этностойбище «Тыяха», ставшее одним из первых на Таймыре этнотуристических проектов с реальным участием коренного насе-

ления. Оленеводы здесь не «наряжаются для гостей» — они живут своей обычной жизнью, и именно эта подлинность становится главной ценностью для туристов. Григорий Дюкарев (ненец) — в то время председатель местной Ассоциации коренных малочисленных народов Таймыра — выступил инициатором масштабных этнологических экспертиз и научных исследований, финансируемых «Норильским никелем», настаивая на том, что «любой проект или инициатива должны подвергаться тщательному научному анализу». Геннадий Щукин (долганин) создал пять этнических союзов и объединил их в ассоциацию, охватывающую 110 общин и весь Таймыр, а его победа в Конституционном суде по делу о праве коренных народов на традиционную охоту стала прецедентом общероссийского значения.

В палитре этнокультурных проектов Таймыра особое место занимают творческие коллективы и праздники — их называли 61 % и 54 % участников веб-анкетирования соответственно. Художественно-этнографический комплекс «Таймырская ойкумена» с пятью чумами — по одному для каждого народа — стал подлинным центром культурной жизни Дудинки. Этнопарк «Таймыр Моу» включен в программу арктического туризма. Проект «Энецкая письменность» дал письменный язык последнему бесписьменному народу Арктики и был представлен на специальном заседании ООН в Нью-Йорке.

Все это — примеры того, как наука и практика в этнопроект не просто взаимодействуют, но питают друг друга. Исследователь получает живой материал

для изучения актуальных процессов этнической идентификации; практик — научную опору и концептуальный фундамент. Однако таймырский опыт обнажает и противоречия: изобилие мероприятий нередко ведет к девальвации этнокультурных ценностей, превращению обрядов в аттракционы, а фольклора — в шоу. Часть активистов скептически оценивает роль науки, считая, что она «отнимает реальные деньги у коренных народов». Противостояние ассоциаций и клановая борьба внутри союзов ослабляют общий потенциал этнической мобилизации.

И все же главный вывод таймырских исследований остается оптимистичным: состояние этничности пяти народов Таймыра находится в прямой зависимости от активности их этноэлита и генерируемых ими проектов. Именно в проектном движении — при условии его научного сопровождения и подлинной укорененности в традиции — можно видеть реальную перспективу этнокультурного развития народов Севера.

Пивнева Елена Анатольевна

к.и.н., в.н.с., зав. отделом Севера и Сибири
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
pivnel@mail.ru

Панельная дискуссия «Этнопроект в науке и на практике» Петербургского Этнофорума, вероятно, предполагает создание интеллектуального пространства для обсуждения теоретических и эмпирических вопросов, посвященных выявлению современных стратегий этнокультурного развития в дискурсе проектной деятельности. Актуальность этой темы связана с масштабной реализацией проектной парадигмы: концепт «проектирование» является в настоящее время одним из самых популярных в науке и практике. В североведении получило распространение предложение А. В. Головинёвым и его учениками определение, согласно которому «этнопроект» используется для обозначения персонально мотивированной инициативы, направленной на активацию этничности (Головинёв, Перевалова, Белоруссова, Киссер 2016). Однако в этнологии в целом содержание этого концепта остается пока туманным и нуждается в дальнейшем осмыслении и конкретизации.

Что касается определений, в узком смысле «проект» (лат. 'брошенный вперед') можно определить как поэтапное осуществление некоего замысла, образа будущего. Это — деятельность с заранее намеченной целью, планом действий, определенным результатом, который ожидаем в известное время. Сложнее обстоит с «этно». В данном (североведческом) контексте «этно» подразумевает проектную деятельность, субъектом которой выступают представители индигенных сообществ, или это более широкое понятие? «Этнопроект» и «этнокультурный проект» — это синонимичные понятия или между ними есть разница,

в чем она заключается? Существуют вопросы и в отношении конкретных этнопроектов, которые реализуются в настоящее время в северных регионах в формате «неотрадиций»: каков может быть баланс между традицией и новацией, чтобы тот или иной «продукт» проектной деятельности оставался в рамках этнической культуры?

Далее — еще один блок вопросов, нуждающихся в осмыслении. Мы знаем, что в СССР было разработано множество так называемых «больших проектов» — социалистического переустройства, послевоенного восстановления страны, создания советских учреждений и организаций и т. д. В русле советских модернизационных проектов оказались и этнические общности Севера, Сибири и Дальнего Востока, которые в настоящее время составляют особую социальную категорию населения нашей страны — «коренные малочисленные народы». Можно ли эту категорию рассматривать как определенный результат управленческой деятельности — некоторым образом упорядоченную социальную конструкцию, с нормативно фиксируемыми свойствами, т. е. социальный / этнокультурный проект?

Такая постановка вопроса неизбежно выводит на широкий круг проблем, так или иначе связанных с вопросами управления идентичностями, а также с содержанием и границами этнических групп. Предопределены ли они независимым от человека образом: фактом рождения, процессом социализации? Или же решающее значение имеют внешние влияния?

Пригарин Александр Анатольевич

д.и.н., проф.
Российский государственный гуманитарный университет, Москва
prigarin.alexand@gmail.com

Новороссийские акценты российской идентичности: исторический опыт и современные вызовы

Эксцентричность исторического развития русского народа нового и новейшего времени может быть охарактеризована как мобильная модель освоения новых пространств и включения их в концепт «единства и многообразия» культурных практик. Эта самобытная черта

русского прошлого, которая подчеркивается многими отечественными учеными (от В. О. Ключевского до А. В. Головинёва), не является реликтом прошлого, а выступает «настоящим» фактором будущего, проявляя себя во всем спектре общественной жизни России. Когда

большинство государств идет привычным колониционным путем освоения территорий и ресурсов, подчиняя и контролируя потенциал далеких и не очень земель, Россия выбрала и эффективно воспроизводит принципиально другой путь, изобретенный и апробированный «русским мужиком» задолго до актуальных событий. А именно — прагматизм отношения к окружающей природе сочетается с романтикой взаимодействия с соседями, без которых ни филогенетически, ни онтологически не раскрыть все возможности, ею предоставляемые.

Подобное сотрудничество и сотворчество является даже не моделью, а стилем или стратегией жизнедеятельности русского/российского народа. Реализуемые им принципы порой приводят к конфликтам, но не на уровне ресурсов, а на уровне «картины мира». Мировоззренческое несоответствие, чаще всего, нивелируется общностью внешних вызовов и порождает специфические интеграционные варианты опыта, хозяйственно-культурных типов. Когда мы говорим о многообразии, то первым делом подразумеваемый этнический, религиозный, региональный или лингвистический аспект. Может ли при этом гармонично функционировать «единство» формально столь различных сообществ?!

В привычных этнических или тем более — конфессиональных категориях, когда субъектами и факторами наделяются привычные из учебно-энциклопедических текстов «культуры», подобное единство оказывается мало возможным. Многоукладная реальность исторического развития эмансипирует новые интеграционные модели и общности, «подсмотренные» учеными: социальные, региональные, поколенные и т. д.

В этой связи, уже не первый раз в истории выразительным экспериментом и своеобразным испытанием становится «Новороссия». Этот историко-этнографический район (в терминах В. П. Семенова-Тян-Шанского) наряду с Сибирским, Кавказским или Северным векторами российской истории выступает серьезнейшим потенциалом для разворачивания футуристической программы. Подобными смыслами она уже наделялась во времена Екатерины Великой, когда ее «Греческий проект» требовал создания принципиально Новой России, что и было реализовано не столько ее талантливыми администраторами, сколько самими жителями-гражданами (что характерно — не только российскими).

В контексте просветительской и освободительной риторики был создан плацдарм для русской версии космополитизма и глобализма. Это была специфичная область выработки принципиально новых идей и укладов. Вхождение автохтонных и аллохтонных культур в российскую действительность строилось на принципах практически полной свободы во внутренних аспектах жизнедеятельности: от экономической до религиозной. Государство инкорпорировало «других» на основе формального принятия ими подданства, порой предоставляя им социально-экономические преференции. Это была «наша Америка» и в аграрной, и в промышленной, и в торговой части. С той только разницей, что «аборигены» активно привлекались к созиданию новой реальности на основе их эффективного опыта предыдущего развития: казаки, русские старообрядцы, молдаване, ногайцы и крымские татары, греки и армяне и др.

Гибкость «менеджмента» сказалась на первоначальном оформлении этнических и религиозных общностей в качестве привычных для них сословий, которые выступили переходными к российской действительности. Именно

поэтому Новороссия может быть охарактеризована как регион с примордиальными (и даже — архаичными) проявлениями этничности одновременно с инновационными их формами. Подобная мозаика многообразия здесь выступает важнейшим фактором специализации и кооперации — от масштабных проектов урбанизации и модернизации до повседневных жизненных стратегий жителей. Не случайно в историческом опыте практически каждой из этнокультурных групп региона присутствуют и традиционные, и современные варианты жизнедеятельности. Будучи одним из важнейших аграрных ареалов, Новороссийский край породил и ряд актуальных городских моделей: Одесса, Севастополь, Донбасс и т. д. (не говоря об крайне ярком феномене торгово-промышленного городка — «местечка»).

С одной стороны, здесь часто границы этнической и социальной групп совпадали; с другой же — имеем совершенно размытые или дисперсные версии тех же общностей. Такая структура расселения и жизнедеятельности способствовала формированию той системы межэтнического взаимодействия, который в советское время получил название «интернационализм». В регионе он не столько идеологический императив, сколько принципы взаимодействия и развития. В них укладывается сохранение (но не консервация) «своего», самобытных черт культур при активной совместной выработке инновационных общих укладов путем ассимиляций и аккультураций.

Кроме русских и украинцев, которые в отдельных регионах составляли не более трети от общего состава населения, здесь в Новороссии компактно проживали: евреи, немцы, молдаване, болгары, греки, гагаузы, армяне, албанцы и т. д. Отметим, что и внутри всех этих этнических общностей существовали и проявлялись различные социальные, конфессиональные и т. п. групповые различия. Например, среди русских — старообрядцы, молокане, духоборы, мещане, купцы и др.; среди украинцев — крестьяне, казаки, штундисты (будущие баптисты), райки, мещане и т. д. Для болгар было характерным сохранение специфики своих предыдущих мест жительства, а для немцев — наряду с этим еще и религиозных особенностей (меннониты, католики, протестанты).

Следует также указать, что общность историко-этнографического района оказывается не такой уж гомогенной, здесь сложились и развивались отдельные субрайоны, отображающие, прежде всего, своеобразие населения, а также специфику исторического развития. Так, ДНР и ЛНР почти полностью составляют «Донбасс», который характеризуется достаточно ранней урбанизацией и модернизацией. В городских агломерациях этого региона этнокультурные процессы сформировали интернациональный состав населения, в котором тяжело просматриваются традиционные различия. Часть Запорожской области образует «Приазовье», где больше половины населения исторически представляли греков, болгар, гагаузов, албанцев, немцев, евреев и т. д. Даже русские на этих землях представляли собой религиозных диссидентов: молокан и духоборов. Херсонская область — «Нижнее Поднепровье» с заметным казачьим субстратом в историческом разрезе. Основная масса сельского населения этого субрегиона составляла потомков украинских казаков и крестьян.

Следующий регион — Буто-Днестровское междуречье может быть обозначено как «Одесщина». Сюда же входит практически полностью территория Приднестровской Молдавской Республики. Своеобразие района объясняется не столько длительными межэтническими романо-славянскими контактами, сколько спецификой социально-экономической ситуации. Именно сюда стекались многочислен-

ные русско-украинские крестьяне и мещане в поисках заработка на протяжении всего XIX в. Однако наличие таких городских центров как Одесса и Николаев приводило к перманентной мобильности в сельском населении региона. Этот регион один из ранних центров промышленно-торговой урбанизации в Российской империи.

И, наконец, — «Буджак» или «Южная Бессарабия», Дунай-Днестровское междуречье. Это самый западный район Новороссийского края, вошедший в состав России в 1812 г. Тут до настоящего времени активно проживают русские, украинцы, молдаване, болгары, гагаузы (действует непризнанное государство — «Гагауз Еры»), албанцы, ромы и т. д. В исторической плоскости — немцы, армяне, греки, евреи.

При этом все вышеперечисленные общности создавали органический вариант региональных культур, в котором воспроизводились как общие тенденции в развитии, так и своеобразие каждого из сегментов этнокультурной палитры. В основе этой «культуры добрососедства» находилось разделение труда и специализация, которая лишала конкурентной составляющей групповые практики и сводила ее к торгово-экономической кооперации. Однако регион порой поражал стрессами в этнической теме: так, несмотря на значительность иудейской составляющей в демографическом разрезе, именно здесь прошли самые кровавые и масштабные «еврейские погромы» и аналогичные трагедии во время Гражданской войны.

В этом контексте, предполагается продолжить исследование Новороссии в ее самой восточной части — «Жители Донбасса как историко-региональная и социокультурная общность». Цель — изучить историческую и социокультурную динамику формирования и развития общности «жители Донбасса»; определить этнокультурные смыслы применения и репрезентации подобного понятия; проследить основные этапы его эволюции, выявить многонациональный фактор в сложении и бытовании данной региональной историко-территориальной группы; исследовать специфику культурных практик граждан Российской Федерации на региональном уровне.

Несмотря на осознанный выбор своего вхождения в состав России (11.05.2014 г.), гражданам этих земель пришлось пройти трудный путь — и лишь с 30.09.2022 г. ДНР и ЛНР, а также Приазовское Запорожье и Приднепровская Херсонщина стали «историческими территориями» РФ. Эти земли Новороссии находятся непосредственно на фронтах «Русского мира», отстаивая с 2014 г. свое право не только быть русскими, но и на элементарные демократические свободы, человеческое существование. Сведение всего современного конфликта к «русско-украинскому», что нередко артикулируется в общественно-политическом дискурсе, безусловное упрощение обстоятельств. Наши гражданские убеждения и научная гипотеза говорят о том, что «этничность» в привычных для неё формах и пониманиях мало объясняет происходящие трансформации. Этот тот случай, когда мировоззренческое и социально-экономическое противостояние, общественное стремление сохранить исторический опыт гармонического межэтнического взаимодействия воспринимается как упрощённый бинарный код «мы — они».

В этих контекстах хотелось бы разобраться, как сложилась региональная общность «жители Донбасса», как эволюционировали ее смыслы и пространства; выявить роль этнокультурных и социальных факторов в воспроизводстве подобной группы населения. На основе этого исторического опыта выявить историко-антропологические, хозяйственно-экономические, культурно-бытовые и лингвистические характеристики российской общности

«жители Донбасса». Отдельным важным сюжетом будет являться анализ кросс-культурного взаимодействия как в исторической перспективе, так и ретроспективе.

Такая постановка исследовательских вопросов имеет, как минимум, два параметра актуальности: фундаментально-теоретические и граждански-прикладные.

Назрела научная необходимость уточнить общетеоретические позиции о природе и состоянии человеческих культур, их объединениях в различные социальные среды, развитии такой важной составляющей многообразия человеческих коллективов как «идентичность» или «самосознание», исторического опыта воспроизводства всего этого спектра «самобытности». В этом контексте следует утверждать, что отечественная и прогрессивная мировая наука уже давно отошла от иерархического стереотипа «один человек = одна культура = одна национальность/идентичность». В обстоятельствах сетевого общества эмансипация вопроса привела к пониманию контекстуальности и вариативности человеческих форм солидарности. Это означает, что отдельная личность, равно их объединения, может комбинаторно солидаризироваться с многими подобными им по ряду признаков. Часть подобных людских социальных сред могут быть устойчивыми в последующих поколениях. К таким социальным явлениям относится категория «жители Донбасса» как составная часть российского общества, с одной стороны, так и выразительной общности «жителей Новороссии», с другой.

Прикладные аспекты напрямую связаны с общественно-политической конъюнктурой, активными трансформациями в регионе. Развитие территориальной группы в рамках украинского государства и особенно в контексте самостоятельного периода (2014–2022 гг.) напрямую свидетельствует о своеобразном реванше «интернационализма». Как внешние, так и внутренние факторы развития Донбасса способствовали манифестации и воспроизводству многих «советских» / «русских» принципов мироустройства и соответствующих социальных практик. Именно этот вектор общественного развития продемонстрировал устойчивость развития и потенциал «жителей Донбасса». При этом назрели вопросы о защите прав «своих» бывших сограждан/соотечественников, поддержки их «инаковости» и одновременно интеграции их в общее российское общественно-политическое пространство. Подобной диалектикой задач (сохранение самобытности и включение в общероссийские процессы) и определяются прикладные аспекты исследования.

Безусловно, эти сюжеты находятся в оптике ряда гуманитарных наук. При этом необходимо комплексное внимание на историко-антропологических вопросах формирования и основных этапах воспроизводства социокультурной (территориальной) общности «жители Донбасса», анализе ее характерных признаков, их факторности и устойчивости. Новаторским будет смещение акцентов исследовательского инструментария с категорий «этничности» на понимание «социальности» (практики, пространства, институции).

В историографии региона имеется существенный опыт изучения как «культуры» (в этнографическом разрезе), так и «социально-экономической истории» (особо — в советский период). Используя эти наработки, считаем возможным и продуктивным разрешить вопросы исследований и интерпретаций «территориальных сообществ» на конкретном региональном варианте российской/советской/российской традиции. Такой подход составляет инновационные смысловые поля для его реализации:

Включение в ракурс исследовательского междисциплинарного внимания исторических категорий («промышленная революция», «индустриализация», «урбанизация», «социальная история» и т. д.) наряду с хрестоматийными «этнографическими» («культура», «традиция», «хозяйственно-бытовой уклад», «социальная практика», «самосознание» и др.) позволит осознать механизм и природу формирования общностей «модерного типа». Именно это будет способствовать пониманию традиционной «полиэтничности», которая в новое время становится городской моделью «интернационализма», «мультикультурности» — в новейший период истории региона. Вместо поиска этнокультурных границ предлагается сместить внимание на выявление, описание и анализ роли социальных проявлений культуры повседневности; значения хозяйственно-бытовых традиций («социальных практик») в формировании современных сообществ идентичности.

Продолжение историографического опыта «этнографического» и «исторического» изучения Донбасса будет выстраиваться путем фактического объединения методов и приемов, категорий этих научных дисциплин. Усовершенствование исследовательского инструментария будет включать реальный синтез как предмета («жители Донбасса»), так и способов познания (внимание к исторической и этнокультурной процессуальности; «проверка» археографических данных полевыми; устная история и т. п.). Новизна заключается в исследовании взаимосвязей и взаимовлияний социальных и этнических факторов в прошлом и настоящем территориального объединения,

а также — возможности охарактеризовать потенциалы для будущего развития.

Современный подход к таким «чувствительным» темам (как в науке, так и в общественном измерении): «межэтническое взаимодействие», «этничность», «культура», «идентичность» и т. п. Эти категории познания, понимаемые как динамичные или процессуальные, контекстуальные, расцениваются авторским коллективом как «конструкты» социальных пространств, производные от них. Именно такой подход позволит проследить последствия «аграрной» и «промышленной революции» для региона, выделить и определить формы проявления традиционных, современных и «постмодерных» солидарностей. Внимание к «национальному вопросу» будет сочетаться с рефлексиями по хозяйственно-социальным векторам развития Донбасса. Это предоставит научные аргументы о том, почему капиталистический «мультикультурализм» уступил в регионе социалистическому «интернационализму».

Таким образом предлагается сместить акцент с операционной сиюминутности в сторону фундаментальных процессов и тенденций. Признавая крайнюю необходимость и важность выявления и фиксации «кровавой современности», считаем, что исторические контуры Новороссийских сюжетов заслуживают детального изучения с методологических позиций актуальной социокультурной антропологии/этнологии. Видимо, как никогда региональные измерения этнических процессов, культурно-бытовых трансформаций, воспроизводства различных уровней идентичности, исторической памяти и т. д. имеют общероссийские контексты.

Псянчин Айбулат Валиевич

д.г.н., г.н.с.

Институт истории языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Республика Башкортостан
psyanchin@mail.ru

Локальная идентичность как фундамент общероссийского единства (на примере башкирской этнокультуры)

Обращаясь к осмыслению феномена российской цивилизации, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о природе ее единства, устойчивости и способности к саморазвитию. Ответ, как представляется, лежит в плоскости диалектики соотношения части и целого, локального и общего.

На материалах башкирской этнокультуры, одного из крупнейших народов Урало-Поволжья, можно наглядно продемонстрировать продуктивность модели, в которой этническое многообразие выступает не источником сепаратизма, а, напротив, прочным фундаментом для формирования общегражданской идентичности и действенного патриотизма.

Башкирская этнокультура — это сложный, многослойный феномен. В ее структуру органично включены эпическое наследие (эпосы Урал-батыр, Акбузат и другие), музыкальная традиция, богатейший пласт исконных промыслов (от изготовления войлока и вышивки до ювелирного дела и резьбы по дереву), календарные и семейные обряды и многое другое.

Нам, как экспертному сообществу, важно не просто констатировать факт существования культурных артефактов, но и определить их функциональную роль. Традиции выступают действенным механизмом трансляции ценно-

стей. Через погружение в эпос, участие в обрядовых играх, освоение песенного фольклора подрастающее поколение не просто получает информацию о прошлом — оно интериоризирует базовые этнические константы. Таким образом, этнокультурные традиции обеспечивают «связь времен» и формируют полноценную, гармоничную личность.

В этой связи особого внимания заслуживает тема патриотизма. Анализ, проведенный нами в 2023–2025 гг. в ходе реализации проекта «Укрепление российского патриотизма как фактора обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов», показывает, что любовь к малой родине и лояльность по отношению к большой стране находятся не в отношении конфликта, а горизонтальной комплементарности. Формирование общероссийской идентичности опирается на несколько столпов, на диалог традиций и признание общей истории.

Во-первых, это понимание того, что такие судьбоносные вехи, как защита Отечества в различные исторические периоды, индустриальное освоение края, развитие образования и культуры и многое другое, были пройдены совместно, что неизменно порождает чувство сопричастности.

Во-вторых, это аксиологическое единство: уважение к предкам, коллективизм, приоритет общего блага

и т. д. — эти ценности являются общими для подавляющего большинства этносов России.

В-третьих, это особый статус многоязычия. Знание родных языков (башкирского, татарского, марийского, удмуртского и др.), наряду с русским, не противопоставляет, а напротив обогащает личность, расширяя ее операциональную и культурную компетенции и создавая когнитивный базис для взаимоуважения.

Примеров, иллюстрирующих превращение локального наследия в общенациональное достояние, множество. Достаточно вспомнить глобальное признание творчества Рудольфа Нурева, оперные партии братьев Абдразаковых, литературные шедевры Мустая Карима и Мажита Гафури.

Эти имена являются гордостью россиян, независимо от их этнической принадлежности. Язык их произведений — это язык общечеловеческих смыслов, где локальный опыт обретает универсальное звучание.

Резюмируя, позволю себе сделать следующее теоретическое обобщение: локальная этническая идентичность в российском контексте не является антагонистом общероссийской идентичности. Напротив, она выступает ее питательной средой и ресурсной базой. Знание родной традиции не замыкает человека в узких этнических границах, а парадоксальным образом открывает его миру, делая «большую» Родину более осязаемой и значимой.

Пушкарева Наталья Львовна

д.и.н., г.н.с., проф.

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
pushkarev@mail.ru

К доминантам этнокультурной самобытности — ключевым, системообразующим ценностям, установкам и смыслам, определяющим уникальность русского народа и его картину мира, — безусловно, относится круг проблем, связанных с особым социальным *статусом женщины* в истории этноса. Ввести параметр *особой женской культуры* в общенациональную культуру считаю критически необходимым и соответствующим как духу времени, так и запросам науки и общества. Факт того, что символом России веками (а в особенности с конца XIX в.) был именно образ женщины — эмоционально и духовно богатой, нравственно совершенной, способной к самоотречению и при этом стойкой и готовой великодушно прощать, — не случаен и важен для понимания русского национального характера.

Анализ ментальных факторов, обусловивших возникновение и устойчивость у женской части населения страны *уникального способа восприятия реальности*, обусловленного повседневно-бытовыми и конфессиональными паттернами, особенно востребован сегодня. В любых проявлениях «русскости» — неписанных правилах, обычаях, национальной кухне, фольклоре — «женская тема» не просто присутствует, но является подсказкой для понимания того, чего не найти в культуре письменной, детали и маркеры которой зафиксированы образованной элитой.

Значимость последовательной и специальной реконструкции именно женской части русской национальной

культуры увязывается в свете современных *аксиологических поисков всей страны* (и нас с вами) с необходимостью, во-первых, обновленной аналитики православного субстрата русской национальной культуры, в которой место женщины не сводимо к месту «второго пола» как малозначимого, а напротив — прописано как место хранительницы лучшего в наследии веков, а во-вторых, — с запросом на новые воспитательные и идеологические задачи, ориентированные на следующие поколения, которым предстоит сохранять и усваивать ценности, проверенные временем.

Уважение к предкам и семейной памяти, превалирование духовного над материальным, гостеприимство, взаимовыручка как часть коллективистских начал и солидарности, бережное отношение к вещам и дарам природы и многое другое в числе традиционных ценностных установок русских как этноса переплавляется в тигле семейной, и конкретнее *материнской педагогики*. Именно матерями закладывается то, что со взрослением становится частью устойчивого самосознания, поэтому проблема корреляции этнокультурного и аксиологического подхода — часть общей трактовки значения женской культуры в каждой национальной культуре, в том числе и русской. *Женское начало в русской идентичности — это фундамент, на котором строится преемственность национальной культуры.*

Резван Ефим Анатольевич

д.и.н., г.н.с., проф.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
efim.rezvan@mail.ru

Формирование и поддержание исторической памяти — важнейшая задача отечественного исламоведения

Период «размежевания историй», переживаемый человечеством, естественным образом ставит новые задачи и перед отечественным источниковедением и исламоведением. Процесс адаптации цивилизаций и государств к серьезнейшим общественным, экономическим и поли-

тическим изменениям приводит к тому, что история все более становится источником понимания природы государственности и, в этом отношении, несомненно, является одним из важных ресурсов развития. Сегодня у всех значимых акторов мировой политики интерпретация

истории начинает играть более значимую роль во внутренней консолидации. Именно история во многом позволяет сегодня «делать свое предложение смыслов», предлагать свой угол зрения и на прошедшее, и на будущее.

Сегодня общая историческая память является одной из основ национальной безопасности РФ. Без нее невозможен и российский образ будущего, обращенный как внутрь страны, так и за ее пределы. Формирование и поддержание общей исторической памяти народов России — это системная, многоуровневая работа, которая объединяет усилия государства, научных, архивных и музейных учреждений, институтов образования и культуры, СМИ и гражданского общества. В 2023 г. был создан Национальный центр исторической памяти при Президенте РФ.

Очевидно, что важной составляющей общей исторической памяти народов РФ является и опыт взаимодействия России с исламским миром, который с одной стороны составляет важную часть уникального историко-культурного достояния народов страны, а с другой — является и неизменным полем идеологического противоборства. В этой связи основу научной программы петербургских исламоведов составляют исследования, связанные с выработкой научно обоснованных и комплексных ответов на вызовы, с которыми сталкивается

РФ во взаимоотношении с миром ислама как внутри страны (гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений), так и за ее пределами, обеспечивающие связь научной аналитики, академической науки и практики, а также реализацию культурных инициатив. Тут можно упомянуть исследовательский проект «Россия — Запад — исламский мир: конфликты и взаимодействие в конкурентных парадигмах пространственного развития (историко-культурные, музейные и архивные источники)», который объединяет сегодня сотрудников профильных отделов МАЭ.

Важной частью нашей работы является системное взаимодействие с Институтом теологии СПбГУ. На Ярмарке этнопроектов представлен проект «Ислам и этнокультурное многообразие России», реализуемый Кафедрой теологии и культуры ислама ИТ СПбГУ во взаимодействии с МЦИИ МАЭ РАН.

Как говорилось выше, исключительно важна трансляция ключевых образов нашей исторической памяти за пределы России. Во многом с этой целью нами реализуется выставочный проект «Ислам в фотоколлекции Императорского православного палестинского общества». В 2024 г. выставка была представлена в Санкт-Петербурге и Казани, а в 2025 — на Бахрейне. Выставочный тур будет продолжен.

Рудь Алексей Анатольевич

к.и.н., н.с.

Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера, Тюмень
raa@bk.ru

Территории традиционного природопользования в ХМАО — Югре: заслуженная преференция коренных жителей или повод этнической напряженности в будущем?

Россия является многоэтническим и многоконфессиональным государством. Эти характеристики, воспроизводящиеся в российском государстве на протяжении длительного времени, несмотря на форму социально-политического устройства, являются важными факторами существования самой Российской цивилизации. Активное взаимодействие с коренными народами, населяющими огромные пространства Сибири, в разные периоды истории оставалось в фокусе внимания государства и требовало особых подходов. Обратимся к недавним изменениям, затронувшим коренные народы в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре.

Процессы социальных и политических изменений периода Перестройки на территории ХМАО вызвали этническую мобилизацию коренных народов округа. В рамках этих процессов представителями КМНС был инициирован ряд проектов. Особо важным для коренного населения округа стало осуществление проекта по изменению статуса исконных мест проживания КМНС, который реализовался в правовых актах о родовых угодьях, позднее — территориях традиционного природопользования (ТПП). Одним из главных достижений этих правовых актов стала возможность коренных жителей регулировать отношения с промышленными компаниями в местах традиционного природопользования, что, по сути, поставило коренное население округа в привилегированное положение перед остальными жителями округа. С учётом всесторонней критики реа-

лизации этих правовых инициатив, необходимо отметить: на данный опыт до сих пор равняются и смотрят с завистью представители коренных народов других регионов РФ.

Наиболее сложным в этносоциальном измерении является аспект, который может послужить причиной этнической напряжённости в будущем. Практическая реализация указанных региональных актов предполагает ограничения землепользования и природопользования как для промышленных компаний, так и для некоренного населения округа. Последнее на обывательском уровне все чаще воспринимается некоренным населением, составляющим абсолютное большинство округа, как несправедливость. При этом на поверхности главным правовым основанием привилегий КМНС округа лежит аргумент о ведении ими традиционного уклада и хозяйства, что в условиях современных реалий, включающих постоянную мощную материальную поддержку промышленных компаний в адрес КМНС, высокую вовлеченность коренных жителей в современную жизнь в условиях города, не совсем соответствует действительности. В то же время давность проживания некоторых жителей промышленных городов и посёлков в округе уже исчисляется несколькими поколениями. Многие из этих людей, приехавших сюда в 1970–1980-х гг., уже давно не имеют устойчивых связей с Большой землей, и рассматривают свое будущее исключительно с проживанием в ХМАО — Югре и искренне в глубине души считают себя «коренными». Пока ещё

в частных беседах, но старожилы промышленных городов и поселков пытаются инициировать диалог о несправедливости своего статуса «приезжих». Другой гранью конфликта может стать лоббирование промышленными

компаниями изменений местных законов, с целью сокращения возможностей влияния коренных жителей на вопросы согласования отчуждения земель в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности.

Грани аутентичности и искусственности этнопроекта «Медвежий праздник» в ХМАО — Югре

Этническая мобилизация коренных жителей ХМАО — Югры в 1990-х гг. привела к появлению ряда проектов, связанных с возрождением традиционной культуры хантов и манси. Одним из таких проектов, несущих полисимволическое содержание, стало возрождение оленеводства. Не менее важными были другие проекты по возрождению традиционной культуры обских угров, в том числе ее духовной составляющей — традиционных верований, ритуалов и фольклора. Иниципированные в эпоху Перестройки процессы продолжают в ХМАО — Югре и в настоящее время. Появляются новые этнопроекты, такие, например, как этноблоггерство и этнотуризм.

Наиболее ярким в области духовной культуры этнопроектом было возрождение Медвежьего праздника (*Пуни екты*), ставшего одним из новых этнообъединяющих символов обских угров. Начавшись с научных изысканий Т. А. Молданова в 1990-х гг., будучи транслируемым в публичную сферу, сегодня Медвежий праздник обских угров стал, по сути, одним из культурных брендов Югры, заняв одну ступеньку пьедестала с оленеводством.

Получив мощные импульсы к возрождению со стороны коренных жителей, исследователей, журналистов и работников культуры, обряд получил отклики из всех точек округа, выстрелив несколькими локальными вариантами. Идея настолько увлекла некоторых коренных жителей, что возрождение Медвежьего праздника стало происходить в местах, которые ранее не слыли яркими очагами церемонии. Информанты, известные ранее как знатоки традиций в целом, но не слышавшие исполнителями медвежьих песен в частности, вдруг достали из лабазов ритуальные маски прадедов и целые медвежьи репертуары, припрятанные от вездесущих исследователей и журналистов. Для меня как исследователя духовной культуры это был настоящий момент истины — яркий пример актуализации этничности, жирный кусок, которой я не смог прежде разглядеть в потенциале моих информантов — хранителей традиций, знатоков ритуалов и признанных шаманов. И если к настоящему моменту обские угры преодолели кризис канонизации, разрешив проблему — какой из вариантов медвежьего праздника считать «правильным», признав равноценными локальные и этнические варианты этого феномена обско-угорской культуры, то в современной повестке поставлен следующий вопрос — о степени автохтонности и традиционности против аргументов об искусственно собранном новоделе по мотивам культа медведя. И эта дискуссия имеет прочные основания.

Сегодня немалую толику в проведение ритуала вносят общественные организации, учреждения культуры и музеи, исследователи и журналисты, а также местные администрации и промышленные компании. Местами проведения праздников часто становятся музеи, дома культуры и народных промыслов — и это отнюдь не избушки промысловиков в отдаленных таежных урманах и поселениях.

В ракурсе соответствия традиции вызывает вопросы и состав участников Медвежьих игрищ — в иные моменты многодневного ритуала представители традиционных культур, в том числе охотники-промысловики, исполнители и другие приглашенные коренные жители оказываются на ритуале в меньшинстве. Именно в меньшинстве — по сравнению с числом исследователей, сотрудников музеев, видеооператоров, журналистов, представителей администрации и других искренне увлеченных традиционной культурой обских угров людей.

Я предлагаю относиться к вышесказанному не как к оценочному суждению, но как к факту. Вместе с тем, этот факт (если говорить о традиции) исключает категорию людей-зрителей из числа участников символических действий, кодифицирующих отношения человека с медведем — знаковых в обско-угорской культуре. К тому же само наличие категории зрителей трансформирует традиционный ритуал в представление. Конечно же, нельзя быть настолько занудным и категоричным, поэтому спешу отметить, что в рамках современного ритуала Медвежьих игрищ у коренных жителей — исполнителей и участников происходит настоящая актуализация угорского культурного кода. Помимо этого, в ритуале всегда активно участвуют дети и молодежь, что, бесспорно, является актом трансляции традиции от старшего поколения к молодежи. Люди обмениваются текстами и сценками, в творческом порядке обсуждают варианты и смыслы исполнения, на празднике происходит общение разных территориальных групп хантов и манси, что включает и пригляд потенциальных брачных партнеров.

Все эти факты указывают на то, что фиксируемый в настоящее время вариант Медвежьего праздника, по формальным признакам является примером «фестивализации традиции», в то же время для самих носителей культуры он продолжает оставаться традиционным ритуалом, нагруженным глубокими смыслами, символами и функциями. Однако вопросы остаются. В современных версиях проведения Медвежьего праздника большинство из ритуалов лишь отчасти иниципированы таежными жителями. А в чём не приходится сомневаться — многие известные в публичной сфере акты ритуала *Пуни екты* — были тщательно подготовлены заранее, согласованы и одобрены сверху визами глав общин, охотнадзора, директорами музеев, комитетов и департаментов. Напрашивается вопрос без ответа: где же во всем этом удаль промысловика, неподдельный триумф охотничьей удачи, тревожная дискуссия человека с сыном *Торума* в утреннем морозном урмани, радость возвращения домой мужчины-добытчика? Но быть может, когда речь идет о сохранении последних крупниц уходящей уникальной природы, размышления об искусственности или же аутентичности происходящего не должны быть главным мерилом важности происходящего.

Сакович Анастасия Дмитриевна

бакалавр

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан
asya.neko@vk.com

Дипломатические механизмы продвижения Русского мира: вызовы и возможности сохранения этнокультурной идентичности в полицентричном мире

В условиях формирования полицентричного мирового порядка, который Россия последовательно отстаивает на международной арене как справедливую альтернативу диктату коллективного Запада, дипломатические механизмы продвижения «Русского мира» демонстрируют впечатляющую эффективность и устойчивость к внешнему давлению. Ключевым инструментом этой работы выступает фонд «Русский мир», созданный Указом Президента РФ от 21 июня 2007 г. Его флагманское мероприятие — XVII Ассамблея Русского мира, прошедшая в Москве с 20 по 22 октября 2025 г., — собрала представителей рекордного числа стран — 105 государств, причем 23 из них участвовали впервые. Тема форума «Фундаментальный вклад Русского мира в международное развитие: история, современность, будущее» была призвана подчеркнуть созидательную роль России в глобальных процессах. В своём приветствии Президент Владимир Путин особо отметил, что Россия активно участвует в формировании нового, справедливого многополярного мирового порядка, основанного на уважении к самобытным культурам и решительном отказе от любых форм неокolonизма, расизма и русофобии.

Ранее, с 1 по 4 ноября 2024 г., в Москве с большим успехом прошла XVI Ассамблея Русского мира под знаковым названием «Духовно-нравственные ценности Русского мира». Она собрала гостей из более чем 80 стран, включая впервые представителей Мадагаскара, Лаоса, Чада и Бурунди, что наглядно демонстрирует растущий интерес к российской культуре и мировоззрению на Глобальном Юге. Серьезная работа ведется и через сеть «Русских домов» (зарубежных представительств Россотрудничества), которых по состоянию на 2025 г. насчитывается 87 в 71 стране мира. В 2026 г. запланировано открытие новых представительств в Латинской Америке и Африке, что символизирует уверенное расширение гуманитарного

присутствия России вдали от недружественных европейских границ.

Несмотря на непрекращающееся давление на русскую диаспору в ряде государств, что было предметом обсуждения на XVIII Региональной конференции российских соотечественников в Белграде 24–25 мая 2025 г., российская дипломатия находит новые форматы поддержки. Одним из самых успешных проектов последних лет стала программа «Новое поколение», на которую в 2025 г. из федерального бюджета было выделено 412 миллионов рублей — рекордная сумма за все время существования инициативы. Эти средства направлены на ознакомительные поездки в Россию для 1600 молодых иностранных активистов, журналистов и блогеров, которые затем становятся настоящими «амбассадорами» Русского мира у себя на родине, рассказывая правду о нашей стране без искажений западной пропаганды.

Параллельно идет системная работа соотечественников на постсоветском пространстве. Так, XII Региональная конференция в Бишкеке 6–7 сентября 2025 г. была посвящена теме «Русский мир на защите наследия Победы: история, культура, преемственность поколений». В год 80-летия Великой Победы этот форум, объединивший активистов из полутора десятков стран, продемонстрировал, что именно Россия остается хранителем исторической правды о войне, а русский язык по-прежнему служит надежным мостом дружбы между народами Евразии. Дипломатические механизмы продвижения Русского мира в полицентричном мире не только успешно справляются с внешними вызовами, но и открывают новые горизонты для развития русской культуры, языка и традиционных духовных ценностей. Благодаря мудрой и взвешенной политике российского руководства Русский мир сегодня переживает не кризис, а этап уверенной глобальной экспансии, привлекая все новых сторонников по всему миру.

Славнецкова Людмила Владимировна

к.э.н., зав. кафедрой

Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, Саратов
slavnetskova@sstu.ru

В современном обществе этнокультурное наследие выступает ключевым ресурсом идентичности, социальной сплочённости и культурной устойчивости, одновременно требуя трансформации механизмов своего сохранения, трансляции и актуализации в условиях глобализации, цифровизации и межэтнической мобильности. Этнокультурное наследие традиционных общностей формирует чувство принадлежности, сохраняет языковую и культурную самобытность, а также способствует патриотическому и духовно-нравственному воспитанию граждан.

Классические механизмы передачи этнокультурного наследия — семья, ритуалы, традиционные обряды, фольклор, религиозная коммуникация — сохраняют значимую роль, но их функции трансформируются под влиянием урбанизации и цифровой среды. Новые поколения всё чаще получают культурный опыт через учебные программы, медиаконтент, что требует обновления форм подготовки носителей и хранителей традиций. Сейчас широко используется цифровизация: архивирование фольклора, виртуальные музеи, мультимедийные платформы, которые

позволяют сохранять наследие в видео- и аудиоформате.

Эффективная интеграция этнокультурного наследия требует синергии государственной политики, системы образования и инициатив гражданского общества. Ключевой задачей является построение гибридных механизмов, в которых традиционные формы социализации гармонично сочетаются с цифровыми платформами, образовательными проектами и институциональной поддержкой.

Однако хочется отметить, что семья остается главным и первичным институтом трансляции традиций, формируя базовую культурную идентичность, ценностный ориентир и нормы поведения. В условиях глобализации и цифровой среды именно семейные традиции служат «антенной», через которую человек сохраняет связь с историей, национальной культурой и корнями своего рода. Семейные традиции формируют у человека чувство стабильности, принадлежности к «своему кругу» и уверенность в завтрашнем дне. Через семейные истории, рассказы о предках, совместные семейные праздники, поездки ребенок соотносит себя с более широкой культурной и исторической реальностью. Но семья все чаще используется как площадка для творческого переосмысления традиций: дети включаются в создание новых семейных ритуалов, которые

сохраняют смысл старых, но адаптированы к их жизни.

Также хочется обратить внимание, что этнокультурное наследие в современном обществе все чаще встраивается в экономику и коммуникационные практики через туризм, который становится одним из ключевых механизмов его трансляции, сохранения и актуализации. Развитие туризма стимулирует восстановление и сохранение архитектурных ансамблей, этнографических деревень, музеев-усадьб, поскольку интерес туристов повышает значимость этих объектов для местных властей и бизнеса. Культурные туры, этнографические маршруты и фестиваль туризм позволяют туристам напрямую взаимодействовать с местными традициями: танцами, музыкой, кулинарными практиками, обрядами и ремеслами. Такие форматы, как мастер-классы ремесленников, проживание в этнодеревнях, участие в сезонных праздниках и интерактивные музеи, превращают пассивное наблюдение в «живой» опыт, что усиливает запоминание и уважительное восприятие наследия. Одновременно туризм способствует развитию межкультурной толерантности, когда туристы сталкиваются с разными языковыми и культурными традициями и формируют уважительное отношение к многообразию.

Смирнова Татьяна Борисовна

д.и.н., зав. кафедрой всеобщей истории

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск
smirnovatb@omsu.ru

Многоязычие включает в себя не только количество народов. Когда мы говорим о народах России, почти всегда возникает вопрос об их численности. С одной стороны, мы говорим о русских как государствообразующем народе, составляющем большинство — более 105 млн чел. и 80 % населения. С другой стороны, есть малочисленные народы, численностью менее 50 тыс. чел. Мир сегодня находится в состоянии демографического перехода, поэтому большинство народов, в том числе и российский народ, снижают свою численность. В Китае, например, наблюдается обвал рождаемости. И демография становится жизненно важной, потому что никогда раньше от нее не зависело так много, а численность народов России не снижалась, причем быстрыми темпами. Поэтому мы ждем переписи населения, в которых указана численность народов, сравниваем эту численность с данными предыдущих переписей, радуемся, если численность народа увеличивается, огорчаемся, если она снижается. Тревожимся, как в случае с немцами, когда численность приближается к 50 тыс. человек — тому рубежу, который гарантирует статус коренного малочисленного народа. И, конечно, задаемся вопросом, почему на общем фоне падения в России есть народы, численность которых растет. Ведь мы живем в одной стране, в похожих условиях, но у одних народов рождаемость высокая, а у других — низкая. И самая низкая рождаемость — у русских. Ниже она только у евреев. В то же время есть народы с высокой рождаемостью. Это народы Северного Кавказа, особенно Чечни и Дагестана, в Сибири — в Республике Алтай и Республике Тыва. В чем причина, какую роль играет этнический фактор? Этот вопрос изучался в рамках проекта, посвященного этнодемографической ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока (Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отноше-

ния в условиях поворота на Восток). По результатам можно уверенно сказать, что этничность играет очень небольшую роль в динамике рождаемости у разных народов. Потому что нет на свете народов, которые не любят детей, не ценят семью. Проблема не в наличии детей в принципе, а в их количестве, которое диктует образ жизни. Самая высокая рождаемость сегодня у народов с высокой долей сельского населения. И наоборот. В нашей высоко урбанизированной стране, с долей городского населения в 75 %, у евреев доля городского населения составляет 98 %. А в Тыве горожане составляют 50 % населения, в Республике Алтай — всего 30 %. Да и города здесь в основном такие, когда семья живет в отдельном доме. У коренных малочисленных народов численность стабильная не только потому, что у них есть льготы, но и потому, что они живут на природе. А это для рождения детей принципиально важно. Представить себе жизнь многодетной семьи в «человейнике» коридорного типа на тридцатом этаже — невозможно. Поэтому даже при высокой доле городского населения, выше рождаемость там, где города развиваются как агломерации с индивидуальной застройкой. Показательным примером являются казахи, которые имеют очень высокую рождаемость в сельской местности (например, в Кош-Агачском районе Республики Алтай у казахов рождаемость выше, чем у алтайцев), но при переселении в город меняют демографическую модель в течение одного поколения, переходя на семью с одним-двумя детьми. Еще один фактор высокой рождаемости — это религиозность. Пример — российские немцы, у которых рождаемость выше за счет сохранения общины менонитского происхождения, члены которых считают великим грехом даже мысли о регулировании рождаемости. Разумеется, факторов, оказывающих влияние на рождаемость больше, но это точно не этнический фактор.

Степанова Ольга Борисовна

к.и.н., с.н.с.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
stepanova67@mail.ru

Хотелось бы услышать на Этнофоруме обсуждение сложных вопросов определения этнической идентичности. В качестве такого сложного примера идентификации могу привести жителей Верхнего Таза с фамилией Баякины. В начале XX в. пять семей эвенков Баякиных переселились в верховья Таза с правого берега Енисея. Уже к середине XX в. они были ассимилированы селькупками: утратили свой родной язык и стали разговаривать на селькупском, перенимали у селькупов методы ведения хозяйства. При этом и в середине XX в., и сейчас они по-прежнему идентифицируют себя эвенками. В 2018 г. из округа в район пришел список коренных национальностей, которым полагается государственная поддержка, и эвенков в нем не оказалось, их или забыли туда включить, или не посчитали нужным по причине их малочисленности. Представители отдела по развитию АПК и делам коренных малочисленных народов Севера связывались с главами семей Баякиных, уговаривая согла-

ситься формально признать себя селькупками, чтобы не остаться без государственной помощи.

Другим примером могут служить многие жители Турханского, Красноселькупского и Тазовского районов, которые затрудняются определить свою национальность: в них намешано много кровей — селькупская, кетская, русская, эвенкийская, ненецкая, хантыйская, татарская (при этом единственный язык, которым они владеют, это русский). Определение национальности для жителей Ямало-Ненецкого автономного округа и Красноярского края актуально, повторяю, потому что от этого зависит получение материальной помощи от государства. Вторая причина, по которой этот вопрос должен подниматься в научных кругах, — интерес жителей национальных районов к своим корням. Жители активно занимаются написанием своих родословных, ездят в крупные города, чтобы сдать кровь на генетический анализ и выяснить, кто они такие, кем они могут себя осознавать.

Сушкова Юлия Николаевна

д.и.н., в.н.с., проф.

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Республика Мордовия

Финно-угорский компонент в цивилизационной самобытности русского народа

Историческая гипотеза об участии значительного финского компонента или субстрата в образовании русского народа получала весьма основательные подтверждения в результате научных исследований, проведенных как в дореволюционный период, так и в последующем. Основопологающие идеи, заложенные впервые М. В. Ломоносовым и К. Д. Ушинским, были дополнены и детализированы в трудах В. О. Ключевского, М. Веске, других отечественных и зарубежных ученых, установивших на археологических, антропологических, лингвистических, ономастических, исторических, этнографических и других материалах действительную глубину славяно-финской общности.

Так, М. В. Ломоносов считал территорию расселения финно-угорских народов («чуди») в прошлом значительно большей. Признавая взаимодействие чудских народов со славянами, он пришел к выводу об их взаимном слиянии: «...уже и тогда чуди со славянами в один народ по некоторым местам соединилась. После того в первые христианские времена и в средние веки еще много больше меж ними совокупление воспоследовало». Ломоносов не только обосновывал участие чуди в формировании русского народа, когда «татары обитали... далеко в Азии к востоку», но и, ссылаясь на летописца Нестора, отмечал роль «веси, мери, черемисы, мордвы, печоры» и других в становлении российской государственности.

Оригинальные выводы относительно межэтнического взаимодействия, его роли в становлении российской государственности принадлежат выдающемуся педагогу и юристу К. Д. Ушинскому. Он отмечал, что в общественной сфере члены общества действуют сообразно с законами его развития,

не по сознанию необходимости таких действий, а по внутреннему характеру, общего всем членам этого общества. Эта общность характера, подчеркивал он, происходит от одинаковости происхождения, от одной местности, занимаемой этим обществом и, наконец, от одинакового исторического происхождения (например, славяне), ибо в характере общества, в характере народа лежат и семена будущего его развития.

Обратив внимание на обусловленность самобытности того или иного народа особенностями природного ландшафта, К. Д. Ушинский полагал, что славяне как коренные жители малороссийской равнины, естественным образом обрели «страсть, неудержимую склонность к земледелию» и «домашний образ жизни». В то же время, по его мнению, в основе «физиономии русского народа» имелся и «чудский» («финский») компонент. Он полагал, что процесс слияния чудских племен в русскую народность не прошел бесследно, а проявлялся в «физиономии, обычаях, языке и образе жизни» сформированного русского племени. Исследователь усматривал в качестве достоинства способность русского народа органично аккумулировать в себе иноэтнические элементы, сохраняя при этом даже их специфические черты.

Вступление финно-угорских народов в состав Российской империи, длительное соседство различных народов способствовали установлению прочных межэтнических связей. Постепенно эти контакты становились все более тесными, а сам вопрос об этнических связях русского народа с нерусскими народами Восточной Европы, в том числе финскими, поныне остается одним из актуальных вопросов как его этногенеза, так и этнической истории, продолжая представлять огромный социокультурный интерес.

Сысоева Мария Эдуардовна

к.и.н., н.с., ученый секретарь

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва
m.sysoeva@iea.ras.ru

В современной антропологии феномен этнопроекта редко выступает предметом отдельного исследования, между тем данная практика зачастую успешно решает задачи сохранения и актуализации культурного наследия, но с определенными оговорками.

Одним из наиболее репрезентативных примеров этнопроекта с отчетливой практической составляющей является работа по цифровизации кавказских языков: создаются мобильные приложения, онлайн-словари и образовательные платформы, которые способствуют интеграции языка в цифровые сервисы, повышая тем самым его престижность среди молодежи. Однако успешная реализация подобных проектов невозможна без опоры на академическую базу и достаточную финансовую поддержку. Для обучения нейросети языку необходимы корпуса текстов с контекстами употребления, склонениями, синонимами и профессиональным лингвистическим описанием. Так, используя в том числе данные, собранные Карачаево-Черкесским институтом гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсирокова, в сервисе «Яндекс Переводчик» появилась возможность перевода «с» и «на» карачаево-балкарский, абхазско-черкесский, ногайский и другие языки. Создание цифровых корпусов перестаёт быть сугубо лингвистической задачей, становясь «проектом» выживания и сохранения языков.

Другой вектор — этнопроекты по сохранению и возрождению ремесел. Так, балхарская керамика — успешный пример сохранения сложной техники и лепки через изменение формы. Это женское гончарное ремесло, распространенное в с. Балхар (Дагестан) получило значительное развитие в XVII–XVIII вв., а в советское время на его

основе сперва организовали промколхоз, а позже — цех керамики Махачкалинского комбината художественных изделий, который делал красноглиняные сувениры с росписью для массовой продажи по всем союзным республикам. В 1960-е гг. потомственная мастерица Зубайдат Умалаева трансформировала балхарскую керамику, развивая малые скульптурные формы, включая сюжетные композиции, анималистику и бытовые сцены горцев. Ее работы, отмеченные международными наградами, хранятся в музеях России и составляют основу коллекции игрушки в Дагестанском музее изобразительных искусств. С течением времени производство балхарской керамики снижалось, мастеров становилось все меньше. Промысел мог бы замкнуться на производстве типовых изделий (в частности, кувшинов) с росписью, но в последние годы интерес к региону усиливается, и местные мастера стараются встроиться в растущую туристическую индустрию, изготавливая пятисантиметровые сувенирные кувшины и фигурки, а также организуя мастер-классы по балхарской керамике. Данная практика позволила сохранить ремесло и повысить его престиж, укрепив экономику с. Балхар. В данном примере кажется, что грамотное встраивание в рынок не разрушило «традицию», а напротив поддержало промысел. Тем не менее в некоторых случаях может иметь место и обратная сторона коммерциализации — утрата смыслов в угоду рыночному спросу, превращение культурного наследия в декорацию, а сакрального предмета — в сувенир. В таком случае, являются ли этнопроекты естественным этапом эволюции культуры или же это лишь попытка зафиксировать «уходящую традицию» в удобных для потребления формах?

Тузиков Андрей Римович

д.с.н., проф., зав. кафедрой

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Республика Татарстан
an.tuzikoff@yandex.ru

Русскость, как параметр идентичности населения славянских народов, проживающих на территории исторической России, формировалась веками и в своей истории прошла этапы от средневеково-конфессиональной до имперско-политической. При этом чисто этнические факторы далеко не всегда играли определяющую роль. Достаточно вспомнить славяно-половецкие (князь Андрей Боголюбский) и славяно-скандинавские кейсы (князь Олег), не говоря уже о византийском влиянии на генетику и культуру эпохи Рюриковичей. Также заметно выражены и тюркские корни многих известных представителей элиты московского царства (Годуновы, Юсуповы, Шереметевы, Аракчеевы). В средневековый период этничность во многом была вторичной по отношению к конфессии. Православное вероисповедание в досоветский период фактически стало синонимом русскости. В имперско-политическом смысле наглядным является высказывание

Петра Первого, что «Русский — это тот, кто любит Россию и служит ей». Близкой к этой трактовке русскости стал придерживаться к 1945 г. и И. В. Сталин, заявивший, что он русский, но грузинской национальности.

В рамках русского языка существует синонимический парадокс в случае с амбивалентностью значения термина «национальность», т. к. он одновременно может относиться и к характеристике этнической (родоплеменной) принадлежности человека, так и к его национальной принадлежности (политической нации) в зависимости от контекста высказывания. Именно это подпитывает искушение взять за основу трактовки понятия «русский» как прилагательного, отражающего принадлежность к российской нации как к согражданству. В принципе это не плохой вариант купирования потенциальных противоречий идентичности в полиэтнической стране, если бы не некая настороженность нерусских народов и их страх потерять

собственную идентичность. Надо отметить и довольно сдержанное отношение русских к попыткам превращения их в «россиян». По данным переписи 2021 г., русских (и тех, кто считает себя таковыми) 71,7 % от общей численности населения России. Можно сколько угодно ставить под сомнения эти цифры, рассуждать о дискурсивном конструировании этничности, но, опираясь на постулат Э. Дюркгейма относительно роли коллективных представлений в жизни социума, можно считать преобладание русской идентификации в России социальным фактом.

Фактор полиэтничности российской гражданской нации формирует ряд социально-политических, социально-экономических и социально-культурных вызовов. Идентичность относится одновременно ко всем трем.

• Во-первых, вокруг идентификаций выстраивается социальная, культурная и экономическая политика. Возь-

мем, например, программы поддержки малых народов или апелляции политических лидеров в национальных республиках к этническому фактору их легитимации.

• Во-вторых, административно-территориальное устройство России в 29 случаях, так или иначе, учитывает этнокультурные параметры в названии субъектов РФ. На 2026 г. из 89 субъектов 26 имеют этнические титулы. Русскость же никак не акцентируется в названиях российских регионов. При этом только в четырех республиках титульные этносы явно преобладают численно.

• В-третьих, русские как народ, хоть и названы в Ст. 68, ч. 1 новой редакции Конституции России «государствообразующим» народом, но это вписано в контекст роли русского языка.

В силу этого «русский вопрос» продолжает оставаться актуальным в академическом и публичном дискурсах.

Туторский Андрей Владимирович

к.и.н., доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва
tutorski@mail.ru

Хотелось бы порассуждать на тему становления самобытности как непрерывного поступательного процесса на примере Русского Севера. Традиционно мы делим этническую историю на этногенез и дальнейшие этнотрансформационные процессы. Вместе с тем трансформации могут протекать по-разному в разных частях страны или на этнической территории одного народа. Хорошим примером разнонаправленности этнической истории может стать процесс становления самобытности культуры Русского Севера. Сложившись в XI–XII вв. как территория Заволочья, подвластная Новгороду, регион бассейна рек, впадающих в Северный Ледовитый океан, до сих пор сохраняет яркую специфику, связанную с новгородской культурой (былины, диалектные особенности, например название ветра «шелоник»). Вместе с тем, в XVI–XVII вв. на этих территориях происходит бурное развитие промыслов солеварения, железнотопки и металлообработки, судостроения, добычи

морского зверя и рыбы, именно этот исторический факт, совместно с новгородской культурной основой дал феномен культуры Русского Севера, открытой в XIX в. Важно подчеркнуть, что современные Псковская и Новгородская области, по мнению большинства исследователей, к территории Русского Севера не относятся, несмотря на то что именно новгородская основа считается наиболее важным культурным компонентом северорусской культуры. Таким образом, становление самобытности русской культуры — это постоянное движение и трансформация, в рамках которой как в едином «эволюционном поле» (по Н. Н. Крадину и В. А. Лыньке), существует несколько параллельных направлений развития, каждое из них несет свой культурный заряд. Именно Северный (связанный с Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниями) вариант русской культуры воспринимался многими исследователями как наиболее самобытный и аутентичный.

Федирко Оксана Петровна

в.н.с., д.и.н., доцент

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток
feirkoop@mail.ru

Идентичность русских на Дальнем Востоке: множественность, гибридность и гражданское единство

Дальневосточный федеральный округ — уникальное пространство, где на протяжении четырех столетий формировалась особая модель русской идентичности. Здесь, на восточных рубежах Евразии, русский народ продемонстрировал удивительную способность не просто осваивать новые территории, но и органично вращаться в иную культурную среду, сохраняя собственную идентичность и одновременно обогащая её.

Ключевая особенность дальневосточной русскости — её множественность. Исследователи фиксируют не единую «русскость», а множество вариативных форм: локально-территориальные сообщества (камчадалы, русскоустыинцы,

марковцы), этноконфессиональные группы (старообрядцы), гибридные идентичности, возникшие в результате смешанных браков, и, наконец, современные идентичности, формирующиеся под влиянием постсоветских трансформаций.

Как показывает В. А. Тураев, стратегия русского освоения принципиально отличалась от западных колониальных моделей. Отсутствие комплекса превосходства, сохранение аборигенного самоуправления, включение обычного права коренных народов в российское правовое поле — эти механизмы «культурного вращивания» обеспечили уникальный для мировой истории опыт мирного сосуществования пришлого и коренного населения.

Особую роль в формировании дальневосточной идентичности сыграла «проточная культура», о которой пишет Л. Е. Бляхер. Постоянная смена персонального состава населения, незавершенность культурной самоидентификации, ориентация на неформальные договоренности — эти черты определили психологический облик дальневосточника, способного быстро адаптироваться и принимать «другого» как своего.

Исторический процесс межэтнической миксации, начавшийся в XVIII в., привел к формированию особых этнолокальных групп, таких как забайкальские «гураны». Как отмечает Л. А. Крючкова, этот этноним, привезенный албазинскими казаками из Маньчжурии, стал символом синтеза русской, тунгусской и бурятской культур. Смешанные браки наложили отпечаток и на внешний облик коренного забайкальца, и на его самосознание.

Современные социологические исследования фиксируют доминирование общероссийской гражданской идентичности. В Забайкальском крае 70,3 % респондентов в первую очередь идентифицируют себя как граждане России. В Приморском крае описание российского единства строится вокруг душевных качеств россиян, в Бурятии — через призму общероссийской и территориальной принадлежности.

При этом региональная идентичность сохраняет свою значимость. Жители Сахалина и Курил обладают выра-

женной «островной психологией», воспринимая пространство как обособленное, но не замкнутое. Как пишет Л. И. Миссонова, «водная стихия воспринимается не как преграда, а как водный путь». Православие остается важным маркером, но носит преимущественно декларативный характер: 13,5 % опрошенных идентифицируют себя как «внеконфессиональные верующие», веря в «единого Бога» вне какой-либо религии.

Анализ миграционных процессов показывает, что в регионе сформировались три волны миграции, каждая из которых порождает свой тип идентичности. Представители «нулевой» и «первой» волн успешно интегрировались в местное сообщество, тогда как «вторая волна» воспринимается как «чужие», что приводит к стигматизации по этническому признаку, распространяющейся и на уже адаптированных предшественников.

Русский народ на Дальнем Востоке — это не моноэтническое образование, а сложная, динамичная система, включающая множественные локальные, конфессиональные, гибридные и современные идентичности. Этот опыт вариативности, сочетающий сохранение культурного ядра с открытостью к взаимодействию, представляет собой уникальную цивилизационную модель. В условиях современных вызовов именно способность к единству при сохранении многообразия становится ключевым ресурсом общероссийской гражданской идентичности.

Фурсова Елена Федоровна

Д.и.н., г.н.с., доцент

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
mf11@mail.ru

«Русскость» сибиряков как отражение процессов интеграции и адаптации

В том, что русский народ за свою более чем тысячелетнюю историю не только сохранился сам, но и вырабатал собственный этнокультурный потенциал, составляющий основу российской цивилизации и русского мира, заслуга не только правителей, армии, политиков, дипломатов, культурно-просветительских центров, но и, конечно, ученых-этнографов. Если среди этнографов XIX в. по своему сословному происхождению было немало выходцев из интеллигентно-разночинной среды, далеких от крестьянских сфер жизни, которые в процессе работы «вживались» в русскую среду (так называемый эмический подход), то, наоборот, многие советские ученые нередко были интеллигентами в первом поколении, знакомыми с миром русской деревни не понаслышке, им не требовалось преодолевать отчуждение местного населения. Очевидно, что именно в 1920–1980-е гг. были собраны уникальные материалы, отражавшие русскую этническую самобытность и образ жизни досоветского и советского периодов. Внимание советского государства к научным этнографическим исследованиям, а также самоотверженность и ответственное отношение ученых к работе позволили собрать разнообразный и многоаспектный материал, который воплотился в многочисленных публикациях, а также сохранился в музеях, архивах и других собраниях (ИЭА РАН, Кунсткамера, ИАиЭ СО РАН и пр.). В последние годы обновление

теоретических подходов и методов этнологии и антропологии укрепило наше желание прочесть собственную историю и культуру, что придает антропологическим исследованиям онтологический смысл.

Поиски и разработка концепта «русская идентичность», «русскость» в районах Сибири позволила подвести некоторые итоги и обозначить новые проблемы. В условиях неразделенности и отсутствия границ в Сибири происходила интеграция близкородственных восточнославянских народов (русских, украинцев и белорусов), их взаимодействие с друг другом, что усиливало русскую идентичность выходцев из разных районов Российской империи. В сибирском контексте «единство» — это процессы адаптации и взаимодействия, актуализации близких по форме и содержанию традиций и, наоборот, ослабление контрастирующих традиций. Подобная тематика, поднятая в докладе «Обретение утраченного единства славянских народов в Сибири», затрагивалась нами на XIII Конгрессе антропологов и этнологов России (2019 г., г. Казань). С тех пор актуальность исследования процессов, происходящих в русско-сибирской среде в современных условиях, когда в условиях глобализации и информационных технологий Россия держит удар на сохранение национальной самобытности и своих «вечных» ценностей, только возросла.

Современные коренные сибиряки в исторической ретроспективе: процессы трансляции и актуализации

В научной этнографической литературе, посвященной проблемам истории и культуры русских Сибири и Дальнего Востока, издававшейся АН СССР и далее РАН, объект исследования обозначался как «русское население» с выделением ряда старообрядческих и локальных групп («семейских» Забайкалья, «поляков» Алтая, индигирцев, колымчан и некоторых других). В обобщающей работе «Русские» (М., 1997) подчеркивалось, что, с одной стороны, все русские имели общие этнокультурные черты, с другой, каждая из сибирских групп вплоть до середины XX в. сохраняла присущие только ей особенности. Масштабная работа по идентификации русских сибиряков продолжилась в рамках гуманитарного отделения СО АН СССР с конца 1960-х гг. при участии историков, этнографов, фольклористов. В рамках системного подхода, ориентированного на историко-этнографическое исследование крестьянской культуры, вышел труд «История крестьянства Сибири», в котором подверглись анализу материальная культура, семья, семейный быт, народные знания, прикладное искусство групп старожильского населения (Новосибирск, 1983).

В 1980–1990-х гг. на материалах Западной и Восточной Сибири (зоны земледелия в Приобье, Барабе, Кулунде, на Алтае и пр.) были выделены компактные конфессионально-этнографические группы середины XVIII — начала XX в., образовавшиеся в результате миграции и адаптации на новых землях («курганы» Присалаирья, белорусские «москальи» Васюганья, «двоеданы» и др.). Особое место на этнографической карте Сибири занимали компактные и рассеянные этнографические и конфессионально-этно-

графические группы, выделившиеся из родного этноса в результате реальных (часто переосмысленных в мифологическом ключе) событий отдаленного прошлого — «чалдоны», «жержаки». Рассеянные и компактные территориальные этнографические группы российских, «поздних» переселенцев второй половины XIX — начала XX в. — «вятичей», «орлов», «курян» и других объединяла общность мест выхода и исторической памяти, культурно-бытовые особенности. Интеграция русских с близкородственными восточнославянскими этнокультурными группами, выходцами из западных пределов Российской империи («полтавскими», «могилёвскими» и пр.), их взаимодействие с другим укрепляло русскую идентичность.

Если для начала XX в. основным этнодифференцирующим признаком старожилов являлось выраженное самосознание, опиравшееся на представления о сибирской укорененности предков, об «исконном» праве на землю и ее ресурсы, а прибывшие пореформенные и столыпинские переселенцы считались вторичными по отношению к первопроходцам, то в настоящее время, по прошествии более чем ста лет, ситуация изменилась. «Поздние» переселенцы, проживающие в Сибири уже в четвертом–пятом поколениях, наравне со старожилами мыслят себя не иначе как коренным местным народом, «сибиряками», чему, конечно, способствовали и браки со старожилами. Особенностью этнографических групп русских Сибири является их общее этническое самосознание, представления об общности исторических судеб, ценностей, связь с землей и природой сибирского региона.

Хабибуллина Зилия Рашитовна

к.и.н., с.н.с.

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, Уфа, Республика Башкортостан
zilyahabibi@mail.ru

В условиях глобализации и ускоренного развития технологий сохранение историко-культурного наследия становится одной из ключевых задач для многих народов России. Новые возможности для сохранения и популяризации культурного наследия предоставляют виртуальные платформы, такие как цифровые архивы, онлайн-музеи и образовательные ресурсы и другие, а в настоящее время и искусственный интеллект (ИИ).

Виртуальные платформы стали мощным инструментом для образования и просвещения молодежи о культурном наследии. Онлайн-курсы, вебинары и интерактивные выставки привлекают внимание молодежи и могут способствовать формированию уважения к разным культурам.

Цифровые проекты располагают к сотрудничеству между различными регионами и народами. Обмен опытом и ресурсами между музеями, образовательными учреждениями и культурными центрами мог бы привести к более эффективному сохранению историко-культурного наследия российских народов.

Использование новых технологий, таких как дополненная реальность (AR) и виртуальная реальность (VR) становятся новыми формами презентации культурного наследия. Эти технологии могут создать уникальный опыт

взаимодействия с историческими объектами, привлекая большее количество пользователей. В качестве успешного примера можно привести оцифровку священных мест ислама в Хиджазе, с которыми может познакомиться любой пользователь интернета в удобное для него время.

Виртуальные платформы позволяют сделать культурное наследие доступным для широкой аудитории по всему миру. Это может способствовать не только его сохранению, но и популяризации среди международной общественности.

В последние несколько лет актуализировался ИИ. Так, углубленная интеграция технологий и ислама фиксируется с 2020-х гг. Это время экспериментов с искусственным интеллектом: ИИ применяется для создания чат-ботов, которые отвечают на вопросы об исламе. Сейчас уже обсуждаются проекты по оцифровке или оживлению с помощью ИИ исторических и современных персонажей, которые смогут консультировать мусульман по актуальным вопросам.

Использование ИИ в исламе поднимает вопросы о роли человека в религиозной практике (может ли машина заменить имама или муфтия?), о возможных ошибках или предубеждениях в алгоритмах ответов ИИ,

а также о допустимости получения религиозных знаний от нечеловеческого источника. Однако применение технологий опережает этические сомнения, это связано с коммерциализацией этой сферы и технологической борьбой между странами. Появилось устойчивое мнение, что у каждой страны должен быть свой ИИ и мы наблюдаем некое соревнование в развитии этих технологий. Следует отметить значительные финансовые вливания мусульманских стран в развитие ИИ. Например, Арабские Эмираты ежегодно тратят до 5 млрд долларов на развитие ИИ, тройку лидеров в развитии ИИ на Востоке составляют Китай, Эмираты и Индия.

Развитие IT-услуг создает новые рабочие места и стимулирует экономический рост в этом сегменте, но также может привести к концентрации власти и влияния у немногих крупных игроков, готовых вложиться в эту сферу с целью получения прибыли.

Несмотря на развитие технологий, многие регионы России сталкиваются с проблемами доступа к интернету и недостаточной технической оснащенности. Существует такое понятие, как «цифровое неравенство», термин, который описывает различия в доступе к цифровым технологиям и интернет-ресурсам между различными группами населения, включая этнические сообщества. В некоторых регионах, особенно в удаленных и сельских местностях, доступ к высокоскоростному интернету ограничен. Это создает разрыв между теми, кто имеет возможность использовать интернет для получения информации и услуг, и теми, у кого он ограничен.

Важным условием становится техническая грамотность. Даже при наличии доступа к технологиям не все группы населения обладают достаточными навыками для их эффективного использования. Это связано с недостатком образовательных ресурсов или программ обучения. Цифровые технологии малоразвиты среди народов с уникальными языками и культурными традициями.

Высокая стоимость устройств и услуг связи становится барьером для использования цифровых технологий. Содержание и репрезентация культурных и исторических особенностей народов в цифровом контенте требует наличия высокомотивированных, грамотных специалистов, часто ведущих свою деятельность на общественных началах, тогда как необходимо постоянство в этой деятельно-

сти, регулярное обновление информации. В сети существует множество так называемых «мертвых аккаунтов», начатых и брошенных.

Важный регулятор цифровой деятельности — политические и правовые аспекты. В ряде случаев государство может ограничивать доступ к интернету или контролировать информацию, что также влияет на особенности представительства этносов и конфессий в виртуальном пространстве.

Следует также учитывать, что использование виртуальных платформ может привести к утрате культурной идентичности. Цифровизация материалов требует адаптации культурных особенностей к современным стандартам, риску искажением оригинального содержания и значения объектов наследия. В виртуальном пространстве создаются режимы видимости, мало коррелирующие с действительностью, современный цифровой пользователь часто предпочитает развлекательный и исключительно позитивный контент.

Вопросы авторского права и интеллектуальной собственности также оказываются дискуссионными. Не всегда ясно, кто обладает правами на цифровые копии культурных объектов, что может затруднять их размещение на виртуальных платформах.

Многие проекты по созданию виртуальных платформ для сохранения культурного наследия сталкиваются с нехваткой финансирования. Это ограничивает возможности по разработке высококачественных ресурсов и привлечению специалистов и продолжает оставаться в руках идейных активистов.

Использование виртуальных платформ для сохранения историко-культурного наследия народов России представляет собой многообещающую стратегию, которая может значительно повысить уровень узнаваемости и осведомленности об их культуре и традициях. Однако для успешной реализации этой стратегии необходимо преодолеть существующие проблемы, такие как технические ограничения, вопросы правовой защиты и недостаток финансирования. Только совместными усилиями государственных структур, научных организаций и общества можно создать эффективные инструменты для сохранения и популяризации уникального наследия народов России в цифровом формате.

Харитонов Игорь Николаевич

н.с.

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь
igorha@mail.ru

В современных условиях актуализируется вопрос ценностной составляющей определения нации. Отмечу, что особенностью такого общественно-политического явления, проявившегося в XIX — начале XX в., как самоопределение народов, формирование наций и образование национальных государств, является то, что цели и результаты этих процессов стали общественно-политическими ценностями сами по себе. В отношении нации легко выделяются подобные ценности суверенитета, самобытности; общественного единства и солидарности; значимости национальной принадлежности и идентичности; самосохранения нации, «наднациональной» (цивилизационной или «формационной») принадлежности.

В начале XX в. возросшая значимость данных ценностей привела к переустройству территории бывшей Российской империи, формированию автономных и суверенных областей, краев и республик.

Вместе с тем можно обнаружить, что подобный общественно-политический ценностный компонент прямо не представлен в актуальном определении нации того времени, сформулированном Иосифом Сталиным, одним из непосредственных реализаторов новой национальной структуры советского государства и общества.

В исходящем из марксистских взглядов определении нации как исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, террито-

рин, экономической жизни и психического склада, не подчеркиваются общественно-политическая воля, новые общественные ценности, способствовавшие собственно политическому самоопределению народов. Тот самый момент, который отмечается у Эрнеста Ренана («повседневный плебисцит»).

Учет данного компонента очень важен, поскольку именно с этими ценностями и их трактовками связаны многие моменты современного существования наций. В итоге, на наш взгляд, нацию можно определить как *исторически сложившуюся на базе лингвистического, этнического, психического и экономического факторов устойчивую общность людей, следующую общественно-политическим ценностям своих суверенитета, социокультурной самобытности,*

единства и самосохранения, групповой принадлежности и групповой идентичности, а также ценности определенной наднациональной (над-этнической) принадлежности и направленности.

Именно последняя ценность, наднациональной (над-этнической) принадлежности и направленности, является актуальной в современных условиях. Четкая проработка взаимоотношения других вышеупомянутых ценностей с важной ролью «наднациональной» принадлежности и направленности (выраженной как общая история, «общность судьбы», цивилизационная общность; политическая, общественная и экономическая интеграция; полиэтнический характер государства и т. п.) позволяет достигать баланса в обществе.

Харламова Юлия Александровна

д.полит.н., доцент, проф.
Московский государственный институт культуры, Химки

Соборность как цивилизационный элемент матрицы управления Россией. Послемонгольский цикл

На планете Земля было не так много стран или народов, создавших цивилизации, которые были бы способны культурно и духовно обогатить других и предложить свою модель «культурной гегемонии», если воспользоваться термином Антонио Грамши в рамках созданной им теории. Он выделял «культурное ядро», т. е. совокупность общественных достижений, включающих науку, искусство, организацию общественной и государственной жизни, традиции, обычаи и нравы, сформировавшиеся в обществе за определенный период времени. В контексте этой теории можно попробовать определить «культурное ядро» русской цивилизации, а на примере гибели советской цивилизации понять почему это произошло. В данном случае нам может помочь и наследие других мыслителей и ученых — таких как Данилевский, Шпенглер, Тойнби.

Русский ученый Н. Данилевский ввел понятие культурно-исторического типа, на который, по его мнению, возлагается большой объем задач по сохранению и воспроизводству цивилизации.

По мнению А. Тойнби, византийское православие, будучи перемещенным в пространство Древней Руси, стало стимулом генезиса новой православно-восточной (русской) цивилизации. Крещение Руси определило ее включение в «византийское содружество народов», но только ей удалось создать в перспективе свою собственную цивилизацию.

О. Шпенглер был твердо убежден, что такие символические фигуры как священник Иоанн Кронштадский и даже Распутин, а также Иван Грозный и Петр Великий, пробудят в своих недрах новый тип вождей, вождей для крестовых походов и сказочных завоеваний.

Иван Грозный положил начало политической культуре, которая носила антизападный характер, что было связано с Люблинской унией и Ливонской войной. Модели централизации и усиления государства были не только эффективными, но и живучими на протяжении российской истории, и в измененном виде периодически воспроизводились, как воспроизводились внешние и внутренние условия, обуславливающие данный институциональный выбор.

По сути основы церковно-монастырской системы как новой матрицы сборки русской цивилизации под началом Москвы были заложены преподобным Сергием Радонежским и святителем Алексеем. Необходимо подчеркнуть, что в той или иной мере Троицкий монастырь принимал участие во всех крупнейших политических событиях своего времени и был тесно связан с царским двором, был по преимуществу «Царским Богомолем».

На наш взгляд, монгольский цикл был завершён и прерван с помощью социальной «технологии» соборности, если воспользоваться аналогиями, представленными в теории культурных кругов Фрица Гребнера, которая проявилась во множестве форм русской жизни.

Соборное единство не означало подавления личности человека, противопоставление человека и мира не было характерно для русской традиции, наоборот, ориентация на их единство при сохранении взаимной самостоятельности и самоценности. С. А. Франк справедливо рассматривал соборность как «внутреннее органическое единство, лежащее в основе всякого человеческого общения, всякого общественного объединения людей».

Цвижба Абзагу Геннадиевич

Руководитель аппарата, Всемирный абхазо-абазинский конгресс,
международное объединение «Алашара», председатель, Союз творческой молодежи Апсны,
член совета, Совет молодых ученых при Президенте Республики Абхазия
tsvizhba.abzagu97@mail.ru

Этнопроект в современном мире — не просто форма досуга, а критически важный инструмент ревитализации традиции. Однако его эффективность прямо пропорциональна опоре на научно осмысленное понимание культуры как живого, адаптивного процесса, а не музейного экспоната. Рассмотрим это на примере абхазской этнокультурной системы *ансуафа*.

Этимологический анализ корня *аңс-/псы* раскрывает глубинную суть *ансуафа*. Лексемы *аңсы* (душа, дух), *аңстаза-афа* (жизнь — «душе/духосодержание»), *аңсра* (смерть — «превращение в душу/дух»), а также гидронимы (Бзып — «прыгающая вода») показывают, что исходное значение корня — «движущаяся масса, поток». Поэтому *ансуафа* интерпретируется нами как процесс «духотворение» (*ансыу-ра*) — постоянное творение в себе духа через этикет, уважение к старшим, гостеприимство.

На основе полевых материалов разработана пятистадийная модель генезиса *ансуафа*. Ключевой вывод: традиция жива только тогда, когда она переживается, а не изучается. Задача этнопроекта — создать искусственную, но подлинную среду для этого переживания.

Опираясь на эту теорию, наша команда реализовала ряд проектов. Фольклорные группы СТМА в Петербурге,

Москве и Абхазии через музыку приобщают к исчезающему языку даже тех, кто не владеет им в быту. «Алмандара» превратила понятие «земля предков» в личный опыт для 600 сельских школьников. «Игры народа Абза» моделируют общину, где нормы усваиваются автоматически.

Однако разрозненные проекты не заменяют системной работы. Поэтому разработана концепция этнокультурного образования, победившая в 2025 г. в региональном этапе премии «Знание. Премия». Ее цель — интеграция языка, истории и ценностей в школьные программы и подготовку педагогов. Отличие от обычных «уроков культуры» — методология: не информирование, а создание среды для проживания традиции (ремесленные мастерские, полевая работа со старейшинами).

Эта концепция перекликается с тезисом Президента России о многонациональности как богатстве страны. Предлагаемая модель универсальна и может быть наполнена содержанием любого этноса. В перспективе — создание специализированных школ по типу кадетских корпусов. Задача этнопроекта, на наш взгляд, — создавать условия для этой дальнейшей жизни.

Черных Александр Васильевич

член-корреспондент РАН, проф., директор
Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь
atschernych@yandex.ru

Идентичность — один из ключевых концептов в современной этнологии и антропологии представляется многозначным и многоуровневым феноменом, с одной стороны, статичным и сохраняющим свою основу, а с другой — динамично развивающимся и реагирующим на малейшие изменения в обществе. Дискуссия в основном развивается вокруг понятия российский народ и российская нация. Хотя для России в целом характерна множественность и многоуровневость и региональных форм идентичности как для макрорегионов Урала, Сибири, Дальнего Востока, Северного Кавказа, так и субъектний ее уровень — Пермский край, Свердловская, Курганская, Челябинская область и др., входящие в Уральский макрорегион. Локальные варианты идентичности не менее значимы для повседневной жизни общества, так и не менее интересны для этнологов и антропологов для выявления закономерностей и специфики их развития. Для Урала характерно множество локальных вариантов идентичности, этнокультурных, конфессиональных, этнических границ. В этой множественности и сложности и представляется главная особенность как региона, так и России в целом. К таким идентичностям можно отнести «заводских» и «крестьян», православных и старообрядцев, жителей уральского севера и степного юга. Уральское заводское

самосознание в заводских поселениях явилось итогом целого комплекса причин и факторов, повлиявших на становление изучаемых особенностей, среди которых не только участие в заводском производстве, но и статус, принадлежность заводских к казенным или частным заводам, разные модели взаимодействия с сельской округой, от формирования заводских «островов» в русском инокультурном или иноэтническом окружении, до отсутствия явных этнокультурных границ с сельской округой. Сформировавшиеся в период становления и активного функционирования горнозаводского производства во второй половине XVIII — начале XX в. особенности самоопределения и этнокультурных границ сохраняются и до настоящего времени, даже в тех бывших заводских поселениях, заводское производство в которых было остановлено во второй половине XIX — начале XX в.

Многонациональность России и ее регионов также является полем взаимодействия идентичностей. При этом для исследователей наиболее интересны мобильные, вариативные, ситуационные формы проявления этничности, так как именно в этом случае включается дискуссия и закономерности динамики этнических процессов. И каждый из многочисленных российских примеров может быть разобран детально. Цыгане России — осознают

свою связь с Россией и выступают частью российской нации. При этом цыганское сообщество страны представлено несколькими десятками этнических групп, каждая из которых имеет свой этноним, идентичность и групповые границы. Каждая из групп в этом трансграничном сообществе представлена не в одном, а в нескольких десятках государств, обладая общностью языка и этнокультурных комплексов. Не менее интересны «рождающиеся» новые идентичности. Небольшая группа населения коми по р. Язьва в Пермском крае в дореволюционных материалах и переписях именовала себя пермяками. И сегодня этот этноним можно услышать от старшего поколения. В советское время коми население этого района записывали преимущественно русскими. В 1990-е гг. на фоне активного научного интереса к язывинским пермякам, в научно-популярной литературе обосновывался статус этнической группы как самостоятельного, третьего народа коми. Был предложен и новый созданный этноним для этой группы — коми-язывинцы. В итоге группа не получила

официальный статус отдельного народа и мы наблюдаем ситуацию неопределенности. В переписи коми-язывинцы выбирают между коми и коми-пермяками, коми-язывинцами и пермяками. Не менее интересной представляется ситуация с татарами и башкирами, проживающими в поречье р. Тулва Пермского края, для которых характерна двойственность, подвижность и ситуативность этнической идентичности, размытость и условность этнических и этнокультурных границ. Двойственность и подвижность самосознания у пермских башкир и татар выступают и определенным этническим ресурсом, показателем этнической мобильности, выраженной в способности «входить» в культуру как башкирского, так и татарского народа.

Разбор конкретных примеров всегда позволяет показать сложные модели современных этнических процессов и грани идентичности — неисчерпаемое поле для этнологии и антропологии, общественных дискуссий и компромиссов.

Шпагин Сергей Алексеевич

независимый исследователь, Санкт-Петербург; координатор межрегиональных проектов
Общественного фонда содействия социально-экономическому развитию «Танаис», Ростов-на-Дону
s.shpagin@mail.ru

Жизнестойкость идеи «Многояродности России» как многонационального государство-цивилизации зависит от адекватности ответов на главный вызов современности — Великое переселение народов. Этот процесс важнее и серьезнее по масштабам и последствиям, чем просто миграции, беженцы, этнические чистки. К традиционным мотивам силового переустройства мира — борьбы за источники сырья и рынки сбыта в рамках

суверенитета над ними, добавляется новый элемент — цивилизационные центробежные и центростремительные процессы. Наблюдается относительное снижение доминирования индустриальных обществ, основанных на иудеохристианских принципах. На формирование новой реальности влияют системный ревизионизм и реваншизм, кризис европоцентризма, что порождает тенденцию к неоарханке.

Шульга Марина Михайловна

д.с.н., проф.
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
shulgamm@mail.ru

Многояродность России — это уникальная модель государственности. В современном мире сложно найти моноэтническое государство, все — полиэтничные, поликонфессиональные и поликультурные. Особенность России заключается в том, что:

(а) находясь на стыке Европы и Азии, она на протяжении всей истории объединяла народы разной культурной традиции — разных языковых групп, разных религий, особенностей хозяйственной и общественной жизни, менталитета;

(б) большинство народов входили в состав России добровольно, оставались жить на своих территориях, сохраняли свою культуру и традиции;

(в) национальная политика никогда не ставила своей целью ассимиляцию народов, вошедших в российское государство. Это манифестируется и в концепции «страны народов» в XVIII в., и в идеологии «союза (семьи, братства) народов» в СССР, и в стратегических документах современной России — укрепление общероссийской

гражданской идентичности с использованием этнокультурного разнообразия как ресурса развития. Отметим, что классическая имперская модель управления полиэтничным пространством (Великобритания, Франция, Испания) предполагали ассимиляцию колоний или окраин. Мультикультурализм, поддерживая культурные различия, прежде всего мигрантов, привел в результате к обострению этнокультурных противоречий. Американский «плавильный котел», декларируя интеграцию мигрантов и иммигрантов в единое американское общество, на деле просто не обращает внимания на эту проблему;

(г) Россия способствовала сохранению и развитию народов, присоединившихся к ней.

В настоящее время многояродность как важная характеристика российского общества закреплена в Конституции РФ, в термине «многонациональный народ»: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...» (преамбула). Такое определение фиксирует политико-правовой

аспект единства различных этносов в рамках одного государства, институционализирует Россию как цивилизационное единство народов с общностью исторических судеб.

Безусловно, многонародность России имеет ряд преимуществ: культурное разнообразие обогащает общероссийскую культуру и формирует особенный человеческий капитал, обуславливает потенциал для межкультурного диалога в поле международных отношений, повышает устойчивость общества к глобальным вызовам и угрозам. С другой стороны, многонародность потенциально со-

держит в себе риски этноконфессиональных конфликтов. Важно формирование общегражданской идентичности, которая преобладает над этнической, но при этом сохраняется этнокультурное разнообразие. В этом контексте практический интерес представляет идея «многонародной нации», которая акцентирует интегративный потенциал общности граждан, объединенных общими ценностями и интересами, независимо от этнической принадлежности (представляется, что понятие «советский народ» из последней Конституции СССР также работало на интеграцию народов России).

Этнокультурная и цивилизационная самобытность русского народа рассматривается в мировой социогуманитарной науке как «русский феномен» — понятие, описывающее уникальную модель социокультурных взаимодействий, сформированную русским народом на протяжении тысячелетней истории. «Русский феномен» сложился объективно под влиянием уникальных географических (обширность территории и отсутствие естественных границ, суровые климатические условия, континентальное положение между Востоком и Западом, богатство природных ресурсов при сложности их освоения), историко-политических (необходимость постоянной защиты рубежей, многовековой опыт сосуществования разных этносов и конфессий, общинность как форма выживания в сложных условиях, ведущая роль государства, фронтирный

характер освоения территорий), и духовных факторов (принятие православия как мировоззренческой основы, синтез христианских и языческих традиций, идея соборности, мессианские представления).

Изучение «русского феномена» — культурно-ценностных, социально-психологических, цивилизационных его проявлений — имеет не только важное теоретическое, но и практико-ориентированное значение. Это необходимо для формирования стратегии развития современного российского общества, артикуляции национальной идеи, укрепления общероссийской гражданской идентичности, оптимизации этнополитики, эффективного использования «мягкой силы» в сфере международных отношений, социально-политической социализации российской молодежи и др.

Понятия «нация», «народ» и «коренной народ» являются многозначными в зависимости от контекста (политический или этнокультурный), методологического подхода, сферы использования. Их роль в этнополитике разного уровня является ключевой, поэтому несмотря на их активное использование в научном нарративе, понятия остаются в центре научных дискуссий. В самом общем плане в настоящее время понятие «нация» чаще используется в политическом смысле — «гражданская нация». В конструктивистской традиции «нация» — социальный конструкт, формируемый через социальные процессы и идеологию. Понятие «народ» чаще используется в социокультурном значении, с привязкой к этническим группам.

Актуальность понятия «коренной народ» обусловлена его широким использованием в сфере этнополитики

и международного права. Согласно рабочему определению ООН (подготовленному специальным докладчиком Х. Мартинесом Кобо), коренные народы — это нынешние потомки народов, которые проживали на территории государства в момент прибытия туда людей другой культуры и этнического происхождения, покоривших их и поставивших в зависимое положение. Однако в законодательстве разных стран это понятие определяется по-разному, что связано с историческими и политическими факторами. В современной России в Конституции используется понятие «коренные малочисленные народы» — этносы, населяющие территории традиционного расселения своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни и имеющие численность не более 50 тыс. человек.